

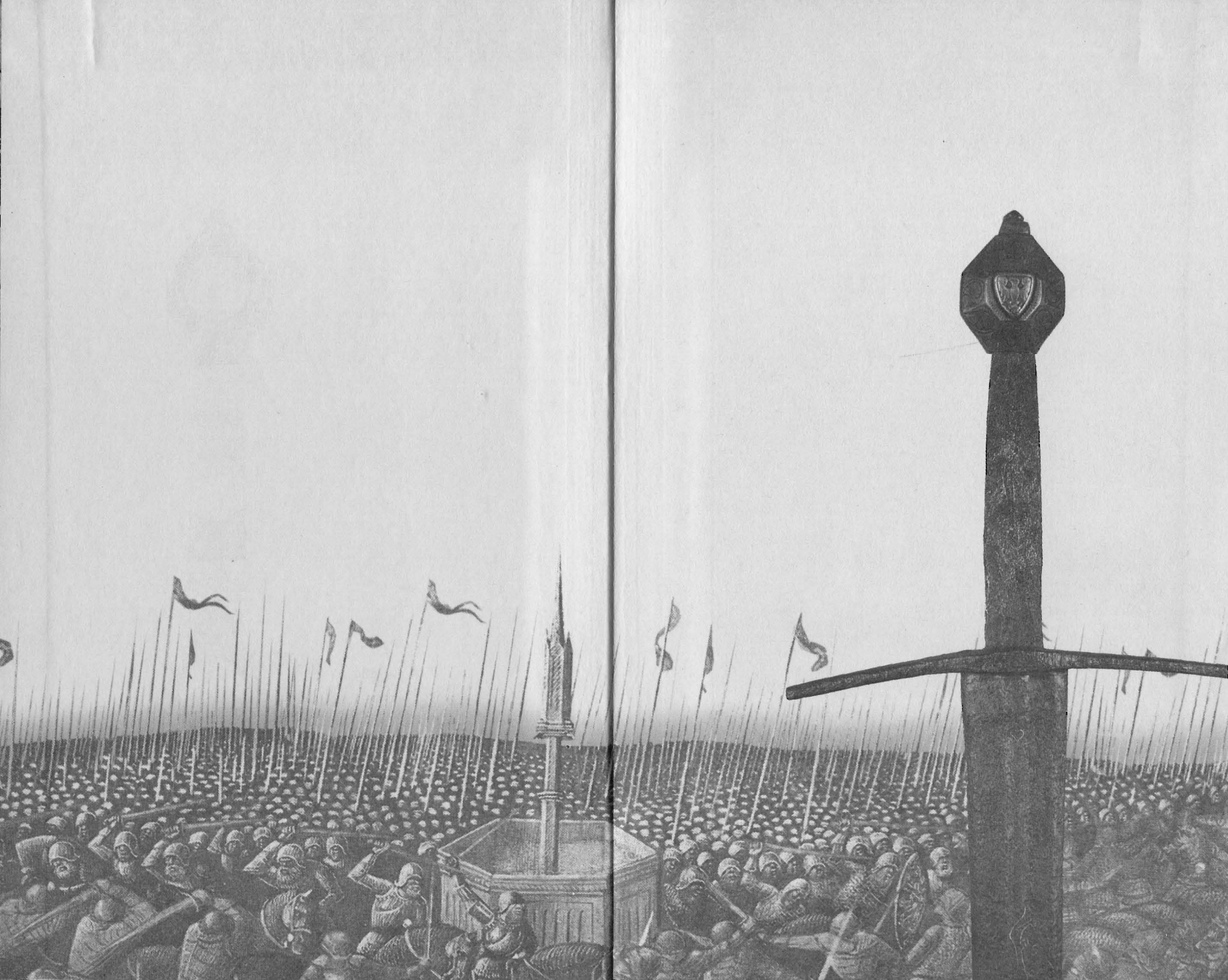
ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Ж. Бордонов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ТАМПЛИЕРОВ В XIII ВЕКЕ

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Ж. Бордонов

Georges Bordonove
LA VIE QUOTIDIENNE
DES TEMPLIERS
AU XIIIe SIÈCLE

HACHETTE

ЖИЗНЬ ТАМПЛИЕРОВ В XIII ВЕКЕ

УДК 272
ББК 86.375
Б 82

Sean By Vitaustus

Предисловие и перевод с французского
В. Д. БАЛАКИНА

Художественное оформление
С. ЛЮБАЕВА

Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture —
Centre national du livre

Издание осуществлено с помощью
Министерства культуры Франции
(Национального центра книги)

Ouvrage réalisé avec le soutien
du Ministère des affaires étrangères français

Издание осуществлено при поддержке
Министерства иностранных дел Франции

Перевод осуществлен по изданию:
Georges Bordonove. La vie quotidienne des templiers au XIIIe siècle.
Paris, Hachette, 1990

ISBN 5-235-02631-4

© Hachette, 1990
© Балакин В. Д., вступительная статья,
перевод, 2004
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2004
© «Палимпсест», 2004

Тамплиеры, храмовники, «бедные рыцари Христовы из храма Соломона»... Еще одна тайна или, вернее, парадокс, коими столь богата история человечества. Мало о ком столько писали и пишут, как о тамплиерах, и все равно как будто что-то о них недоговорено, загадочный покров тайны так и не удается откинуть (видать, умели они хранить свои секреты...). «Бедные рыцари Христовы», скопившие богатства, какими мало кому из смертных доводилось владеть. Менее двух веков просуществовал духовно-рыцарский Орден тамплиеров с момента его учреждения Гуго де Пайеном и до ликвидации королем Франции Филиппом Красивым, действовавшим с вольного или невольного благословения папы Климента V, а тамплиеры или «бывшие тамплиеры» и века спустя продолжали свое невидимое для непосвященных присутствие в мире, тайком ориентируя политику государств в нужном для себя направлении. Во всяком случае, не без участия этих тайных рыцарей Храма возникло в начале XVIII века масонство. Но это уже, как говорится, другая история, не имеющая отношения к книге Ж. Бордонова, которую уважаемый читатель взял в руки.

Надо заметить, что название «Повседневная жизнь тамплиеров в XIII веке» несколько уже содержания книги, излагающей всю историю собственно духовно-рыцарского Ордена тамплиеров от начала до конца

его существования. Автор объясняет выбор хронологических рамок тем, что XIII век был периодом наивысшего расцвета Ордена. Далеко не бесспорное утверждение, если вспомнить, что в это время христиане вообще и тамплиеры в частности на Востоке шли от утраты к утрате, начиная с уступки Саладину в 1187 году Иерусалима и кончая потерей в 1291 году последней крепости — Акры. Личного героизма рыцарям-тамплиерам и тогда было не занимать, однако, думается мне, свои наиболее славные дела они совершили в XII веке, заслуженно стяжав почет и уважение одних и зависть и ненависть других. К сожалению, чем дальше, тем больше становилось тех, кто завидовал и ненавидел, и именно этим озаменовался для тамплиеров XIII век. Впрочем, если периодом их наивысшего расцвета считать время, когда они были особенно богаты и политически влиятельны, то автор прав. Нельзя забывать и о том, что XIII век в истории Церкви и монашества слывет Великим веком. Как говорится, ничто не предвещало беды...

Ж. Бордонов просто не мог закончить свою книгу на благостной ноте, написав, что после падения Акры тамплиеры перебрались из Святой Земли в Западную Европу (вернее, те из них, кто служил на Востоке, ибо и до того на Западе их было предостаточно) и стали процветать лучше прежнего — слишком хорошо известно, что произошло в седьмой год нового, XIV века. В книге достаточно подробно говорится о процессе над тамплиерами, и чувствуется, что автор всецело на их стороне. От него не только достается «фальшивомонетчику» Филиппу Красивому и безвольному Клименту V, но и звучит немало горьких упреков в адрес последнего Великого магистра Ордена тамплиеров, Жака де Моле, оказавшегося не на высоте положения. В столь роковую для Ордена минуту на его месте надлежало быть человеку иного склада, крепче характером, умнее и дальновиднее. Но тут уже начинаются оценочные суждения, единодушия в которых не было и нет: если для одних тамплиеры бесспорно виноваты, то для других они столь же неоспоримо невиновны.

Главной причиной подобного оценочного разнobia послужило предвзято проведенное следствие и судебное разбирательство в отношении храмовников. Все делалось для того, чтобы угодить корыстолюбивому королю, по распоряжению которого в пятницу 13 октября 1307 года все тамплиеры Франции были арестованы. Не могу не разделить изумления Ж. Бордонова по поводу того, что удалось сохранить в секрете подготовку столь грандиозной акции и провести ее без сучка и задоринки: то ли тамплиеры и вправду ни о чем не подозревали, то ли не верили доходившим до них слухам, то ли были столь свято убеждены в собственной невинности, что даже не считали нужным беспокоиться о своей защите. Мотивировка короля, обосновавшего свою беспримерную акцию тем, что рыцари Храма погрязли в безверии, совершают кощунственные обряды и предаются содомии, не только нам, людям XXI века, кажется неубедительной, но и не вызывала доверия у современников — кроме тех, для кого любой повод был хорош, чтобы разделаться с ненавистными соперниками и конкурентами. Ни для кого не являлось секретом, сколь сильно нуждался в деньгах Филипп IV, и прежде ничем не гнушавшийся, чтобы поправить свое материальное положение (например, портил монету, чем и заслужил прозвище Фальшивомонетчик), а теперь положивший глаз на богатства тамплиеров. Думается, напрасно Ж. Бордонов упрекает Жака де Моле за то, что он не уберег Орден от грозившей беды, не проявил достаточной прозорливости и изворотливости: храмовники были обречены. Та же участь ждала и госпитальеров, да только преждевременная смерть перечеркнула планы короля.

История Ордена тамплиеров столь же таинственна, сколь и поучительна. Как могло получиться, что братство, возникшее ради благороднейшего служения и поначалу следовавшее своим строгим принципам, пришло к столь печальному концу? В 1119 году французский дворянин средней руки Гуго де Пайен с группой соратников общим числом не более девяти

человек заявил о своем намерении охранять паломников, направлявшихся в Святую Землю. Король Иерусалимского королевства приютил их у себя во дворце, близ того места, где, по преданию, стоял Храм Соломона, откуда и пошло название нового братства — храмовники, или тамплиеры, от французского слова «temple» — дворец. В 1128 году папа Гонорий II утвердил новый духовно-рыцарский орден. Его устав, написанный по образцу строгих правил Цистерцианского ордена, явился попыткой совместить казавшееся несовместимым — монашеский и рыцарский идеалы жизни, что само по себе служило поводом для упреков (монах не имеет права брать в руки оружие). Щекотливая проблема ручного, физического труда, который по уставу родоначальника западного монашества Бенедикта Нурсийского считался обязательным (*ora et labora* — *молись и трудись*), была решена просто: тамплиеры благородного происхождения, рыцари (которые только и являлись полноправными членами Ордена), несли военную службу и молились, а трудились за них братья-служители из простого народа, выполнявшие крестьянские и ремесленные работы. Первые, соответственно, носили белоснежные плащи, а для вторых был предусмотрен черный цвет.

В командорствах Востока, где Орден нуждался прежде всего в воинах, было примерно равное соотношение тех и других. На Западе же, где тамплиеры владели обширными землями, движимым и недвижимым имуществом, служившим экономической основой их военных предприятий в Святой Земле, больше требовалось братьев-служителей, которые и сами трудились, и управляли обширными хозяйствами со множеством наемных работников. В этой структуре западноевропейских командорств Ордена, возможно, кроется одна из причин его гибели. Из 138 тамплиеров, допрошенных в 1307 году в Париже, только 14 являлись рыцарями (подобное соотношение примерно 1:10 наблюдалось и в других местах). Что было бы, если бы среди тамплиеров, арестованных по приказу Филиппа в 1307 году в столице коро-

левства, 124 принадлежали к рыцарскому сословию и лишь 14 к братьям-служителям? Это непосредственным образом задело бы интересы французской знати, которая не стала бы столь безучастно взирать на действия короля, как это было на самом деле. Слабость социального положения Ордена, его неудачная для того времени социальная структура значительно облегчили противникам тамплиеров реализацию своего замысла.

Что касается истинных мотивов преследования Ордена, то не приходится сомневаться, что они были совсем не те, на которые, как уже упоминалось, ссылался король. На первых порах храмовникам очень помогла поддержка со стороны Бернара Клервосского, наиболее авторитетного и влиятельного духовного лица XII века, которому они представлялись идеалом рыцарства. Благодаря заступничеству великого Бернара на них посыпались милости и привилегии от папства и щедрые дарения от светской знати. Тамплиеры были освобождены от всех десятин, пошлин и прочих податей, и если в Святой Земле это не имело большого значения, то на Западе оно привело к столкновению интересов их и местных епископов, лишавшихся немалой доли своих доходов, что не способствовало установлению дружеских отношений между ними. Король Филипп IV ловко воспользовался этими противоречиями.

Папа Евгений III в 1147 году пожаловал тамплиерам право носить на белом плаще красный крест, символ страданий Христа, что служило знаком их высокого положения. Неудивительно, что такой Орден окружал тайнами ритуал приема в свои ряды новичков. Для той части орденской братии, которая не могла похвастаться знатностью происхождения, это было особенно важно и дорого, поскольку повышало их социальный статус, давало ощущение принадлежности к избранным, к могущественному и таинственному объединению отважных людей. Что касается выдвинутого против тамплиеров обвинения, будто они заставляли вступающих в их Орден плевать на крест и целовать в зад Великого магистра

или его заместителя, то следует помнить, что подобные признания вырывались под пытками. Не исключено также, что таким способом проверялись преданность и надежность нового члена, ибо верность Ордену была превыше всего.

Для своей деятельности в Святой Земле тамплиеры нуждались в деньгах, и необходимые средства поступали из Европы. Ж. Бордонов в своей книге подробно рассматривает хозяйственную деятельность Ордена. Зримым воплощением экономического могущества тамплиеров служила их грандиозная резиденция в Париже, ставшая одним из крупнейших в Европе центров банковских операций, в частности, с векселями, избавлявшими от необходимости перевозить большие суммы наличных денег на дальние расстояния. В этом с храмовниками могли потягаться только банкиры Ломбардии. Именно банковская деятельность больше всего навредила репутации тамплиеров, ибо в глазах не только Церкви, решительно осуждавшей ростовщичество, но и широкого общественного мнения они представляли алчными и жестокими стяжателями. С конца XII века тамплиеры выступали и в роли судовладельцев. Их суда перевозили из Европы в Святую Землю товары, деньги и паломников.

Репутация тамплиеров была непосредственным образом связана с судьбой крестоносного движения. Чем хуже шли дела крестоносцев, тем больше упреков раздавалось в адрес рыцарей Храма. Их обвиняли даже в тех поражениях, которые они пытались всячески предотвратить. Тамплиеры, постоянно жившие в Святой Земле, лучше знали складывавшуюся там обстановку, чем вновь прибывавшие крестоносцы, одержимые жаждой подвигов, славных побед над неверными. Когда, например, храмовники с большим трудом и прибегая к всевозможным дипломатическим ухищрениям заключили договор с султаном Саладином, вновь прибывшие из Европы крестоносцы были полны решимости вступить с ним в борьбу. Тамплиеров же, отговаривавших их, ссылаясь на имеющийся договор, от подобного намере-

ния, ославили как трусов и предателей. Ситуация, воистину безвыходная для Ордена. Если его репутация после отвоевания мусульманами в 1187 году Иерусалима оказалась под вопросом, то после падения в 1291 году Акры его существование теряло всякий смысл.

Таким образом, сложились необходимые предпосылки для ликвидации Ордена тамплиеров, чем и воспользовался Филипп Красивый. Ситуация тем более располагала к исполнению коварного замысла, что руководство Ордена во главе с его Великим магистром находилось на территории Франции, а его парижская резиденция стала главной штаб-квартирой. Это, пожалуй, и явилось ошибкой Жака де Моле, имевшей фатальные последствия. В руках у Филиппа оказались и магистр тамплиеров, и сам папа Климент V, так что дело оставалось за малым.

Все вышеизложенное представляет собой видимую, надводную часть айсберга, общеизвестные факты, побуждающие к размышлениям и толкованиям, что и породило огромную литературу о тамплиерах. За последние годы появились книги о них и на русском языке. Сочинение Ж. Бордонова займет среди них достойное место, поскольку позволит читателям достаточно подробно познакомиться с внутренним устройством Ордена тамплиеров и повседневной жизнью его братии.

В. Д. Балакин

Историк замечает такой разрыв между безудержными фантазиями, коим предаются сочинители разного рода исторических трудов, и подлинными документами, достоверными материалами, в изобилии хранящимися в наших архивах и библиотеках, что это несоответствие могло бы показаться невероятным, если бы не было столь зримым, столь очевидным.

Режин Перну. Тамплиеры

Что действительно любопытно в истории тамплиеров, помимо их краха, так это та удача, которая сопутствовала им в делах и сердцах в течение двух столетий, тот образ отважных монахов-рыцарей, который они высоко подняли в то время, когда кругом царили только жестокость и насилие. С непокрытыми головами, стриженные и бородатые, в белых плащах с алым крестом, которые развевались у них за плечами подобно крыльям ангелов, они стремительно носились на низкорослых арабских скакунах от битвы к битве, погибали один за другим, истекая кровью, — и все это ради единственной цели, отвергнутой обществом: ради вечного спасения и чести христианства.

Жюль Руа. Благородная кровь

СУДЬБА ОРДЕНА ТАМПЛИЕРОВ

Орден тамплиеров достиг зенита своего могущества и своего наибольшего влияния в середине XIII века. Сам же период, выбранный нами для рассказа об этом Ордене, представляет собой вовсе не «оболочку», по удачному выражению сановников и командоров, принимавших в Орден новых членов: он позволяет осветить его внутренний мир с различными уровнями и структурами.

Между тем рассказ этот был бы неполным и даже непонятным, если прежде всего не изложить особые обстоятельства учреждения Ордена и его стремительного роста, вплоть до того момента, когда он, став богатым и славным, уделяя наибольшую часть своих огромных доходов защите Святой Земли, незаметно заместил собою светские власти — короля Иерусалимского и его баронов. Тогда как дух крестового движения приходил в упадок, тамплиеры — правда, совместно с госпитальерами и тевтонскими рыцарями — поддерживали присутствие христианства на Востоке, но ценой каких жертв! Хотя отныне политический реализм стал вытеснять духовность, они упорствовали в своем гордом ирреализме, ставя выше собственных интересов и собственной безопасности отвоевание Иерусалима, обладание Гробом Господним. Сделавшись анахронизмом и, несо-

мненно, понимая это, они, безумно гордые осознанием самих себя последними из могижан, хотели до конца оставаться рыцарями Божьими, честью Церкви и христианского мира, черпая свой горестный кураж в самой этой катастрофической, если не сказать безнадежной ситуации.

Горячее восхищение, даже боготворение, изведенное ими вначале, сменилось ненавистью к ним, когда они были изгнаны из Святой Земли. Стали раздаваться голоса недоброжелателей, распалявшихся алчной завистью к их владениям. Но они отказывались слушать этот ропот толпы или же пренебрегали ею. Оставшись теми же, что и в свои первые дни, разве могли они постичь, что мир, некогда породивший их, отрекся от возвышенного и уже непохож на себя, а старинный рыцарский идеал, отжив свое, превратился в карикатуру?

Могущество Ордена, его богатство не переставали беспокоить правителей. Как они могли использовать рыцарей Храма, после того как Иерусалим был безвозвратно потерян? Надо было найти ответственного за это поражение Запада. Филипп Красивый и его подручные прибегли к коварному ухищрению, ложно вменив в вину тамплиерам неумелые действия, преступления и пороки. Недостатка в сообщниках у них не было: это и прелаты, затаившие вражду к Ордену, и клирики, давно уже скупаемые страстным желанием возратить себе десятины, коими пришлось им пожертвовать, и сам папа, до своего избрания натерпевшийся от интриг того же короля. Филипп Красивый, возможно, и был наделен своеобразным величием, но, являясь при этом фальшивомонетчиком и притеснителем евреев по необходимости, он наиболее полно воплотил в себе антикрестоносное начало. Напротив, Орден тамплиеров олицетворял собою все, что королю было ненавистно: независимость, бескорыстие, героическую готовность идти на риск, приоритет веры. Вполне логично, что Филипп и сделал из него козла отпущения. Мастерски проведенный им процесс, признания узников, вырванные под пытками его палачами или же вытяну-

тые обманными обещаниями, чередовавшимися с угрозами и показом мучений, причинявших их братьям, ни в коей мере не омрачили славу тамплиеров и не запятнали их историю. С тех пор, а особенно в наше время, множество авторов, несмотря на заверения в приверженности правде, вновь и вновь проводили процесс над ними. Они не задавались вопросом, пострадали ли храмовники безвинно, а спрашивали, в чем и в какой мере была их вина. Пренебрегая сделанным тамплиерами, они неустанно записывали на их счет главные обвинения, придуманные в окончательной редакции Филиппом Красивым и его легистами. Тем самым они лишь усилили подозрения, брошенные на Орден беззаконной процедурой, и сгустили окружавшую его атмосферу недоброжелательства.

И тем не менее нет необходимости прибегать ни к эзотерике для оправдания соблюдения тайны капитулами, впрочем, характерного для всех религиозных организаций, ни к алхимии для обнаружения богатств тамплиеров! Нет недостатка в картуляриях, позволяющих с точностью проследить деятельность Ордена на протяжении многих лет: дарственных, купчих и меновых грамот, ссудных контрактов, банковских реестров, сделок и арбитражных решений, прекращавших неизбежные тяжбы, связанные с управлением разбросанными по большой территории имениями и получением самых разных прав.

Устав Ордена, в своих последующих редакциях расширяющий и уточняющий начальные положения, неизбежно имевшие несколько общий характер, достаточно ясно представляет жизнь тамплиеров в мирное время и во время войны, в командорствах как Востока, так и Запада. Подробно освещены как выборы магистра, так и пострижение в монахи простого рыцаря или служащего брата, религиозные обязанности и дисциплина организации, неукоснительно соблюдавшаяся вплоть до финальной трагедии.

Описи, составленные синдиками Филиппа Красивого, псевдохранителями богатств Ордена, ожидав-

шими передачи папой прав на них королю, или, вернее, ликвидаторами этих богатств в пользу королевской казны, не менее поучительны. Действительно, они упоминают скот, имевшийся в командорствах, запасы зерна и фуража, провиант, бочки пива и вина, сельскохозяйственный инвентарь, кухонную утварь, жалование слуг и обязанности каждого из них и даже содержимое сундуков и церковное облачение.

Наконец, из хроник того времени, написанных как стихами, так и прозой, как по-латыни, так и на старофранцузском языке, можно почерпнуть сведения для сопоставления и проверки основных фактов, что позволяет составить представление о том, какой репутацией пользовались тамплиеры, а также обнаружить тут и там первые проявления будущего соперничества и зародыши клеветы, приведшие к гибели рыцарей Храма.

Устав Ордена тамплиеров, положенный в основу настоящего исследования, все же нуждается в нескольких предварительных замечаниях. Он состоит из четырех хронологически отдаленных друг от друга частей: *«Первоначальный Устав»*, одобренный собором в Труа в 1128 году, и его перевод на французский язык, выполненный около 1140 года и включающий в себя несколько вариантов; *«Дополнения»*, представляющие собой сборник правил и обычаев Ордена (около 1165 года); *«Иерархические статуты»*, регулировавшие главным образом церемонии (1230—1240); наконец, *«Уложения»*, посвященные дисциплине (проступкам, мерам наказания, примерам из судебной практики) и обычно датируемые 1257—1267 годами. Как уже отмечалось выше, *«Дополнения»*, *«Статуты»* и *«Уложения»* включают в себя элементы *«Первоначального Устава»*. Они его развивают, комментируют и даже модифицируют с очевидным намерением адаптировать к изменившейся обстановке, дабы повысить эффективность его применения. При этом остается неизменным, за редкими исключениями, дух Устава. Все перечисленные документы в совокупности образуют настоящий кодекс, но только обычного права, можно сказать, не

застывшего в абстрактных формулировках, а, напротив, пребывающего в состоянии непрерывной эволюции, толкового и живого. Ибо храмовники, кажущиеся немного «Дон Кихотами Христа» из-за избытка собственной мечты, сохранили практический ум, умели в то же время быть и организаторами, не имевшими себе равных. Их величие и основывалось, несомненно, на дуализме: монахи, но вместе с тем и солдаты, герои, но и расчетливые люди, мученики за веру, но и арендаторы и т. д. Эту двойственность, возможно, отражает рисунок орденской печати, где изображены два рыцаря, в шлемах и с копьями наперевес, на одной лошади: духовный и мирянин, добытчик и Божий простец верхом на одном коне, в сущности, ведущие одну и ту же борьбу, но разными средствами, преследующие одну и ту же цель и под тем же самым девизом: «*Non nobis, Domine, non nobis, sed tuo nomini da gloriam!*» («Не нам, Господи, не нам, но имени твоему ниспошли славу!»).

ГУГО ДЕ ПАЙЕН

Первый Крестовый поход, с проповедью которого выступил в 1095 году папа Урбан II, встретил широкую и восторженную поддержку. Этот успех объяснялся по-разному применительно к различным социальным слоям. Для простого люда, падкого на чудеса и одушевленного слепой верой, принятие креста вело к обретению райского блаженства наиболее верным путем — через освобождение Святой Земли. Некоторым же, о чем нельзя не сказать, это предоставляло возможность избежать судебного преследования или избавиться от кредиторов. Были и такие, кому участие в Крестовом походе позволяло освободиться от стесняющих условий общества с его структурами, уже ставшими слишком жесткими для того, чтобы родившийся в более низком сословии мог, пребывая в здравом рассудке, надеяться подняться по сословной лестнице, по крайней мере сделаться человеком Церкви. Наконец, Крестовый поход, в котором все перемешалось, временами противореча даже законам Творения, позволял отдаться влечению к новизне, пойти навстречу неведомому, открывать новые города и видеть новые лица. Люди той эпохи, несмотря на свою кажущуюся наивность, конечно же, не были наделены психикой менее многогранной и менее богатой, нежели наша — скорее наоборот!

Для мелких сельских господ и зажиточных горожан — если угодно, среднего класса — открывались еще более заманчивые перспективы. Если Церковь обещала полное отпущение грехов, то она же, тонкий знаток человеческой натуры, не запрещала крестоносцам и стяжание земных почестей и материальных благ, разумеется, за счет неверных. Мелкой знати Крестовый поход давал возможность завладеть землями и крепостями, выкроить для себя несколько добрых фьефов, короче говоря, подняться по феодальной иерархической лестнице. Что касается князей, крупных феодалов, хозяев провинций, в пределах своих территорий завладевших почти что королевскими прерогативами, то их амбиции были пропорциональны их важности. Отсюда проистекало их соперничество, начинавшееся буквально на другой день после одержания ими первых побед, отсюда поспешность, с какой они старались прибрать к своим рукам укрепленные города с богатыми землями, сразу же превращавшиеся в почти что независимые государства. Таковыми были Эдесса, Антиохия, Триполи.

Для мыслящих людей, стратегов и политиков, глав государств, основной целью было покорение ислама. Не без труда вытесненные с французской территории, мусульмане продолжали удерживать половину Иберийского полуострова, территорию, на которой практически непрерывно шла война. К востоку от Европы их натиск концентрировался против Византийской империи в процессе ее дезинтеграции. Вонзить острие копья во фланг исламского мира означало одновременно облегчить положение Византии и не допустить того, чтобы мусульмане, рано или поздно, обходным путем, через север, вторглись в Европу, в Италию, в самый Рим. По этой причине папа римский неоднократно обращался с призывами к рыцарям и наемникам оказать свои услуги василевсу. В Клермоне же папа высказался еще более откровенно: «И вправду есть настоящая нужда в том, чтобы вы поспешили отправиться на помощь вашим братьям, живущим на Востоке и имеющим великую

потребность в поддержке, которую вы столько раз во всеуслышание им обещали. Турки и арабы, как, несомненно, многие из вас слышали, устремились против них, вторглись в пределы Романии, до того самого места в Средиземноморье, которое именуется проливом Святого Георгия, все больше и больше расширяя свои завоевания в землях христиан...» (*Фульхерий Шартрский. История Крестовых походов*). Здесь, в исходной точке Крестового похода, на самом высоком уровне речь шла об отвоевании земель, некогда принадлежавших византийскому императору и завоеванных мусульманами, земель, под коими подразумевались Святые места. Однако само собой выходило так, что большинство крестоносцев и не подозревали о существовании византийского императора, подчиняясь действию лишь одного побудительного мотива: отвоевать Иерусалим, помолиться у Гроба Господня, пройти босыми ногами путь Христа на Голгофу. Ибо в конечном итоге все перечисленные выше основания не должны приводить к забвению той истины, что главной движущей силой Крестового похода оставалась вера. Вера столь живая и действенная, что в момент оглашения римским понтификом своего патетического воззвания она обратила мирных прихожан в воинов Христовых, смиренных, миролюбивых пилигримов — в пилигримов воинствующих. Воспламеняя сердца, она вдруг сделалась динамичной и воинственной, увлекая за собой в дальний путь бесчисленные толпы. По правде говоря, это стихийное возпламенение сердец стало возможным потому, что идея Крестового похода уже витала в воздухе. Европа, выходившая из состояния анархии, продолжавшейся целые века, начинала осознавать собственную силу и, как обычно бывает в подобных случаях, испытывала потребность в экспансии. Чем истреблять друг друга в конфликтах из-за ничтожных территорий, лучше раздвинуть границы, выплеснуть наружу столько нерастраченных сил! Тексты свидетельствуют, что в то время рассматривался и этот аспект вопроса. Отправляя воинственное мелкое дворянство и авантюристов всех мас-

тей сражаться за Святую Землю, очищали общество; и вместе с тем Христову воинству предоставлялась возможность для искупления собственных грехов и даже для обретения райского блаженства — вдвойне выгодное предприятие.

Была и другая разновидность крестоносцев, достаточно своеобразная для того, чтобы уделить ей особое внимание: итальянские судовладельцы и крупные торговцы, венецианцы, генуэзцы и пизанцы, падкие на всякого рода наживу, не ведавшие угрызений совести и усматривавшие в Крестовом походе лишь нежданную возможность для проникновения на рынки Востока, для учреждения доходных филиалов и, наконец, для обеспечения себя морскими гаванями. Эти нувориши хотя и оказывали существенные услуги, однако из соображений выгоды, а в период упадка Иерусалимского королевства они не останавливались перед разжиганием там междоусобных войн, дабы защитить собственные коммерческие интересы.

Есть еще один вопрос, заслуживающий особого внимания: изнанка крестоносного движения, так сказать, его человеческий аспект. Решение принято, великий момент коллективной эйфории миновал, и человек оставался один на один с самим собой и родными, столкнувшись с конкретными гнетущими проблемами, несмотря на гарантии, объявленные Церковью. В самом деле, надо было экипироваться, вооружиться, собрать деньги для содержания себя во время похода. Надлежало уладить свои дела с расчетом на собственное длительное отсутствие и на предполагаемое возвращение. Надо было также найти в себе достаточно мужества, дабы сдержатъ обещание (данное, быть может, несколько опрометчиво, о котором, быть может, уже успел пожалеть), дабы отказаться от привычного, пусть и стеснительного, заурядного (а потому и подтолкнувшего к мысли об отъезде) существования, но главное — расстаться с дорогими людьми. Монах Фульхерий Шартрский, будущий капеллан короля Иерусалимского, был свидетелем таких расставаний. Он глубоко прочувство-

вал эту драму. Его искреннее сопереживание проявилось в следующих строках:

«О, сколько соединенных сердец разорвалось от скорби, сколько вырывалось вздохов, пролилось слез, исторглось стонов... Прощаясь, муж объявлял жене точный срок своего возвращения, уверяя ее, что, если жив будет, вновь увидит свою страну и ее саму через три года, препоручая ее заботам Всевышнего, нежно целуя ее и обещая ей вернуться. Но она, не надеясь более свидеться с ним, убитая горем, не в силах стоять на ногах, почти бездыханная падала на землю, оплакивая милого друга, словно тот уже был мертв, хотя теряла его живым. А тот, словно человек, не знавший чувства жалости (хотя жалость и переполняла его сердце), выказывая твердость и крепость духа, удалялся, оставаясь внешне безучастным к слезам своей супруги, детей и друзей».

Кто хочет получить законченное и углубленное представление о реальном умонастроении крестоносцев, узнать, из какого теста они обычно лепились и что в них скрывалось под экзальтацией, впечатляющими жертвами и военными подвигами, понять их скрытую драму, тот должен внимательно присмотреться к надгробию, сохранившемуся в церкви кордельеров в Нанси¹, на котором изображены лежащими в обнимку старый Гуго де Водемон и его жена Аделин. Еще больше, чем свидетельство монаха Фульхерия, эта скульптура потрясает нас своей простотой, своей достоверностью. Гуго отправился в Крестовый поход, на войну, прихватив с собой своих крепких лошадей и оруженосцев. И он тоже обещал своей супруге Аделин возвратиться через три года. Шел год за годом, все его товарищи вернулись домой, не принеся о нем никаких вестей. Считали, что его уже нет в живых. Однако по прошествии четырнадцати лет он объявился, но не воинственным сеньором, а мирным паломником, живущим подаянием, передвигающимся пешком, ценой огромных страда-

¹ Его муляж можно видеть в Музее французской скульптуры в Париже, в Пале-де-Шайё.

ний. После долгих размышлений Гуго сделался противником насилия и не помышлял ни о чем более, кроме как о простой милости — возвратиться на родную землю, к своей жене! По смерти обоих супругов сельский ремесленник высек их двойное изображение из куса местного грубого камня. Он — в потрепанном и дырявом облачении паломника, в неважной шапке с наушниками, в износившихся от долгой ходьбы башмаках, с сумой и посохом. Она — в длинной монашеской сутане, с волосами, заплетенными, как у девушки, в косы (трогательная деталь!), выбивающиеся из-под накрахмаленного чепчика. Они тесно прижались друг к другу, крепко обнявшись, как это делали при жизни, руки на плечах, руки на торсе. Короче говоря, гениальный художник увековечил самый момент их встречи после долгой разлуки. Узнавая друг друга в конце долгого пути, находя не увядшей великую нежность, которую они не переставали испытывать друг к другу, несмотря на разлуку и терзания, а может быть, как раз по причине этого, они точно слились в единое тело, не в силах более расстаться, оторваться друг от друга. Именно эти мысли и чувства внушает грубый резец. Стойкая и нежная душа крестоносца обнажается и трепещет в крупницах этого камня. Нет послания более многозначительного, более неистового в братской любви среди тех, что нам оставили Средние века.

Завоевание Иерусалима

Как и следовало ожидать, Крестовый поход бедноты, предшествовавший собственно 1-му Крестовому походу, закончился истреблением огромного отряда пеших бедняков под предводительством Петра Пустынника и рыцаря Вальтера Голяка. На следующий, 1097 год начался Крестовый поход рыцарства, выступившего в путь по четырем маршрутам в соответствии с местами сбора: Готфрид Бульонский двигался через Венгрию и Болгарию; Роберт Фландрский — через Альпы и Италию; Раймунд Тулузский, граф Сен-Жиль, как его именуют хронисты, —

через Италию, Далмацию, Албанию и Салоники; Боэмунд Тарентский и его племянник Танкред двинулись морем. Соединение этих четырех армий сильно беспокоило византийского императора Алексея Комнина, тем более что поход бедноты оставил после себя гнетущие воспоминания. Распри между франкскими² баронами и василевсом с самого начала создали климат взаимного недоверия, что имело роковые последствия. Но как бы то ни было, крестоносцы сумели дойти до Антиохии, капитулировавшей перед ними в 1098 году. Затем, преодолев долину Оронта, они проследовали в Яффу, пройдя близ Триполи, а 15 июля 1099 года приступом взяли Иерусалим. После этого крестоносцы избрали Готфрида Бульонского королем Иерусалима, но тот отказался надеть золотую корону в краях, где Христос был увенчан терновым венцом. Он лишь согласился принять смиренный титул «защитника Гроба Господня». Затем, завершив свое дело, большинство крестоносцев возвратились в Европу. Ни уговоры проповедников, ни обещания великолепных фьефов не смогли удержать их. Защитник Гроба Господня остался в своих владениях с тремя сотнями рыцарей и несколькими тысячами пеших воинов — горстка добровольцев перед лицом мусульман, к счастью для франков, расколотых на враждебные группировки и еще не осознавших, что те пришли для ведения священной войны. Во главе этого небольшого войска Готфрид, выигрывая одно сражение за другим, сумел присоединить к своим владениям Галилею и Иудею и создать княжество Тивериадское, которое препоручил заботам Танкреда Тарентского. Дядя последнего утвердился в княжестве Антиохийском, а Бодуэн Бульонский, брат Готфрида Бульонского, держал расположенное несколько севернее графство Эдесское. Спустя год и три дня после своего вступления в Святой город Готфрид умер, изнуренный воистину нечеловеческим напряжением всех своих сил. И тогда

² Франками в Византии называли всех выходцев из Западной Европы (*прим. пер.*).

Бодуэн Булонский направился в Иерусалим, отказавшись от своего графства Эдесского в пользу кузена Бодуэна Бургского. Туда он прибыл в конце года, подвергшись в пути крайним опасностям. На Рождество новый правитель был коронован.

В течение всех восемнадцати лет своего правления Бодуэн I непрерывно вел войны. Воспользовавшись соперничеством между правившими в Каире Фатимидами и Сельджукидами Дамаска, он занял Арзуф, Кесарию, Акру, Бейрут и Сидон, оккупировал Трансиорданию, возведя там замок Монреаль, и стал продвигаться по направлению к Красному морю, перерезав большой караванный путь в Мекку. В то же самое время он отразил четыре натиска турок на государства крестоносцев. К северу от Иерусалимского королевства граф Сен-Жиль овладел Тортосой и Библосом, а затем Триполи.

Но период завоеваний подходил к концу. Вплоть до смерти Бодуэна I крестоносцы шли от победы к победе, приводя противника в состояние оцепенения. Вдохновленные верой, убежденные в справедливости своей войны, презирая смерть, они, как сообщает Фульхерий Шартрский, идя в бой, издавали клич: «Христос жив, Христос царит, Христос повелевает!» Однако уже Бодуэн II, отказавшийся от своего графства Эдесского в пользу Жослена де Куртене, мог лишь с трудом поддерживать безопасность своего королевства, несмотря на талант и мужество, которыми он не уступал своим предшественникам. Ему едва удалось спасти княжество Антиохийское, но из-за недостатка средств пришлось отказаться от осады Дамаска. Арабы же тем временем собрались с силами и также перешли к ведению священной войны. Отныне нехватка людей непрестанно парализовывала инициативу франков, создавая для них трагическую ситуацию в случае поражения и не позволяя им в полной мере воспользоваться своими победами. Преследование побежденного противника вдали от своих укрепленных пунктов грозило обернуться для них, а нередко и оборачивалось, фатальным исходом. Бодуэн II, превосходно анализируя ситуацию, с

одной стороны, прилагал усилия для укоренения франков на Святой Земле, а с другой — старался посеять раздор среди мусульман, попеременно применяя приемы войны и дипломатии. Однако все его усилия позволили только укрепить рубежи маленького королевства, стабилизировать хрупкие результаты завоевания. И все же обстановка оставалась столь неспокойной, что и сам он однажды во время охоты был захвачен в плен. Можно представить себе, какому риску подвергались простые люди, паломниками направлявшиеся в Иерусалим из какого-нибудь портового города! Местность, по которой проходили маршруты паломников, была наводнена грабителями и убийцами.

Несколько угодных Господу рыцарей...

Именно тогда выходит на арену Гуго де Пайен, будущий первый магистр тамплиеров, и в этот исторический момент зарождается знаменитый Орден. Его истоки тонут во мраке, погружены в неизвестность и отмечены печатью смирения, что никак не согласуется с той силой международного масштаба, в которую со временем превратится эта организация. Благочестивый епископ Акры Жак де Витри употребил «высокий стиль» для описания начала деятельности Ордена:

«После этих событий, когда все — богатые и бедные, юноши и девушки, старики и дети — устремились в Иерусалим, чтобы посетить святыне, грабители и воры стали появляться на дорогах и чинить обиды паломникам, которые шли вперед, не ведая страха, и обирали многих, а некоторых даже лишали жизни. И тогда несколько благочестивых и угодных Господу рыцарей, движимых милосердием, отступившись от мира и посвятивши себя служению Христу, последовали голосу веры и торжественным обетам, произнесенным перед патриархом Иерусалимским: защищать паломников от грабителей и кровопийц, оборонять дороги, сражаться во имя господина короля, проводя жизнь, подобно истинным монахам, во смирении и целомудрии, отрекшись от собст-

венного имущества. Главными среди них стали два благочестивых мужа, преданных Господу, — Гуго де Пайен и Годфруа де Сен-Омер. Сначала лишь девять человек решились принять такое поистине святое решение. Они носили одежды, которые давали им верующие в качестве подаяния, и в течение девяти лет несли свою службу в светском платье. Король, рыцари и господин патриарх, исполнившись сострадания к сим благородным людям, отрехшимся от всего ради Христа, начали оказывать им поддержку из своих собственных средств и впоследствии даровали им, ради спасения души, несколько бенефициев и имений. Так как у них еще не было ни церкви, принадлежащей им, ни постоянной резиденции, господин король предоставил им на время небольшой покой в части своего дворца, примыкавшей к Храму Господню. Аббат и каноники этого храма со своей стороны во имя их служения также уделили им место, которым владели, рядом с королевским дворцом. Впоследствии они, поскольку получили приют у Храма Господня, стали называть себя братьями-рыцарями Храма...»

Вильгельм Тирский в своей хронике несколько более сдержан. Он утверждает, что, так как эти рыцари посвятили себя делу веры, им «было поручено господином патриархом и прочими епископами не жалеть усилий, ради отпущения грехов обороняя пути и дороги». Он утверждает также, что и спустя девять лет этих благочестивых палестинских стражей порядка было всего девять человек. Стоит ли говорить, что Вильгельм Тирский ненавидел тамплиеров и стремился принизить их роль. Жак де Витри, выражая свое истинное отношение к Крестовым походам, многое заимствовал у него, но, будучи близко знаком с тамплиерами и наблюдая их в деле в своем епископстве Акрском, он совершенно не разделял его взглядов на их счет. Напротив, он возродил полужендарную атмосферу, окружавшую зарождение Ордена тамплиеров, и стремился разделить с читателями свое изумление. Несомненно, в начале деятельности Орден отличала крайняя скромность. В то время

как большая часть крестоносцев не помышляла ни о чем другом, кроме возвращения на родину, бросив Иерусалим и Святую Землю на милость неверных, а другая часть мечтала обосноваться в какой-нибудь подходящей сеньории или укрепиться в своем замке, небольшая группа добровольцев под руководством Гуго де Пайена решила остаться. Эти благочестивые рыцари не требовали ничего, кроме разрешения сопровождать паломников, охранять дороги на самых опасных участках и, если представится такая возможность, оказать вооруженную поддержку королю Иерусалимскому. Когда они не сражались или не находились на страже пути из Хайфы в Кесарию — наиболее отвратительного участка, — они присутствовали на богослужении. Наполовину воины, они, однако, не имели ни опознавательных знаков, ни имущества, ни иерархии или каких бы то ни было привилегий. С самого начала они оказались за пределами и светского общества, потому что служили делу религии, и Церкви, несмотря на свое служение, потому что постоянно находились на военном положении и проливали кровь! С самого начала этот дуализм вызывал беспокойство. Но людей той эпохи безусловно увлекал их пример и их самоотверженность. Более того, Божьи рыцари навсегда, или, если угодно, вечные крестоносцы, они в наиболее полной, совершенной и бескомпромиссной форме воплотили рыцарский идеал. Древний рыцарский завет предписывал ни в коем случае не водиться с предателями, защищать слабых, соблюдать воздержание и умеренность, слушать мессу каждый день, смирять гордыню, соблюдать целомудрие тела и души и всегда быть готовым пролить кровь во славу Церкви. Невероятное стремление примирить честь и веру было присуще единомышленникам Гуго де Пайена. И Церковь, влияние которой на эволюцию нравов оставалось определяющим и которая прилагала усилия к приданию нравственного смысла воинственным инстинктам сословия знати и к тому, чтобы положить конец частным конфликтам, не могла не поощрять подобного рвения. Оказалось, что тамплиеры очень

точно воплощали в жизнь ту модель, которую Церковь предлагала всегда. Что до людей с отважным сердцем — а таких было немало, — то они быстро почувствовали, какую ценность представляет собой маленький отряд Гуго де Пайена и насколько исключительно его значение. В нем воплотились и стремление к совершенству, до сих пор казавшееся невозможным, и самые сокровенные помыслы и мечты, порожденные старинными героическими поэмами. Родилось новое рыцарство, как выразился позже святой Бернар, представители которого не искали для себя ни богатства, ни славы. Именно поэтому, а не по иной причине они явили собой живое воплощение всех рыцарских идеалов. Для вояк и алчных феодалов, затесавшихся в Орден и затерявшихся в нем, даже если они мало заглядывали себе в душу и редко каялись в своих грехах, он давал уникальную возможность спасения, был единственным словом, которое стоило сдержать, единственным величием и единственным положением, достойным того, чтобы его добиваться, лучшим, о чем стоило молиться. Этим объясняется молниеносный успех храмовников, хотя, по мнению недоброжелательного хрониста Вильгельма Тирского, никакого успеха не было — ведь после девяти лет деятельности у Гуго де Пайена по-прежнему оставалось только девять единомышленников. В противном случае поддержка, которую одновременно оказали им патриарх Иерусалимский и его каноники, король Иерусалимский и его бароны, не была бы такой быстрой и горячей.

Но кто же был этот удивительный человек, осененный идеей создания Ордена монашествующих рыцарей? О нем известно очень мало. Он не оставил в истории иного следа, кроме как основатель Ордена тамплиеров и его первый магистр. Хотя известно, что он принадлежал к довольно знатному роду, обосновавшемуся в Шампани, как это подтверждают две хартии Гуго де Труа, относящиеся к 1100 году. Некоторые авторы уверяют даже, что он происходил из Шампанского дома. Деревня Пайен, название которой входило в его имя, находилась в двенадцати ки-

лометрах от Труа, столицы провинции и постоянной резиденции местных графов. Отсутствуют точные сведения и о первых спутниках Гуго де Пайена, например, о его ближайшем сподвижнике Годфруа де Сен-Омере, о котором известно только то, что он был из фламандских рыцарей. Однако мы знаем, что с самого начала в Орден принимали знатных людей, которые служили определенный срок: так, в 1120 году среди орденской «братии» упоминается Фульк Анжерский. Мы знаем также, что в 1126 году Гуго Шампанский стал тамплиером, предварительно отказавшись от титула и передав графство своему племяннику Тибо, уже бывшему графом де Бри. Святой Бернар, сожалея о невозможности принять Гуго в Клервосский монастырь, писал ему: «Если для служения Господу тебе нужно было сделаться из графа — рыцарем, из богатого — бедным, то мы поздравляем тебя с такой переменой, ибо она праведна, и мы славим Бога за тебя, находя, что всякое изменение — в деснице Господней. Впрочем, я признаю, что мы не проявляем смирения, лишившись твоего сладостного общества вследствие неизвестно за какие грехи постигшей нас Божьей кары... Но можем ли мы забыть старую дружбу и милости, которые ты столь долго оказывал нашему дому?» Ценное членство для тамплиеров, учитывая, что между Гуго Шампанским и святым Бернаром были добрые отношения и Гуго неизменно проявлял щедрость, которая и сделала возможным основание Клервосского монастыря. Итак, святой Бернар, авторитет которого в церковных кругах был огромен и который оказывал большое влияние на свою эпоху, сыграл главную роль, выступив в поддержку нарождающегося Ордена. Вместе с тем, возможно, это необычное, можно сказать «революционное», движение не получило бы такого быстрого и полного одобрения со стороны святого Бернара, если бы дружеские связи, общие воспоминания, даже родственные отношения не упростили бы сближения и не вызвали бы отклика.

На первое, очень непродолжительное время король Бодуэн II приютил этих полувоинов в покое

своего дворца, то есть мечети Эль-Акса, расположенной посреди мощеной эспланады, которая тогда называлась храмом Соломона. В 1120 году Бодуэн II перенес королевскую резиденцию в Башню Давида, которую легче было и оборонять, и укреплять. Он оставил тамплиерам в полное распоряжение свой бывший дворец, что служит убедительным доказательством того, что членов Ордена было больше девяти уже через год после его учреждения. Именно в этом здании помещалась первоначальная резиденция Ордена. От него *milites Christi* (рыцари или воины Христовы) получили свое название рыцарей Храма, или тамплиеров. Поэтому на одной из их печатей представлен *Templum Salomonis* (Храм Соломона). Бодуэн II, будучи сообразительным человеком, быстро осознал пользу, которую приносил ему новый Орден, — не меньшую, чем небольшая постоянная армия, избранное войско, готовое выступить в поход по первому сигналу. В соответствии с нормами феодального права он располагал не армией в современном смысле слова, но более или менее быстрой и действенной поддержкой своих баронов и их вассалов. В случае массированной и мощной атаки противника ему грозила катастрофа, немедленное и полное поражение вследствие рассредоточенности военных отрядов и опоздания, вызванного их «мобилизацией». Вот почему Бодуэн II всеми силами и со всем напряжением своего ума, живого и глубокого, откликнулся на инициативу Гуго де Пайена. Без сомнения, тамплиеры продолжали исполнять изначальную миссию религиозных стражей порядка по защите паломников на пути между Хайфой и Кесарией, но с самого начала они также составляли постоянный воинский корпус, которым располагал король Иерусалимский для обороны Святой Земли. Именно тамплиеры были главным его средством в борьбе с мусульманами. Ведь они не были официально утверждены, у них не было ни собственного облачения, ни Устава, которому бы они были обязаны следовать. Церковь их еще не признала. Без сомнения, их положение полувоинов породило недоверие

у некоторых церковных деятелей и вызвало первую критику и даже насмешки клириков. Если хотели, чтобы Орден тамплиеров процветал, а привлечение в него членов не носило узкий, локальный характер, надо было заинтересовать в его деятельности Запад и прежде всего добиться одобрения со стороны Святого престола.

Осенью 1127 года Бодуэн II отправил Гуго де Пайена в сопровождении некоторых его компаньонов в Европу, снабдив его рекомендательными письмами. Здесь мы принуждены вновь обратиться к легенде. Ибо если легенда правдива в отношении Гуго де Пайена, то бедный рыцарь выказал смирение и даже простодушие, и возникает сомнение: мог ли Бодуэн II действительно снарядить такую дипломатическую миссию? Ведь миссия должна была убедить самого папу и прелатов его окружения. Думается, методы, к которым прибегнул Гуго де Пайен, доводы, которые он представил, авторитет, которым он обладал, — все это свидетельствует, напротив, о его остром уме, находчивости и, сверх того, готовности к любым испытаниям. Это действительно был храбрец, что он доказал, но он также был и организатор, человек действия. Папа Гонорий II отнесся к нему милостиво и даже почтительно. Однако, следуя римским традициям, он уклонился от ответа, прежде не проконсультировавшись с монашескими орденами, мнение которых было очень важно, ибо тамплиеры тоже должны были стать монашеским орденом. Следует признать, что их Устав представлял собой щекотливую проблему с точки зрения канонического права. Он нигде и никогда не имел прецедентов, являясь абсолютно новым и, более того, совершенно французским по своему духу. Никто не мог даже вообразить, что монахи станут делить свое время между молитвой и исполнением полицейских функций, между церковными службами и войной и что монастырь одновременно может быть крепостью, в которой размещается гарнизон. Вот откуда нерешительность Гонория II, который, не сомневаясь в полезности тамплиеров и в добрых намерениях создателя ордена, не знал, как

классифицировать этот орден, к какому монашескому направлению его отнести, какой Устав, среди тех, что были приняты в монастырях, может ему соответствовать. Наконец папа поручил рассмотрение этих вопросов кардиналу Матвею Альбанскому, родом французу, бывшему в течение долгого времени настоятелем монастыря Сен-Мартен де Шамп в Париже. Кардинал был отправлен во Францию в начале 1128 года в качестве легата Святого престола. Со своей стороны, следуя инструкциям или наставлениям Бодуэна II, Гуго де Пайен вступил в контакт со святым Бернаром, аббатом Клервосского монастыря. Благодаря последнему дело тамплиеров быстро продвинулось, и провинция Шампань стала колыбелью Ордена, отправной точкой для распространения его на Западе. Святой Бернар взялся организовать собор и избрал местом его проведения город Труа, положив на чашу весов свое влияние и отдав свое перо и свое сердце в распоряжение тамплиеров, воздав им хвалу на страницах своих произведений, которые приобрели такую известность.

Собор в Труа

По свидетельству секретаря Жеана Мишьеля, ответственного за ведение протокола, собор открылся в кафедральном храме города Труа 14 января 1128 года, в День святого Илария. Секретарь старательно перечисляет участников: епископ Альбано и папский легат Матвей — первоприсутствующий; далее, архиепископ Реймский Рено де Мартинье, архиепископ Санский Анри Сангле и их викарии — Гослен де Вьерзи, епископ Суассонский, Этьен де Санлис, епископ Парижский, Аттон, епископ Труа, Жан, епископ Орлеанский, Гуго де Монтегю, епископ Оксерский, Буркард, епископ Мо, Эрлеберт, епископ Шалонский, Бартеlemi де Вир, епископ Ланский, Рено де Семюр, аббат Верделе (Везеле), будущий архиепископ Лионский и папский легат, Этьен Арденг, аббат Сито, Гуго де Макон, аббат Понтины, Ги, аббат Труафона (Труа-Фонтена), Урсон, аббат Сен-Реми де

Реймс, Герберт, аббат Дижона, Ги, аббат Молема и Бернар, аббат Клервосский; итого два архиепископа, восемь епископов и восемь аббатов, не считая секретаря Жеана Мишьяля и прочих присутствующих духовных лиц. В дебатах также приняли участие по праву гражданских и военных советников Тибо IV, граф Шампани, Бри и Блуа, прозванный «Великим», Гийом II, граф Невера, Оксера и Тонера, и Андре де Бодман. Большинство этих прелатов и увенчанных митрой аббатов в большей или меньшей степени примыкали к Ордену святого Бенедикта. Их образ мыслей был навеян цистерцианством.

И вот под сводами кафедрального собора, в сиянии восковых свечей, перед таким внушительным собранием теологов и знаменитых сеньоров в то январское утро предстали магистр Ордена тамплиеров Гуго де Пайен со своими единомышленниками, среди которых были Годфруа де Сен-Омер, Пайен де Мондидье, Аршамбо де Сен-Аманд, о котором почти ничего не известно, и братья-рыцари Жоффруа Бизо и Ролан (или Ротальд, или Рораль), о которых не сохранилось никаких сведений, кроме того, что они сопровождали в тот день основателя Ордена. Не просто было взять слово, чтобы объявить о принципах и основных правилах Ордена, рассказать о его полезной, благотворной деятельности в Святой Земле, отвести возможные возражения и убедить это собрание в необходимости поддержать тамплиеров. Подобная задача требовала большого искусства и красноречия. Наблюдателем на соборе присутствовал святой Бернар, и хотя внешне он казался лишь одним из соборных отцов, именно он руководил дебатами. Что до особой роли Гуго де Пайена, то вот убедительное свидетельство Жеана Мишьяля: «Вначале мы совместно заслушали устное сообщение магистра Гуго де Пайена об учреждении рыцарского ордена, и, руководствуясь своим ничтожным разумением, мы одобрили то, что показалось нам полезным, и отвергли то, что представлялось безосновательным». Отсюда со всей очевидностью следует, что Гуго де Пайен рассказал на соборе об обстоятельствах воз-

никновения Ордена и изложил, статья за статьей, его обычаи и правила. Собор утвердил все, что счел достойным, и отбросил то, что показалось дурным, попутно внося некоторые поправки. Секретарь взял на себя труд добавить: «То, что мы не могли предусмотреть, мы оставили на усмотрение его святейшества папы Гонория и патриарха Иерусалимского Стефана, который лучше кого бы то ни было знал, какая служба требовалась в Святой Земле». И все же он неточен, сообщая, что собор в Труа «дал» тамплиерам их Устав. Этот Устав к тому времени уже существовал приблизительно в той же форме, так что соборные отцы получили возможность внимательно ознакомиться с ним. Их основной вклад состоял в том, что они прочно соединили первоначальные обряды и правила Ордена с собственно религиозными институтами, принятыми в монастырях. Соборные отцы поручили аббату Клервосскому отредактировать текст, который после нескольких поправок был ими утвержден. Большой знаток различных Уставов, святой Бернар воспроизводил целые фразы из Устава Ордена святого Бенедикта, которые стали основой Устава тамплиеров. Написанный по-латыни, этот Устав включал, помимо пролога, 68 статей и начинался с напоминания о религиозных обязательствах тамплиеров:

«Вы, отринувшие собственные желания, вы, служащие государю королю на коне и мечом во спасение своей души, старайтесь всегда присутствовать на заутрене и всех церковных службах, канонически установленных и проводимых в монашеских обителях святого города Иерусалима...»

Предписание носило абсолютный характер, не допускало никаких ясно выраженных исключений и декларировало верховенство духовного служения над военным. Целью этого служения являлось превознесение веры, дабы приуготовить себя к принятию смерти за нее в любой момент. «Вкусить плоти Господней, и насытиться, и проникнуться заповедями Господа нашего, и пусть никто не страшится выйти на битву, но да удостоится венца», иными слова-

ми — пусть каждый готовится к принятию мученической смерти. Это увещание повторялось в прологе, столь величественном, что трудно удержаться, чтобы не привести из него некоторые выдержки, которые помогут лучше понять идеи, воодушевлявшие тамплиеров:

«Мы обращаемся в первую очередь к тем, кто готов отказаться от своих желаний и со всей решимостью обратиться к служению господину нашему королю, кто с неизменным старанием стремится выполнить и постоянно выполняет самый благородный обет — обет послушания. И вот мы обращаемся к вам с увещанием, к вам, которые доныне принадлежали к рыцарству мирскому, не посвятившему себя делу Иисуса Христа, но привлекавшему вас лишь вследствие людского одобрения, — следуйте за теми, кого Господь избрал из толпы заблудших и кому он повелел в своей неизреченной милости защищать святую Церковь. К ним надлежит вам неустанно стремиться примкнуть. В этой вере расцвел, воскрес рыцарский орден!» Тем, кто решится на этот нелегкий выбор и будет придерживаться избранного пути, был обещан мученический венец.

Первоначальный Устав

Этого Устава придерживалась небольшая группа членов Ордена, быстрое пополнение которого зависело от воли случая. Следовательно, требовался некий дополнительный толчок. Поскольку предметом данного исследования является изучение жизни тамплиеров в середине XIII столетия, представляется излишним подробно останавливаться на анализе этого первоначального Устава. Все же следует напомнить его основные положения.

Прежде всего Устав подчинял Орден тамплиеров церковной власти, что было нормально, учитывая его принадлежность к монашеству. Особенно подчеркивалась связь с патриархом Иерусалимским, которому даже предоставлялось право заполнить лакуны соборного текста Устава. Провозглашалась под-

судность тамплиеров церковному суду. Что касается их религиозных обязанностей, то они не могли быть такими же, как у монашеского ордена созерцательного толка. Тамплиеры должны были участвовать в богослужении, проводившемся черным духовенством Иерусалима, — кроме тех членов Ордена, которых обязанности удерживали вдали от обители и которые в этом случае могли заменить заутреню 13-кратным, обедню 7-кратным, а вечерню — 9-кратным чтением «Отче наш». На богослужении следовало присутствовать до конца. Кроме того, в Уставе приводился список праздников и обязательных постов.

С момента вступления в Орден нового брата Устав рекомендовал соблюдать благоразумие. Послушникам рекомендовалось читать правила внутреннего распорядка до тех пор, пока они не усвоят, как им следует себя вести. После испытательного срока магистр и братия решали, следует ли дать согласие на принятие пострига или же ответить соискателю отказом. Как ни странно, французское переложение Устава опускало послушание и позволяло быстрое принятие решения, после чего по воле магистра и капитула незамедлительно следовал постриг. Латинский текст, по-видимому, запрещал прием отлученных рыцарей, в то время как французская версия рекомендовала принимать их, хотя и с некоторой осторожностью. Возможно, переводчик просто посредственно владел латынью. Но могло быть и так, что тамплиеры желали давать возможность искупления тем, кого епископы подчас отлучали в припадке гнева.

Касаясь вступления в Орден, первоначальный Устав формально запрещал принимать детей или подростков, даже если при сем присутствовали их родители. Этот запрет находил свое очевидное оправдание в строгости порядков и в необратимом характере вступления, что предполагало личное волеизъявление при полном осознании мотивов такого шага и без всякого принуждения извне. Кроме того, запрет согласовывался с правилами, распространенными среди рыцарей, согласно которым не следовало посвящать в рыцари слишком юных мальчиков,

еще не способных в силу своего возраста носить латы со всеми необходимыми принадлежностями, хорошо управляться с копьем и особенно тяжелым мечом: следовало поражать не острием, а лезвием, поэтому нужно было обладать достаточной силой, чтобы манипулировать таким мечом, держа его за рукоятку. Иначе говоря, для посвящения в рыцари следовало достичь 20-летнего возраста, стать взрослым мужчиной с развитой мускулатурой.

Первоначальный Устав, вне всякого сомнения, отражая реальную ситуацию, распределил членов Ордена по четырем категориям:

- рыцари;
- служители и оруженосцы;
- священники;
- братья-труженики.

В противоположность общепринятому мнению, не все рыцари являлись выходцами из знати. Требование быть рыцарем, сыном рыцаря либо считаться таковым утвердилось в ту эпоху, когда рекрутирование новых членов уже не представляло для Ордена проблемы. Также следует отметить, что братья-служители могли быть людьми родовитыми, особенно если пребывание в этом ранге было для них временным. Но в любом случае именно средний класс — деревенское дворянство и буржуазия — принес Ордену тамплиеров славу. Надо ли добавлять, что представители именно этого класса играли заметную роль в обществе той эпохи!

Есть еще один момент, на котором хотелось бы остановиться: это искусство составителей Устава. Они постоянно проявляли сдержанность, не пытались предусмотреть все, они избегали вводить строгие ограничения и жесткую структуру. Напротив, они оставляли место для инициативы, сочетая твердость с гибкостью, соблюдая строгость в правилах, но меру в их применении. Устав предоставлял магистру Ордена тамплиеров почти абсолютную власть над братией, хотя перед принятием решений он все же должен был советоваться с капитулом. Тем не менее соборные отцы поостереглись входить в детали полномо-

чий магистра или директивно определять состав капитула: вся братия или наиболее умудренные среди них — в зависимости от конкретного случая и, конечно же, от степени необходимости. Соборные отцы не хотели стеснять деятельность магистра и предоставили ему свободу в выборе советников.

Стоит также отметить, что обсуждался вопрос и о братьях-тружениках — иначе говоря, работниках. С 1128 года те, кто именовал себя «бедными рыцарями Христовыми», получили возможность содержать за вознаграждение слуг, хотя и в ограниченном количестве. Впрочем, рыцарям было почти невозможно обойтись без помощников. Они не могли самостоятельно ни возить в походе имущество, даже ограничиваясь самым необходимым, ни содержать в порядке свое оружие и доспехи, ни ремонтировать их по мере необходимости, ни заниматься многочисленными лошадьми и конской сбруей: седлами, поводьями и т.д. Совершенно очевидно, что с самого начала главная резиденция тамплиеров в Иерусалиме давала приют столь необходимым мастерам: кузнецам, шорникам, пекарям, поварам и многим другим, одни из которых постоянно работали по своей специальности, другие же нанимались на время.

Одежда должна была быть одного цвета, будь то белая, черная или «бурая», то есть серо-коричневая. В качестве отличительного знака, чтобы показать, что они «примирились» с Создателем, рыцари, принявшие монашеский обет, облачались в белые мантии, которые представляли собой длинные плащи. Ведь белый — цвет невинности и целомудрия, бодрости духа и телесного здоровья! Это формальное отличие требовалось, чтобы отделить рыцарей-хозяев от оруженосцев и служителей, которых принимали на работу временно, «из милости», которые иногда оказывались женатыми людьми и могли причинить вред репутации Ордена тамплиеров, надев белые одежды. Очень вероятно, что это различие было введено Гуго де Пайеном в ответ на некоторые злоупотребления. В остальном Устав рекомендовал придерживаться скромности, в облачении тамплиеров не должно бы-

ло быть никаких излишеств: им не дозволялось носить башмаки «с клювом» (с острым, загнутым кверху носком) и любой мех, кроме овчины. Никакого стремления к элегантности, этому источнику гордыни: следовало коротко стричь волосы и отпускать длинную бороду. Оружие и сбруя должны были быть добротными, но без всяких украшений. По одежде магистр ничем не отличался от остальной братии.

Дисциплина, и религиозная и военная, была очень суровая, что являлось принципом и особым отличительным признаком Ордена. Пищу следовало принимать в молчании и вдвоем из одной чашки — в знак смирения. Но пищевой рацион учитывал и тот факт, что тамплиеры являлись воинами, вследствие чего посты, практиковавшиеся в других монастырях, здесь были ограничены. С той же целью Устав не советовал братии стоять во время церковной службы — им следовало беречь свои силы для дозоров и битв.

В общем, Устав 1128 года был попыткой соединения обычаев, бытовавших в Ордене тамплиеров в течение первых девяти лет его существования, с Уставом Ордена святого Бенедикта. Он немного расширил первоначальное уложение, официально учредив братство тамплиеров, утвердил за ним право взимать десятины и иметь в собственности не только домены, но и фьефы — в соответствии с феодальной системой.

Силой оружия в Граяне

Ученые ведут бесконечные споры о том, в какой части Европы Орден тамплиеров получил свои первые дарения. Однако достаточно раскрыть хартии, чтобы убедиться, что самым ранним явилось пожертвование 1127 года, сделанное Тибо, графом Шампани и Бри. Возможно, хотя и нельзя утверждать этого наверняка, приблизительно в то же время Гуго де Пайен пожаловал Ордену фьеф, название которого носил в своем имени, который стал ядром первых командорств. Одобрение Устава собором в Труа и пример графа Шампанского, вне всякого сомнения,

повлекли за собой самые разнообразные пожертвования, и я полагаю, что именно тогда было положено начало большим земельным владениям тамплиеров в Шампани. В те же годы появляются их земельные владения в Лангедоке, Провансе, Испании, Фландрии и Англии. Ибо едва завершилась работа собора, как магистр Гуго де Пайен и его единомышленники разъехались в разные стороны с заданием посетить определенный регион.

Гуго де Пайен поехал в Нормандию, чтобы встретиться с королем Генрихом I, который устроил ему теплый прием и позволил проследовать в Англию. Там магистр получил много пожертвований и заложил храм Хольборна. Затем он двинулся в Анжу, куда прибыл из Святой Земли граф Фульк, чтобы женить сына на единственной дочери короля Английского Матильде — этот брак заложит основы огромных владений Плантагенетов! Из Анжу магистр направился в Пуату. Повсюду он собирал пожертвования и вербовал в Орден новых членов. Магистр миновал Мен (1129) и достиг Прованса, где епископ Авиньонский пожаловал тамплиерам церковь Святого Иоанна Крестителя. Повсюду Гуго де Пайену сопутствовал большой успех. Его личный талант и красноречие отчасти объясняли такой триумф.

Годфруа де Сен-Омер был направлен во Фландрию, где его отец являлся одним из самых могущественных сеньоров. Граф Фландрский сделал Ордену роскошный подарок: он отказался в пользу тамплиеров от своего права на рельеф, то есть на получение платежа от вассала, получившего от него фьеф. В Ипре была основана резиденция тамплиеров. Жоффруа Бизо действовал в Провансе, а Гуго Риго — в Лангедоке и в Испании. В этих южных областях успех Ордена тамплиеров был, возможно, даже большим, чем на севере Франции. Для объяснения имелось несколько причин, главной из которых была, по-видимому, близость мусульман. Как уже говорилось, Испанию наполовину оккупировали арабы. Короли Кастилии и Арагона вели против них тяжелую и не всегда успешную борьбу за возвращение терри-

торий. Набеги арабов на их земли сопровождались страшными опустошениями. С 1126 года эти правители обращались к тамплиерам за помощью. Так что, прибыв из Тулузы, брат Гуто Риго обрел здесь благодатную почву.

В 1130 году Риго принял в Орден Раймона-Роже Барселонского, который пожаловал тамплиерам не просто домен, а крепость Гранеру на границе с сарацинами. В том же году король Альфонс Арагонский, не имевший сыновей, завещал свое королевство по третям тамплиерам, госпитальерам и каноникам Гроба Господня в Иерусалиме. В 1132 году граф Уржельский отдал им свой замок в Барбере, «ибо они явились и силой оружия удержали Граяну, и всегда радеют в защиту христианства». В том же году, когда проходил собор в Труа, королева Тереза Португальская пожаловала тамплиерам крепость и фьеф Сур, который был форпостом на юге ее государства. Несколько позже ее сын Альфонс подарил им Церский лес, чтобы они очистили его от мусульман, прежде чем основать там три города, один из которых — Коимбра.

В Лангедоке успех тамплиеров был не столь быстрым, что отметил г-н Жерар в своем исследовании командорства Дузан. С 1132—1133 годов благодаря щедрости местных феодалов и знатных сеньоров — таких, как виконт Рожер де Безье — они закрепляются в Каркассоне, Брюкафеле, Дузане и пр. В 1136 году в Провансе была основана знаменитая резиденция тамплиеров Ришеранш.

Похвальное слово новому рыцарству

В 1130 году магистр Гуто де Пайен добрался до Иерусалима — после того, как был провозглашен магистром Франции. Брат Пайен де Мондидье, как и брат Гуто Риго, по-видимому, принял звание магистра Испании, Лангедока и Прованса. Я говорю «по-видимому», так как организация Ордена после собора в Труа все еще не приобрела законченную форму. Без четкой иерархии, зафиксированной в Уставе, остава-

лось место для импровизации. Головокружительные успехи Ордена в этой части Европы свидетельствуют о присутствии здесь наместников магистра, который по статуту обязан был находиться в главной резиденции в Иерусалиме. Возможно, эти наместники были облечены значительной властью и координировали деятельность тамплиеров, к тому времени весьма многочисленных, но рассредоточенных, и привлекали в Орден новых членов. Структура Ордена приобрела законченный вид лишь десять лет спустя.

И все же, вопреки огромному успеху и чистосердечному энтузиазму, который вызывали тамплиеры во всех слоях общества, в том числе и среди высшей знати, есть основания считать, что в адрес Ордена звучали и критические замечания. Хотя соборные отцы торжественно узаконили его основание и утвердили его обычаи, однако по каноническому праву монахам и священникам возбранялось проливать человеческую кровь, даже если дело касалось неверных. Часть общественного мнения оставалась на этих позициях. Отсюда сомнения некоторых лиц, недомолвки и, наконец, негативное отношение к Ордену. Гуго де Пайен прекрасно понимал это противоречие. И он обратился к святому Бернару с просьбой разрешить его, нимало не сомневаясь, что престиж знаменитого аббата устранил последние препятствия. Святой Бернар имел все основания благоволить тамплиерам, принимая во внимание важность их целей и пользу, приносимую на двух христианских фронтах. Тем не менее просьба Гуго де Пайена привела его в замешательство. Ведь магистр апеллировал не только к его авторитету в церковных кругах, но и к его теологическим познаниям. Единственное, что мог сделать святой Бернар, это внимательно рассмотреть вопрос, и он так ответил Гуго де Пайену: «Не однажды, не дважды и не трижды, мой дорогой Гуго, вы просили меня написать разъяснения для вас и вашей братии и обратить мое перо против супостатов, потому что мне запрещено прибегать к оружию...» Точнее говоря, пользование оружием было запрещено всем духовным лицам, а тамплиеры, вне всякого

сомнения, являлись служителями Церкви. Можно предположить, что святой Бернар попросил некоторое время для раздумий. Но он же был сообразительным человеком! И он построил свои рассуждения следующим образом: если бы от неверных можно было защититься иными средствами, нежели мечом, то лучше было бы не проливать их крови; но поскольку неверные представляют угрозу духовному наследию христианства, то необходимо всеми силами стремиться воспрепятствовать им уничтожить это наследие. Святая Земля — не просто территория, она, по сути, принадлежит Иисусу Христу, который крестил ее своей святой кровью ради спасения всего человечества, поэтому невозможно оставлять эту землю в руках язычников; война в Святой Земле ведется не ради территориальных завоеваний, еще меньше ее следует считать столкновением народов — это борьба за защиту Святых мест, колыбели христианства, особенно Гроба Господня. Кто же при существующих условиях может принять на себя задачу вернуть и защитить святыни? Не светские рыцари, тщеславные и алчные, но рыцари Христа, движимые глубокой верой и абсолютным бескорыстием.

В своем произведении *«Похвальное слово новому рыцарству»* (*«De laude novae militiae»*) святой Бернар проводит линию противопоставления мирского воинства воинству небесному, то есть тамплиерам, дабы продемонстрировать, где кроется путь к спасению. Обращаясь к рыцарям-мирянам, он говорит:

«Вы рядите своих лошадей в шелковые попоны и какими только тряпками не покрываете свои кольчуги. Вы разукрашиваете копыя, гербовые щиты и седла, инкрустируете золотом, серебром и камнями удила и стремянные ремешки. Вы роскошествуете до самой смерти и гоняетесь за своей гибелью со всем рвением, бесстыдством и заносчивой дерзостью. Разве мишура пристала латам рыцаря или убору дамы? Или вы думаете, что золото повернет вспять оружие ваших противников, драгоценности принесут вам пощаду, а шелк — избавление? Нам часто приходилось слышать, что в бою необходимы три

вещи: рыцарь должен выказывать бдительность в обороне, проворство в верховой езде и стремительность в атаке. Вы же причесываетесь, подобно женщинам, стараясь привлекать своей внешностью, ваши ноги путаются в длинных и широких туниках, вы прячете ваши руки, изнеженные и мягкие, в просторных рукавах. И, вырядившись подобным образом, вы вступаете в бой по самому суетному поводу: из-за необузданного гнева, жажды славы или вожделения к мирским благам».

Эта карикатура на рыцарей того времени, которую рисует святой Бернар, полна горькой иронии. Геральдика сопровождала человека с самого рождения. С символикой цвета, с личными значками, которые были в ходу еще до того, как сделаться отличительными знаками семьи, она была полна особого смысла. На тканях, которыми покрывали парадную лошадь, на доспехах и шлемах, соперничая с ними в великолепии, повторялись мотивы, изображенные на щите. Надменное и распущенное рыцарство, не признававшее никакого порядка и дисциплины в бою, не играло решающей роли в настоящем сражении. Рыцари дрались ради драки или в порядке самозащиты, рискуя потерять разом и жизнь, и душу. Напротив, «тот может считаться рыцарем без страха и упрека, кто защищает свою душу оружием веры, прикрывающей его, как броня прикрывает тело. Вдвойне вооруженный, он не страшится ни демонов, ни людей. Разумеется, кто ищет смерти, тот не страшится ее. Ибо как может колебаться в выборе между жизнью и смертью тот, для кого жизнь есть Христос и кого после смерти ожидает награда?»

Этому новому рыцарству, появление которого святой Бернар приветствовал в столь восторженных выражениях, он отводил двоякую роль: сражаться с духом зла и с «противниками из плоти и крови». Вот к чему в действительности были призваны тамплиеры, эти иноки и воины Христа. Вот откуда портрет, навешанный святому Бернару его энтузиазмом и талантом проповедника, чья речь до сих пор волнует силой убеждения:

«Они живут и действуют по воле своего командора; они носят ту одежду, которую он им дает, не ища ни иного платья, ни иной пищи. Они остерегаются любого излишества в еде и одежде, довольствуясь лишь самым необходимым. Они живут сообща, обходясь без женщин и детей. И чтобы не иметь изъяна против ангельского совершенства, они селятся под одной крышей, не имея никакого личного имущества, объединенные своим Уставом в почитании Господа.

Не сыщешь среди них ни лентяя, ни праздного гуляки; когда они не присутствуют на службе — что бывает очень редко — или не вкушают свой хлеб, вознося благодарения небесам, они трудятся, починяя одежду или конскую сбрую, изорванную и искромсанную. Либо же они исполняют то, что повелел им их магистр или что требуют нужды их дома. *Ни один из них не находится в подчинении у другого, они почитают лучшего, но не знатнейшего.* Они проявляют учтивость по отношению друг к другу и, помогая один другому, следуют заветам Христа.

Дерзкие речи, суетные поступки, неумеренный смех, жалобы и ропот не остаются, будучи замечены в их среде, без наказания. Они презируют шахматы и кости, охота внушает им ужас, они не находят в нелепой погоне за птицами обычного удовольствия. Они бегут и отвращаются от мимов, магов и жонглеров, легкомысленных и пустых песен.

И, увлекаемый поэтическим воображением, святой Бернар впадает в преувеличения и даже противоречит самому себе:

«Они коротко подстригают волосы, подобно Апостолам, и считают позором для мужчины, если он проявляет заботу о своей прическе. Их никогда не видели причесанными, редко вымытыми, у них косматые бороды, а кожа загрубела от пыли и изъязвлена солнцем и ношением панциря...»

Можно все же надеяться, что когда Гуто де Пайен и его единомышленники предстали перед соборными отцами под сводами кафедрального собора в Труа, они облачились в чистые туники и расчесали боро-

ды. Более того, Пайен де Мондидье, в то время магистр Франции, благодаря своему званию связанный с королевским двором, должен был иметь приличную одежду, так же как и Гуго Риго, состоявший в дружеских отношениях с королем Арагона. Что до иерусалимских тамплиеров, то разве смогли бы они переносить местный климат, если бы не были элементарно чистоплотны? Какие только эпидемии не поражали обитателей монастырей вследствие ужасающей скученности! Впрочем, свидетельства современников единодушны относительно безупречности внешнего вида братии как на войне, так и в мирное время. Слишком строги были правила, требовавшие соблюдать чистоту — телесную в такой же мере, как и духовную, — чтобы можно было не принимать в расчет гигиену. И, разумеется, можно извинить поэта, позволившего себе увлечься образом и желанием немного преувеличить контраст между блистающими разными цветами и украшенными султанами светскими рыцарями и скромным воинством Христовым, эскадроны которого были облачены в белые одежды.

БУЛЛА ИННОКЕНТИЯ II

Как помним, Устав подчинял тамплиеров патриарху Иерусалимскому. Это жесткое условие могло стать помехой и даже в известной мере воспрепятствовать успеху воинского братства либо же изменить его религиозную ориентацию. Вероятно, это положение включили в Устав при патриархе Стефане, экс-виконте Шартрском. Когда соборные отцы утвердили его, они внесли исправления в некоторые пункты Устава, о чем свидетельствует прежде всего французская версия. Не приходится сомневаться, что Стефан Шартрский, внося это изменение и выступая против пожалования бенефициев, стремился превратить Орден тамплиеров в личную гвардию, дабы утвердить свое верховенство над светской властью. Гуго де Пайен не мог согласиться с такой политикой.

Робер де Краон

После смерти Гуго де Пайена, последовавшей в 1136 году, его место занял Робер де Краон. Остановившись на кандидатуре этого мудрого и открытого человека, тамплиеры сделали очень удачный выбор. Это был именно тот человек, который требовался в данной ситуации. Гуго де Пайен, личность весьма

незаурядная, в первую очередь отличался доблестью. А Робер де Краон был администратором и дипломатом. Он сразу понял, что Орден не сможет достичь процветания, если не будет пользоваться покровительством папы и как можно скорее не выйдет из-под влияния местных церквей, ревновавших к его успехам и уже начавших оспаривать его право на сбор десятины и милостыни. В качестве посланника Робер де Краон выбрал брата Андре де Монбара, вступившего в Орден в 1129 году, и положился на его личную преданность, а также на то, что тот приходился дядей самому святому Бернару. Прежде всего Андре де Монбар обратился к аббату Клервосскому, который вручил ему письмо к папе Иннокентию II.

Результатом этих шагов стала булла «*Omne datum optimum*»³, опубликованная 29 марта 1139 года, — источник всех привилегий Ордена и очевидное свидетельство его удивительного прогресса по сравнению с 1130 годом. Заявленной целью буллы было учреждение должности капеллана для отправления церковной и литургической службы в командорствах. Но истинная цель заключалась в том, чтобы вывести Орден из-под епископальной юрисдикции и подчинить его непосредственно папской власти, возложив на магистра и его капитул полную ответственность за политику и управление Орденом. Иными словами, булла провозглашала автономию Ордена тамплиеров. Отныне он был *ipso facto*⁴ выведен из-под контроля патриарха Иерусалимского, и, следовательно, возникла необходимость в изменении Устава. Отсюда выражение досады, которая звучит в «*Истории Крестовых походов*» Вильгельма Тирского: «Вначале они шли по верному пути, но затем, ради гордыни, отвергли власть епископа и патриарха». Кроме того, булла предоставляла тамплиерам привилегию, кото-

³ Всякий дар совершенный (*лат.*) — эта, как и другие папские буллы, получила свое название по начальным словам, взятым из Нового Завета (Послание ап. Иакова, 1,17: «Всякое деяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше») (*прим. пер.*).

⁴ Самим фактом, фактически (*лат.*) (*прим. пер.*).

рой пользовались монахи Цистерцианского ордена, — не платить десятину со своих доменов — и предоставляла им право самостоятельно пользоваться доходами с одобрения епископа. Нужно ли добавлять, что привилегия в отношении десятины, серьезно урезавшая церковные доходы, стала источником столкновения интересов, иногда приобретавших чрезвычайно резкий характер и требовавших вмешательства папы? Этим в значительной степени объясняется неприязненное отношение к тамплиерам некоторых прелатов, таких, как архиепископ Вильгельм Тирский. Словно в порядке компенсации за то, что Церковь поначалу отказала в поддержке Гуго де Пайену, булла предоставляла магистру и его капитулу право подбора капелланов Ордена, минуя утверждение кандидатур епископом диоцеза. Прежде капелланы несли свою службу в Ордене «из милости», были «не прикреплены» к командорствам, не принадлежали к членам Ордена и оставались в подчинении епископа. После опубликования буллы «*Omne datum optimum*» капелланы оказались целиком включены в рамки Ордена и ставились в зависимость от магистра. Больше того, Орден получил право готовить собственных капелланов. И наконец, как указывалось выше, папа запретил церковным и светским властям вносить изменения в Устав тамплиеров. Только магистр и его капитул могли изменять его, как считали нужным. Как видим, булла 1139 года предоставляла Ордену почти полную независимость, учитывая его территориальную удаленность от папского престола.

Полученное тамплиерами право строить часовни и иметь собственные кладбища вызвало ярость епископов. Папа даровал тамплиерам такую привилегию, ибо посчитал недостойным и даже опасным, чтобы они за неимением собственных церквей смешивались во время богослужений «с толпой грешников и дамских угодников». Спустя некоторое время часовни тамплиеров уже сами принимали эти «толпы», что лишило духовенство существенных доходов. Иннокентию II пришлось призвать к порядку

епископов, опубликовав буллу «*Militia Dei*»⁵ (1145), подтверждавшую и уточнявшую привилегии тамплиеров. И все же, несмотря на их поддержку со стороны папства, мелочная борьба интересов продолжалась вплоть до 1307 года, до падения Ордена. С учетом этого становится более понятной нерешительная позиция Церкви во время процесса, затеянного Филиппом Красивым. Делая вид, что разделяют негодование короля, некоторые иерархи Церкви, действуя сознательно или инстинктивно, сводили старые счеты. Можно утверждать, не опасаясь обвинений в преувеличении, что булла «*Omne datum optimum*», принеся тамплиерам славу, косвенно способствовала и их падению.

В 1147 году Евгений III прибыл в Париж, когда король Людовик VII готовился выступить во 2-й Крестовый поход. Папа почтил присутствием заседание капитула Ордена тамплиеров в Париже. Этот только что сформированный капитул возглавлял Эверар де Барр, магистр Франции. Папу поразило зрелище, кое являли собой 130 рыцарей в белых плащах, их безукоризненный внешний вид и примерное благочестие. В порыве восхищения и энтузиазма папа даровал этим рыцарям привилегию носить знак алого креста на левом плече, чтобы «сей победоносный символ послужил им опорой, чтобы они никогда не поворачивали вспять, пока перед ними останется хоть один неверный». Этот крест из красной материи символизировал также мученичество, которое они давали обет принять, хотя и не искать его нарочно.

*Рога Хаттина*⁶

Отныне поправки, вносимые в Устав, не затрагивали его сущности. Они уточняли обрядность, вводившуюся в рамках Устава по мере того, как этого требовали обстоятельства и расчеты с целью даль-

⁵ Воинство Божие (лат.) (прим. пер.).

⁶ Рога Хаттина (араб. Курун-Хаттун) — гора в Галилее близ Геннисаретского озера, имеющая форму подковы (отсюда «Рога»), где предположительно проповедовал Иисус Христос (прим. пер.).

нейшего расширения Ордена, превратившегося, как уже говорилось, в мощную международную организацию, почти в самостоятельное государство. Напомним, что «Дополнения» датируются 1165 годом, «Статуты» — 1230—1240, а «Уложения» — 1257—1267 годами.

Прежде чем перейти к описанию повседневной жизни тамплиеров в эпоху их расцвета, полезно дать обзор событий, происходивших в Святой Земле до этого периода.

Выше отмечалось, что все действия короля Иерусалимского Бодуэна II свелись к консолидации сил крестоносцев, чему способствовала разобщенность, царившая среди мусульман. Его преемник Фульк, женатый на Мелисанде Иерусалимской, короновался в 1131 году. Он вынужден был защищать свое королевство от знаменитого Зенги Кровавого, точного прообраза Саладина. Зенги начал с нападения на Эдессу: противостоявший ему престарелый граф Жослен де Куртене принял геройскую смерть на поле брани. Его сын Жослен II, прозванный Жеребенком, предпочел перенести столицу графства в город Тюрбесель. Передовой рубеж на севере маленького королевства отныне оказался ослаблен. Зенги двинулся на Триполи, потом на Антиохию, которую королю Фульку едва удалось отстоять. Внутри королевства положение также ухудшилось. Один из самых могущественных баронов Гуго де Пюизе восстал против Фулька, заперся в Яффе и обратился за помощью к египтянам, что было равносильно измене. Тем временем королевству Иерусалимскому, за исключением графства Эдесского, отрезанного от своей столицы и прилегавших к ней территорий, удавалось сохранять свою целостность, вплоть до преждевременной кончины короля Фулька, наступившей в результате падения с лошади в 1143 году.

В период злополучного правления регентши Мелисанды Зенги воспользовался случаем, чтобы завладеть тем, что осталось от графства Эдесского, которому князь Антиохийский Раймон де Пуатье не оказал никакой поддержки. Он не учел, что после па-

дения Эдессы мусульмане опасно придвинулись к границам его владений, которые завоевал преемник Зенги, Нур-эд-Дин.

Неудачи крестоносцев вызвали тревогу в Европе. В дело снова вмешался святой Бернар: в 1146 году в Везеле он призвал ко 2-му Крестовому походу. Германский император Конрад III и французский король Людовик VII приняли крест и встали во главе двух сильных армий. Со своей стороны Орден тамплиеров во Франции отрядил 130 рыцарей под командованием Эверара де Барра, отмеченных знаком алого креста на левом плече, который пожаловал им Евгений III. Обе армии двинулись по традиционному маршруту (Дунай, Сербия, Византийская империя), хотя и независимо друг от друга. Но в Дорилее девять десятых немецких воинов Конрада были уничтожены. Армию Людовика VII постигла бы та же участь в местечке, которое они называли «Ненавистная гора», если бы магистру французских тамплиеров Эверару де Барру не удалось усмирить сарацин, выказав при этом мужество и умение быстро принимать решение, чем он вызвал восхищение Людовика VII. В довершение к прочему у короля закончились деньги, и тамплиеры согласились ссудить ему значительную сумму, оговорив для себя новые привилегии. 2-й Крестовый поход, так удачно начавшись, закончился ничем. В ходе него открылись очень серьезные разногласия, приведшие к еще более тяжелым потерям. Людовик VII стремился вновь покорить Эдессу. Князь Антиохийский, при поддержке своей племянницы Алиеноры Аквитанской, которая сделалась королевой Франции, требовал завоевания Алеппо. Молодой Бодуэн III хотел покорить Аскалон, который служил буфером между его королевством и Египтом. Наконец они нашли общий язык и договорились осадить Дамаск, что явилось грубой ошибкой, ибо жители города были настроены благожелательно к ним. Осада была неудачной, после чего Крестовый поход утратил единое направление. В 1149 году Людовик VII вернулся во Францию в сопровождении Эверара де Барра, который незадолго перед этим

был избран магистром (не только для Франции, а всего Ордена в целом). Эверар председательствовал на заседании капитула в Париже в 1150 году, а затем, тяготясь своей властью, отказался от высокого звания и удалился в Клервосский монастырь, где в молитве закончил свои дни. Оплакивая великого аббата и своего дядю, тамплиер Андре де Монбар сожалеет, что он не остался в Ордене и не продолжил борьбы.

Тем временем последовали новые утраты. В 1151 году графство Эдесское было окончательно потеряно, а княжество Антиохийское уменьшилось до узкой полоски земли между морем и рекой Оронт. Таковы были последствия осады Дамаска. Молодой Бодуэн III, в то время еще несовершеннолетний, добился, наконец, отстранения от власти Мелисанды и короновался в 1152 году. Еще с 1150 года он занимался укреплением города Газы и теперь поручил его оборону тамплиерам, уже захватившим крепость Сафет. Едва водворившись в Газе, рыцари Храма подверглись атаке египтян, которым сумели дать доблестный отпор. В 1153 году Бодуэн III, чтобы положить конец набегам из Египта, решил овладеть Аскалоном. Во время этой осады скончался Бернар де Тремле, четвертый магистр Ордена тамплиеров. По сведениям хронистов, причиной смерти магистра и еще 40 тамплиеров послужила жадность главы Ордена, в угоду которой он готов был пожертвовать всем. Он кинулся в брешь, к тому времени уже закрытую защитниками крепости. Когда Аскалон был взят, Бодуэн III продолжал сражаться, пядь за пядью защищая свою территорию с полным напряжением всех имевшихся в его распоряжении сил. Чтобы обезопасить свои границы с севера, он предложил руку племяннице византийского императора царевне Феодоре. Этот брак быстро охладил аппетиты Нур-эд-Дина, и ситуация стабилизировалась, как вдруг в 1162 году Бодуэн III скончался от тифа или от какого-то яда.

Ему наследовал его брат Амори I. Как правитель он был гораздо слабее своего предшественника, хотя

отличался смелостью, разбирался в законах и был довольно образованным человеком. Главной целью его правления было завоевание Египта, этого «ключа к королевству Иерусалимскому». Поспешив осадить Каир, он немедленно спровоцировал выступление в Сирии Нур-эд-Дина и потерял Харим и Баньяс. Жоффруа Фуше, казначей Ордена тамплиеров, замещавший нового магистра Бертрана де Бланкефора в его отсутствие, писал Людовику VII:

«У нас нет больше войска, чтобы сопротивляться, ибо из 600 рыцарей и 12 000 пехотинцев от Нур-эд-Дина сумели спастись лишь несколько человек, которые и поведали о случившемся... Если в Иерусалиме у нас будут меньшие силы, нам станут грозить нападение и осада. Узнайте о нашем бедственном положении: если вы не позволяете убедить себя либо колеблетесь, как это у вас в обыкновении, если не решаетесь оказать нам поддержку прежде, чем будут истреблены последние следы христианства, то судите, насколько велика опасность того, что ваша помощь придет слишком поздно. Так пусть же все истинно верующие, именующие себя христианами, возьмут в руки оружие и выступят на защиту царства своих предков и земли нашего освобождения во имя того, чтобы сыновья не утратили с позором завоеваний своих отцов...»

Суровые слова, обращенные к королю, особенно такому благочестивому, как Людовик VII, но верно отражающие суть ситуации: положение королевства Иерусалимского, действительно сильно сократившегося, было настолько шатким, что приходилось оголять границы ради концентрации войск в ожидании очередных действий противника, тем самым подвергаясь риску вторжения.

Между тем Амори I, не дожидаясь прибытия византийских сил и вопреки предостережениям тамплиеров, бросился завоевывать Египет, легко овладел Бильбейсом, но застрял у стен Каира. Эта неудача привела к тому, что грозный Саладин сумел отвоевать страну, создав тем самым своего рода мусульманскую империю и довершив окружение королевства Иерусалимского.

Неприятие тамплиерами египетской кампании имело свои основания. Но столкнувшись с их категорическим отказом, король Амори I встретил более благоприятный прием у госпитальеров. Это послужило первым проявлением соперничества между двумя духовно-рыцарскими орденами, впоследствии усилившегося. Госпитальеры, как свидетельствует их название, начинали свою деятельность с ухода за больными паломниками, прибывшими в Иерусалим, в госпитале, в свое время основанном уроженцами города Амальфи, и по этой причине крест, служивший их знаком отличия, по форме повторяет крест, который изображался на гербе Амальфи. Успехи, достигнутые Гуго де Пайеном и его сотоварищами, и одобрение их религиозной и военной деятельности на соборе в Труа подхлестнули их. Не прекращая оказывать помощь больным паломникам, они вооружили также рыцарей и оруженосцев, сформировав тем самым собственную небольшую армию. Их владения, крепости и богатства быстро сравнялись с тем, чем обладали тамплиеры, если только не превзошли их. Отсюда и трения, усиленные общими невзгодами последнего времени существования королевства Иерусалимского, которые после многократных проявлений вылились в открытую вражду.

Разумеется, вина за поражение в египетской кампании была возложена на тамплиеров. Убийство ими исмаилитских послов, в свою очередь, породило недоверие у Амори. Он собирался потребовать роспуска Ордена, но неожиданно его постигла смерть в 1174 году в возрасте 39 лет. Его преемником стал тринадцатилетний Бодуэн IV.

Этот правитель являлся, возможно, самой удивительной личностью всей восточной эпопеи, столь богатой героями и знаменитостями. Бодуэн IV был тот самый знаменитый прокаженный король. Пораженный неизлечимым недугом, он проявил незаурядное мужество, не отказавшись от короны, а, наоборот, исполняя свои обязанности особенно тщательно, с полной отдачей сил. Его страдания порожд-

дались не только невыносимыми физическими муками и медленным разрушением тела, но и необходимостью сдерживать алчность окружения и отражать натиск грозного Саладина. Покрытый язвами, спрятанными под вуалью, возлежав на носилках перед Истинным Крестом, он командовал сражениями. В битве при Мон-Жизаре он спас королевство от верной гибели. Поддерживаемый железной волей, приговоренный болезнью к смерти король шел от победы к победе. Перед самой своей кончиной, наступившей 16 марта 1185 года, он спас укрепленный замок Моаб.

Однако Святая Земля была обречена. Правитель королевства Раймон Триполитанский и муж сестры покойного короля Ги де Лузиньян начали оспаривать друг у друга корону. Последний вышел победителем из этой борьбы, обретя поддержку у дурного магистра Ордена тамплиеров по имени Жерар де Ридфор — бессовестного авантюриста, избранного путем интриг. Именно Ридфор, вопреки советам Раймона Триполитанского, подтолкнул Ги де Лузиньяна к нападению на Саладина у Рогов Хаттина 4 июля 1187 года. Перед этим Ридфор во главе отряда своих тамплиеров безрассудно атаковал мусульман. Под ударами превосходящих сил противника он обратился в бегство, бросив своих рыцарей на верную гибель. Битва у Рогов Хаттина пропела отходную для королевства Иерусалимского. Один день завершил столетие сражений и трудов, сметая почти все крестовое рыцарство. Тамплиеры потеряли 230 человек, хладнокровно зарезанных на глазах у Саладина. В Иерусалиме уцелело лишь 20 тамплиеров, но Ридфору, так же как и бесталанному Лузиньяну, удалось сохранить свои жизни. Довершая разгром христиан, Саладин 10 июля захватил Акру, затем пали Яффа, Бейрут и Аскалон. Наконец, 20 сентября капитулировал Иерусалим, и потеря Святого города повергла Европу в шок. Думали, что Святая Земля вновь оказалась в руках неверных. Действительно, кто бы мог тогда предположить, что эта агония растянется еще на целый век и будет чередоваться временными

улучшениями и даже надеждой на возвращение потерянных территорий.

13 июля 1187 года маркиз Конрад Монферратский высадился в Тире и вынудил Саладина снять осаду города. 20 августа франки⁷ осадили Акру. Эти события глубоко взволновали Европу и послужили поводом к началу 3-го Крестового похода, который возглавили Ричард Львиное Сердце и Филипп Август. Благодаря Ричарду поход завершился возвращением Акры, Яффы и почти всей прибрежной области, освобождением подступов к Иерусалиму и заключением трехлетнего перемирия с Саладином. К счастью для франков, в 1193 году Саладин умер, ибо напряжение борьбы против крестоносцев отняло у него все силы. Папа Иннокентий IV провозгласил 4-й Крестовый поход, но, поскольку его первоначальная цель вследствие коварства венецианцев была изменена, этот поход закончился не исправлением положения в Святой Земле, а захватом Константинополя. Тем временем король Генрих Шампанский, избранный на место бездарного Ги де Лузиньяна, который получил в виде компенсации остров Кипр, а затем его брат Амори кое-как поддерживали существование латинского королевства в исламском окружении.

И вдруг судьба повернулась лицом к христианам. Королю Жану де Брину, уроженцу Шампани, удалось покорить Египет. Он захватил Дамьетту (1219). Мусульмане предложили отдать Иерусалим в обмен на этот город. Послушавшись настойчивого, но неразумного совета папского легата, король отказался. Конечно же, Египет вскоре был потерян.

Когда император Фридрих II Гогенштауфен женился на дочери Жана де Бриана Изабелле, по закону являвшейся королевой Иерусалимской, Святую Землю сочли спасенной. Фридрих же отстранил от власти своего тестя, сам короновался королем Иерусалимским и заключил с мусульманами достойный

⁷ Франками в эпоху Крестовых походов называли на Востоке всех выходцев из Западной Европы (*прим. пер.*).

сожаления договор в Яффе (1229). Император-король добился передачи ему городов Вифлеема, Назарета, Торона, Сидона и пр., но Иерусалим должен был оставаться открытым городом, добычей того, кто его возьмет. На самом деле этот странный крестоносец — отлученный от Церкви! — вел вероломную политику по отношению к баронам Святой Земли и тамплиерам. Он попытался даже отнять их крепость Шато-Пелерен. Фридрих вернулся в Европу, оставив после себя напряженную обстановку: борьбу между гвельфами и гибеллинами.

В 1244 году Иерусалим вновь был захвачен неверными, в 1247 году та же участь постигла Аскалон и Тивериаду. Окружение Сирии, усугубленное монгольским вторжением, стало полным. Крестовый поход под руководством Людовика Святого не принес никаких перемен. Он ознаменовался кровавым разгромом Мансура в 1249 году, когда погиб магистр тамплиеров Гийом де Соннак. Отныне защита королевства Иерусалимского целиком ложилась на плечи духовно-рыцарских орденов, главным образом тамплиеров. Чтобы составить себе представление о том, какие жертвы они понесли, достаточно привести тот факт, что из 23 магистров 13 отдали свою жизнь на поле брани.

КАК СТАНОВИЛИСЬ ТАМПЛИЕРАМИ

«Тому, кто желает приобщиться к братии и быть принятым в Орден тамплиеров».

Устав тамплиеров

А теперь проникнем в тайны Ордена тамплиеров, на самом низком уровне — на уровне соискателя. Прошедший достаточную подготовку и признанный достойным принятия сана, он получал возможность уже в довольно зрелом возрасте начать карьеру рыцаря, отмеченного судьбой — или не отмеченного, в зависимости от точки зрения. Завершив ученичество в каком-нибудь скромном «хлебопашеском» командорстве, он приобщался к тамплиерам в ходе различной деятельности. После этого он вел полную опасностей жизнь Рыцаря Храма в Святой Земле, а затем вновь возвращался во Францию, где безвестно заканчивал свои дни. Очень редко тамплиерам случалось оставить собственный след в истории. То, что они совершали — их обыденные труды, приносившие славу, и высокая жертвенность, — все это относилось на счет Ордена, а вовсе не на личный счет или во имя личного прославления. Все было направлено на поддержание чести Ордена, о чем гласили его главные молитвы. Никто из членов Ордена не мог приобрести в собственность что бы то ни было, даже оружие по предложенной цене — хотя бы и за несколько су. Никто не имел права требовать признания своих заслуг. Вступив в Орден, большинство неофитов утрачивали свое родовое имя, к ним

адресовались и их отличали только по крестному имени: брат Гуго, брат Жоффруа, брат Ролан. Лишь скандал, разразившийся вокруг процесса 1307 года, позволил выявить родовую принадлежность около сотни членов. Только магистры и самые высокие представители Ордена ради облегчения неизбежных контактов со светскими лицами действительно были известны под своими родовыми именами.

Придерживаясь этого принципа, а также ради удобства мы назовем нашего тамплиера распространенным именем Жослен. И чтобы возбудить немного воображение — хотя бы в отношении его наружности — попытаемся представить себе его социальную принадлежность и психологический тип: пусть он будет, на чем мы настаиваем, рядовым тамплиером.

Поскольку надо выбрать подходящее командорство для поступления в него нашего Жослена, остановимся на Куломьере, расположенном в Иль-де-Франсе, в старинной провинции Бри, недалеко от Провена, бальяжа тамплиеров. Такой выбор не случаен. Он побуждает любознательного читателя старинных манускриптов посетить архитектурный ансамбль храмовников, сохранившийся почти полностью и наделенный типическими чертами, что обращает на себя внимание: часовня, зал собраний капитула, покои командора и братии, погреб и кладовые, служебные помещения. Картина соответствует описанию действительно экстраординарного произведения Жана Шельстрета. Он вместе с командой молодых добровольцев — выходцев из разных стран, представителей разных профессий, разных общественных слоев, объединенных энтузиазмом и бескорыстием юности, — сотворил чудо, возродив эти руины. Более того, они не только восстановили комплекс в первоначальном виде, но и сумели передать ему частицу своего радостного мироощущения и вдохнуть в него жизнь. Сколь приятно и отрадно иметь возможность написать, что старая резиденция была воскрешена благодаря самоотверженности этой молодежи, которую Жан Шельстрет «пленительно и нежно» окрестил Друзьями резиденции. Освободившись от терновни-

ка и лишайников, которые покрывали ее, и от внешних излишеств, которые искажали ее облик, восставленная, реставрированная, заново выкрашенная, без каких-либо привнесений, которые можно было бы оспорить, резиденция вознеслась, горделивая и прекрасная, на фоне неба Бри. Она воодушевляла впечатлительные души и трогала сердца, оставляя в них неизгладимый след. Именно здесь можно дышать воздухом Ордена тамплиеров и ощутить, даже много веков спустя, какими были те люди, которые возвели эти мощные стены, ибо если у людей подчас бывает короткая память, камни ничего не забывают.

Это была не просто резиденция. Она вздымалась, как я уже говорил, над Провенским округом, или бальяжем, который подчинялся Парижскому отделению Ордена, центральному во Французской провинции, подчиненной, как все европейские провинции Ордена тамплиеров, Великому магистру, резиденция которого вместе с его штабом находилась, в соответствии с Уставом, в Святой Земле. Каждая провинция имела своих досмотрщиков (нечто вроде генеральных инспекторов), назначавшихся магистром и его капитулом. Мы дополним, когда придет время, эту несколько схематичную картину.

Соискатель

Идет 1250 год: положим, Жослену двадцать лет. Он крепкий малый, коренастый и статный, у него серые глаза и светлые волосы с рыжеватым оттенком, румянец на лице, хотя уже и с загаром, который он приобрел благодаря жизни на свежем воздухе — можно сказать, благодаря верховой езде. У него плечи кузнеца, проворные и крепкие ноги и та гибкость движений, которая вообще свойственна молодости, но с налетом сдержанности. Его бледный лоб ничем не похож на монашеский лоб, скрытый шевелюрой; это и не лоб мыслителя, но он отражает природный ум. На лице виден намек на золотистую бородку, обрамляющую тяжелый квадратный подбородок, выдающий энергичную натуру, и пушок растущих усов, ко-

торые несколько маскируют его алые губы. У него жилистые руки, прекрасно приспособленные для того, чтобы управляться с мечом и держать копье, но, учитывая, сколь они велики и сильны, понимаешь, что при случае они могли бы стать и руками доброго работника. Таков физический облик парня. Он является точным сколком с изображений людей той эпохи, которые предстают перед нами в живописных портретах, высеченных в камне или нарисованных на цветных миниатюрах. Высокий рост и удлинённый профиль — находки скульпторов, ваявших статуи-колонны.

Жослен принадлежит к захудалому роду мелкого провинциального дворянства, даже менее зажиточного, чем большинство буржуа Провена, которого Крестовые походы довели до оскудения и почти полного разорения. Предки Жослена последовали за своими суверенами, графами Шампани и Бри, в Святую Землю. Как и многие им подобные, они наскоро продали, находясь в затруднительном материальном положении, свои лучшие земли и залезли в долги, чтобы собрать необходимые средства на экипировку и содержание оруженосцев, на непомерные издержки путешествия. Ни один из них не обосновался в Святой Земле, не получил в награду добрый фьеф от короля Иерусалимского, графа Эдесского или князя Антиохийского. Возможно, они ничего и не требовали для себя, не питая склонности к интригам. Либо же, тяжело переживая неудачи страны, они, закончив труды и выполнив свою миссию, и не помышляли ни о чем другом, кроме скорейшего возвращения на родину. Не сняв иного урожая, кроме ран, они возвращались бедняками или не возвращались вовсе, пав под сабельными ударами в неизвестной битве, или по дороге домой, или встретив смерть в тошнотворной тесноте корабля, набитого паломниками. От одного Крестового похода к другому семья постепенно теряла свое влияние, ибо теперь уже знатность определялась не древностью рода или несением службы, но количеством земель, величиной податей и суммой дохода.

Жослен же был всего-навсего младшим представителем семьи. Все, чем она владела, получил по наследству его старший брат. Младший, согласно распространенному обычаю, был предназначен Церкви. У приходского священника он выучился читать и писать. Он даже немного познал латынь — вполне достаточно, чтобы уразуметь мессу, но не более того. Однако горячая кровь, текущая в его жилах, не позволяла ему довольствоваться жизнью, исполненной прилежания и смирения. Жослен родился воином и всадником. Он это понимал и, возможно, сожалел о своей непригодности для исполнения благочестивой должности в каком-либо богатом приходе. Но это происходило не от недостатка веры — напротив, он всем своим юным сердцем любил Господа Иисуса Христа и Богородицу, но ему нужно было тратить свои силы, скопившиеся благодаря праздности, скакать верхом до изнеможения своего коня. Его единственной и всепоглощающей страстью стала охота, это подобие войны — по крайней мере травля. К тому же голова его была слишком занята подвигами, воспетыми в героических поэмах и обманчивых песнях труверов, и историями о свершениях его предков, которые семейные предания не преминули приукрасить. Он мечтал походить на одного из своих старших родичей, который был свидетелем взятия Иерусалима Готфридом Бульонским. Не будем забывать, что юноша в свои двадцать лет обладал богатым воображением и, согласно потребностям натуры, грезил о великих делах и геройских подвигах. Что его отталкивало и пугало больше всего — как всякого юношу, уроженца любой страны, находящегося в расцвете своей молодости, — так это монотонность повседневной жизни, ежедневные обязанности, превращавшие жизнь в тусклое существование, хотя бы и не лишенное некоторого комфорта. Добавьте к этой естественной предрасположенности предания старины и дух романтизма. Отказавшись стать клириком, но не имея ни гроша за душой, чего мог Жослен ожидать от жизни? Он сделался солдатом, поступил на службу к графу Шампанскому,

предки которого всегда покровительствовали его семье и который знал, что эти мелкие дворяне жили здесь с незапамятных времен. Но на что была похожа служба в округе, подчиненном сеньору де Труа, владельцы которого держали некое подобие королевского двора? Можно ли было там отличиться, стоя на страже у ворот, уходя в дозор, следуя в свите графа, когда тот отправлялся в свои владения в Провене, препровождая подозрительных в тюрьму или приговоренных к смерти на виселицу? В том ли состояло предназначение рыцаря? Разумеется, граф в своей милости торжественно произвел его за службу в рыцари и обещал ему выгодный брак. Но стоило ли жениться на дурнушке, чтобы занять ренту и блистать в свете? Его влекло иное: очарование Востока, то есть неизведанное. Но, будучи бедняком, мог ли он надеяться попасть за море, если граф не решится стать крестоносцем? Жослен достаточно наслушался разговоров и понимал, что дух Крестовых походов отошел в прошлое. С другой стороны, вращаясь среди знати, он достаточно насмотрелся на их эгоизм и тщеславие. И наконец, его, как и некоторых тамплиеров, постигло несколько любовных неудач, укрепив его раннее презрение к миру. Куртуазная любовь, введенная в моду поэтами, была лишь великосветской игрой, в которую Жослен не желает играть. У него слишком тяжело на душе. Он слишком остро чувствует, сколь не похоже это галантное притворство на обуревавшую его жажду любви, которую он не в состоянии выразить.

Именно в таком состоянии разочарования он познакомился с тамплиерами Провена. Он увидел их, жадно присматривался к ним, когда они входили и выходили из двух своих укрепленных резиденций в Провене. Он наблюдал их выбритые головы и бородатые лица, их туники, украшенные красным крестом, и их белые плащи. Одни из них суетились на рынке, исполняя возложенные на них обязанности, которые Жослену казались таинственными. Другие попарно, верхом на изумительных лошадях сопровождали богатых купцов, возвращавшихся в Париж.

Из любопытства он даже посетил одну из их церквей и присутствовал на службе. После этого тамплиеры заговорили с Жосленом и повели разговор с той учтивостью, которой они славились в тогдашнем мире. Самый старший из них предложил ему отобедать с ними в светлой трапезной. Затем юноша осмотрел резиденцию и ее подсобные помещения. Неизменно с ним беседовали в том же любезном тоне, и, наконец, сам командор проводил его до портала и оказал ему честь, обращаясь с ним не как с бедным рыцарем, но как с равным. Под конец командор сказал, что он, когда был молодым тамплиером, знал отца Жослена, который показал ему пример безукоризненной честности.

В другой раз в том же городе Жослен отважился спросить, как вступить в Орден тамплиеров, сожалея, что может предложить за свой прием лишь немного денег, мельницу и несколько арпанов земли, которые оставил ему в наследство дядя. Храмовник заверил его: Орден не ищет богатств, но жаждет обрести истинные ценности и твердое желание служить. Однако он не стал забегать вперед, что-либо советовать Жослену или влиять на него, и тот, привыкший к солдатской прямооте, был удивлен подобной деликатностью.

После этого разговора юноша нанес визит тамплиерам Труа, которые еще хранили воспоминания о первом магистре Гуго де Пайене и его покровителе, великом аббате Клервосском. Мысль облачиться в белую мантию и носить кровавый крест напротив своего неудовлетворенного сердца день ото дня все больше крепла в нем. И в течение следующих нескольких месяцев случай упорно сводил его с прочей братией, словно желая подтолкнуть к принятию окончательного решения. Доставляя послание графа, Жослен встретил три десятка рыцарей Храма, ехавших верхом попарно: они прибыли из Парижа и направлялись на юг. По дороге останавливаясь на ночь в разных резиденциях, расположенных вдоль их маршрута, они увеличили свои ряды за счет других братьев-рыцарей и братьев-служителей, так же,

как и они, направленных в Святую Землю. Это подкрепление собирается в Марселе, где, как они сказали ему, оно погрузится на два корабля, принадлежавших Ордену тамплиеров, и с Божьей помощью направится в Акру. Сопровождавший их командор добавил, что в Земле обетованной вновь разразилась война и нужно спешить. Когда их кони утолили жажду водой из пруда, Жослен попросил у старого начальника отряда позволения проводить их, и эта милость была любезно оказана ему. Жослену больше всего нравился контраст между военной суровостью и пленительностью поведения и речей, а также братские взаимоотношения между членами Ордена. Он заметил, как молодой тамплиер подтянул подпругу коня своего компаньона, летами старше его, и выразил изумление, ибо был цельной и непосредственной натурой, — как же этот брат в столь преклонном возрасте решился отправиться в такое длительное путешествие. Тот ему ответил, что не имел иного желания кроме как умереть в Святой Земле и что, несмотря на его старческую немощь, начальники согласились с его отъездом: «Ибо смерть, дорогой брат, есть предел наших страданий, наша награда и спасение».

И командор продолжил: «Мученичество — это единственная слава, которой мы хотели бы удостоиться, будучи смертными». Наконец, когда он разгадал сумрачную душу Жослена и проник в его тайные стремления, он заговорил с ним о холмах Востока, о невиданных деревьях, произрастающих на их склонах, о белых городах среди пальм и о замках храмовников, стоящих на страже дорог в пустыне, населенной невиданными в Европе зверями. Сам же он провел там десять самых прекрасных лет своей жизни. И он, подобно тамплиерам Провена, тоже не настаивал на быстром вступлении Жослена в Орден, хотя и чувствовал его горячее желание поступить именно подобным образом. Ибо для Жослена не было ничего более прекрасного, и ему немного понадобилось времени, чтобы заметить, что сдержанность командора скорее напоминает приглашение. Наконец, не без опасения быть отвергнутым, хотя и питая доб-

рую надежду, он открыл свои помыслы братии Труа. Они приняли его просьбу с братской теплотой и даже с открытым ликованием. Жослен был совершенно счастлив. Он сообщил, что у него есть несколько клочков земли в Куломьере и незначительные сбережения и он полон решимости предложить все это Ордену, однако стесняется такой малости, ведь другие приносят целые фьефы, крупные фермы и даже леса. И вновь ему ответили, «любезно и пленительно», что он не должен сожалеть о скромности своего дара, ибо Орден рыцарей Храма изобилует не только мирскими богатствами, но и духовными благами: молитвами тамплиеров и благочестивыми деяниями во имя Христа. Его заверили, что передадут его просьбу братии Куломьера, после чего это командорство примет его дар, и это будет логично, раз его владения расположены поблизости и сам он уроженец той местности. Теперь Жослену оставалось лишь уведомить графа Шампанского об отказе от службы и ожидать, когда, в соответствии с Уставом, куломьерская братия вызовет его. Наконец тамплиеры Труа сообщили ему, что его ходатайство удовлетворено и что они воспользуются временным пребыванием помощника магистра Франции, чтобы организовать церемонию вступления Жослена в Орден. Уже вошло в обычай, что во время своего проезда через значительные командорства руководители Ордена принимали новых братьев. Они оказывали большую честь новичкам, своим присутствием внося торжественность в церемонию. Между тем Жослен все оставшееся время проводил с тамплиерами Труа, которые приобщали его к своему образу жизни, рассказывали ему об обычаях Ордена и его дисциплине. Он отказался от охоты и игры в кости и шахматы, ибо отныне подобные развлечения были ему запрещены. В самом начале января он узнал, что брат Гумберт де Пейро, помощник магистра, находится с поручением в Провенском бальяже, и его охватило нетерпение, так он спешил покинуть свет, то есть двор графа Шампанского. Но одобрит ли Гумберт де Пейро решение братии Куломьера? Тамплиеры Труа положи-

ли конец его волнениям. Его спешно вызвали в Куломьер, где брат Гумберт предполагал задержаться для празднования Святого Крещения. Граф Шампанский великодушно оставил ему его доспехи, оружие и коня. И хмурым зимним утром Жослен вступил в новую жизнь, не чувствуя ни ледяного северного ветра, в котором кружились первые хлопья снега, ни пронизывающего до костей мороза. Сердце его было переполнено радостью, горячей и всепоглощающей, подобно солнышку, поднявшемуся над деревьями. Жослен трепетал: только бы не опоздать. Он прибыл в Провен, где тамплиеры радушно приютили его у себя и обращались с ним уже не как с гостем, но как с одним из своих братьев. Он хотел было последовать за ними на ночь в их общую спальню. Но ему мягко отказали и проводили в специально отведенную для него комнату. Наутро два брата, которые отправлялись в отдаленную резиденцию, взялись быть его проводниками. Когда они достигли Куломьера и Жослен остановился, чтобы лучше рассмотреть темневшие валы и шпили города, два спутника-тамплиера встретили его. На вершине холма, на пересечении двух дорог, раскинулась резиденция. Вокруг ее суровых стен и рядом с церковью толстым слоем лежал свежевывпавший снег, словно на землю набросили белоснежный плащ тамплиеров. И та часть неба, которая составляла фон этой картины, блестела и искрилась. Для Жослена в это утро и небо, и разорвавший тишину звук органа, и снег — все приобрело какой-то символический смысл. Эти огни, сверкание инея, шум жизни в долине, каждый камень, употребленный на постройку стен резиденции, — все мгновенно запечатлелось в его памяти. Карабкаясь по довольно крутому склону, который надо было преодолеть, чтобы попасть в резиденцию, все три лошади ржали, разгоняя на все четыре стороны стаи птиц. Вороны метались вокруг черно-белой хоругви, развевавшейся на древке позолоченного креста на церковном шпиле. Створы ворот главного входа для всадников, прорубленного в стене ограды, были открыты. Жослен въехал в обширный двор. Шталмей-

стеры подхватили под уздцы его лошадь и повели ее в конюшню. Слуги таскали на вилах сено, пилили дрова, другие несли за ручки громадный чан, и запах его содержимого наполнял дрожащий воздух. И у всех на одеянии напротив сердца красовался алый крест. Жослена увлекли к покоям командора и братии, большому зданию монастырского вида, но пробитого остроконечными арками на уровне нижнего этажа и разделенного посередине корпусом башни, крытой коричневой черепицей. Кровля часовни с двумя высокими скатами сияла в свете морозного утра. Жослену предложили подкрепиться, пока не закончится совещание относительно его приема. Совещание, впрочем, оказалось очень кратким. Тамплиеры уже навели о нем все необходимые для них справки. Семья Жослена пользовалась известностью. Ничто не препятствовало принять его в Орден, тем паче что у него было твердое желание в него вступить. Брат Гумберт де Пейро, который председательствовал на заседании капитула, посоветовавшись с присутствующими, произнес вступительную формулу, предусмотренную Уставом:

«Прекрасные сеньоры братья, вы видите, что большинство одобряет прием Жослена. Если есть среди вас кто-то, кому известно нечто, могущее воспрепятствовать ему стать братом по Уставу, то пусть он скажет об этом; ибо лучше сказать об этом до того, как он предстанет перед нами, нежели после».

Никто не произнес ни слова, и брат Гумберт предложил командору Куломьера проводить Жослена в отдельную комнату в сопровождении двух или трех присутствующих из наиболее сведущих членов Ордена, чтобы задать ему предварительные вопросы и предостеречь его, если потребуется, против поспешного или необдуманного решения, о котором впоследствии он может пожалеть. Иначе говоря, выбор соискателя являлся бесповоротным, и ему давали последнюю отсрочку для размышления. Так как, произнося свои обещания, он не находился перед собранием капитула, ему предоставлялась возможность отказаться от избранного пути и удалиться. Таким

образом, этот разговор в отдельной комнате не был формальностью.

Наконец Жослена ввели в зал, и два брата уселись напротив него. Но по тому, как он их встретил, впившись взглядом в кресты на их туниках, они заключили, что юноша не пойдет на попятную.

— Брат, — обратился к нему старший, — желаете ли вы присоединиться к нам?

— Да, сир.

(Точнее: «Ойль, сир!» — да простят нам это обращение к старофранцузскому языку, ибо мы горько сожалеем, что он уничтожен той накипью, которая полностью покрыла его лучшие перлы.)

Напоследок, согласно обычаю, хотя и очень кратко, старый тамплиер сообщил новичку о дисциплине Ордена; он перечислил запреты, обязанности и задания всех видов. Затем он произнес:

— Брат, согласны ли вы терпеть все это ради Господа нашего? Окончательно ли ваше решение? Хотите ли вы быть слугой и рабом Ордена отныне и до конца ваших дней?

— Я вынесу все ради Господа нашего и хочу быть слугой и рабом Ордена навеки.

— Сейчас помощник магистра Франции спросит вас, не помолвлены ли вы и не женаты ли, не произносили ли вы обетов в каком-либо ином монастыре, нет ли у вас долгов, здоровы ли вы телом и свободный ли вы человек. Вам следует отвечать искренно, ничего не утаивая, ибо ваша ложь нанесет урон Ордену и навлечет на нас небесную кару... Не покривите душой, брат. Что вы ответите?

— Я свободен от обязательств и здоров.

Посвящение

Два тамплиера оставили его одного в комнате. Они вышли, как предписывалось Уставом, чтобы дать отчет о беседе. Они направились к капитулу, который специально ради такого торжественного случая собрался в часовне — в присутствии капеллана, при зажженных свечах. Самый старший из присутствующих обратился к брату Гумберту:

— Сир, мы говорили вам о честном муже, который ожидает снаружи; мы познакомили его, как могли, со строгими правилами Ордена. Он утверждает, что хочет быть слугой и рабом Ордена, что свободен от обязательств и здоров и что нет препятствий для принятия им монашества, если так будет угодно Господу, вам и нашей братии.

Вновь брат Гумберт спрашивает, нет ли у кого-нибудь возражений против этого соискателя, и повторяет, что если хоть что-то препятствует его принятию, то лучше узнать об этом теперь, нежели позже. Никто не произносит ни слова. Тогда он в последний раз задает вопрос:

— Желаете ли вы, чтобы он вступил во имя Господа?

И капитул хором отвечает:

— Пусть он вступит во имя Господа.

Начинается церемония посвящения. Два брата возвращаются в комнату, где ожидает Жослен в позе смирения, сложив руки.

— Брат, — обращаются они к нему, — по доброй ли воле вы делаете такой шаг?

— Ойль.

— Сейчас вы предстанете перед капитулом. Вы должны будете приветствовать капитул и, сложив руки, преклонить колени перед тем, кто на нем председательствует. Затем вы произнесете слова, о которых мы вам говорили...

Наконец Жослен вместе с провожатыми вступает в часовню. В сиянии свечей, установленных вокруг алтаря, меркнет дневной свет, проникающий сквозь большие окна, и это сияние ослепляет Жослена. Он замечает рыцарей, стоящих вокруг брата Гумберта. Они все облачены в белые плащи, накинутые поверх белых туник, стянутых на талии кожаным поясом. Каждый плащ украшен большим разветвленным крестом. У всех бритые головы и длинные бороды. Только капеллан одет в черное. Он стоит около аналоя, на котором лежит раскрытая книга, и читает молитву. Жослен робко приближается к этим людям, которые сейчас должны стать его спутниками на всю жизнь. Их суровые взгляды, одновременно изучаю-

щие и требовательные, устремлены на него. Среди братьев Куломьера, ничем не выделяясь среди них своим одеянием, Гумберт де Пейро напоминает графа Шампанского в окружении придворных. Это могущественный, однако начисто лишенный высокомерия сеньор. Жослен, следуя полученным инструкциям, становится перед ним на колени и, складывая руки, говорит:

— Сир, я обращаюсь к Господу, к вам и к прочей братии, прошу и умоляю, во имя Господа и Пречистой Девы Марии, принять меня в ваше братство и сделать соучастником благих деяний Ордена.

И тогда брат Гумберт произносит слова, которые слышали все тамплиеры перед вступлением в Орден, и слова эти так глубоки и проникновенны, что вплоть до наших дней сохраняют особую силу заклинания, полны значения и аромата ушедшей эпохи:

— Прекрасный брат, воистину вы требуете многого, ибо судить о нашем Ордене вы можете лишь по его наружности, которая суть не что иное, как видимость. Ибо эта видимость, состоящая в том, чтобы иметь добрых лошадей и добрые латы, сладко пить и вкусно есть, иметь красивое платье, говорит о возможности жить в довольстве. Но вы не ведаете суровых заповедей, которые приняты в Ордене: ведь это суровое испытание, когда вы, будучи господином самому себе, должны будете стать рабом других. Ибо большого труда будет вам стоять получить то, что будет вам желанно: если вы пожелаете оказаться на земле по эту сторону моря, от вас потребуют пребывания за морем, если вы захотите попасть в Акру, вас пошлют в Триполи, Антиохию или в Армению, либо же направят в Апулию, на Сицилию или в Ломбардию, во Францию, Бургундию или же в Англию, либо же в иные земли, где имеются наши командорства и земельные владения. Если вас будет клонить в сон, вас заставят бодрствовать. Если же вы будете бодрствовать, вам прикажут отправиться отдыхать в постели. Когда вы сядете за стол и будете голодны, вас могут послать куда угодно, и вы сами не будете знать куда. Вам придется терпеть ворчливые слова, которые вы услышите не раз. Поду-

майте же, сладчайший брат, согласны ли вы с кротостью переносить подобные тяготы?

— Да, сир, — ответил Жослен, — я все стерплю, если будет на то воля Божья.

Затем, опять же согласно Уставу, брат Гумберт произносит слова торжественного наставления:

— Прекрасный брат, вам не следует стремиться к вступлению в Орден ради стяжания богатств, телесных наслаждений и мирских почестей. Но вы должны стремиться вступить в него ради трех вещей: первое — ради избавления от грехов мира сего, второе — ради служения Господу нашему, третье — ради бедности и покаяния в этом мире, чтобы спасти душу свою. Ради таких намерений вам следует стремиться в Орден...

Брат Гумберт выдержал паузу и закончил:

— ...Так желаете ли вы отныне и до конца ваших дней стать слугой и рабом Ордена?

— Да, если будет на то воля Божья, сир.

— Согласны ли вы отказаться от собственной воли отныне и до конца ваших дней, чтобы делать то, что прикажет вам ваш командор?

— Да, сир, если будет на то воля Божья.

— Так соблаговолите же выйти и помолиться Господу нашему, чтобы он вразумил вас.

Жослен повиновался и вышел, сопровождаемый одним из братьев. Тамплиеры — рыцари, служители и капеллан — сели. Брат Гумберт возвестил им:

— Прекрасные сеньоры, вы видите, что сей благочестивый муж одержим горячим желанием вступить в ряды нашего Ордена и утверждает, что отныне готов во все дни своей жизни быть его слугой и рабом. Я уже спрашивал, нет ли среди вас кого-либо, кому известно нечто, что может послужить препятствием к принятию его в Орден, ибо потом будет поздно.

И снова все хранят молчание. Ни на йоту не отступая от требований Устава — все предосторожности должны быть приняты, — брат Гумберт повторяет свой вопрос:

— Желаете ли вы, чтобы он вступил во имя Господа?

— Пусть вступит во имя Господа, сир.

Один из тамплиеров отправляется к соискателю. Он объясняет ему, что нужно делать и как следует держать себя перед капитулом. Наконец он приводит обратно Жослена, который вновь опускается на колени перед братом Гумбертом и, сложив руки, говорит:

— Сир, я предстаю перед Господом, перед вами и всей братией, чтобы просить и умолять вас во имя Господа и Пречистой Девы Марии принять меня в ряды братьев и сделать меня, желающего стать слугой и рабом Ордена отныне и навеки, соучастником его благих деяний, как духовных, так и мирских.

Брат Гумберт вопрошает его, неукоснительно следуя церемониалу, предписанному Уставом:

— Твердо ли вы решили, прекрасный брат, стать слугой и рабом Ордена и отказаться от следования собственной воле, чтобы повиноваться чужой? Готовы ли вы терпеть все тяготы, сопряженные с пребыванием в Ордене, и исполнять все приказы, которые вы будете получать?

— Да, сир, если будет на то Божья воля.

Брат Гумберт встает и, обращаясь к капитулу, возглашает:

— Прекрасные сеньоры, восстаньте и восславьте Господа нашего и Пречистую Деву Марию, да будет на все воля Всевышнего.

Собравшиеся читают «Отче наш», а капеллан — молитву Святому Духу. После чего брат Гумберт берет Евангелие. Следуя полученным инструкциям, Жослен, все еще коленопреклоненный, принимает обеими руками огромную раскрытую книгу и ждет.

— Прекрасный брат, — спрашивает его Гумберт, — честные отцы, которые говорили с вами, сообщили вам наши неперемennые требования, но что бы вы ни ответили, это лишь суетные и легковесные слова, и мы не понесем большого ущерба от того, что вы утаили от нас. Но вот святые слова Господа нашего, и на наши вопросы отвечайте правдиво, ибо если вы солжете, вы совершите клятвопреступление и должны будете покинуть Дом⁸, да храни вас от этого Бог!

⁸ Имеется в виду исключение из Ордена.

Новая пауза, тягостная для Жослена. Затем брат Гумберт говорит:

— Прежде всего мы спрашиваем вас: не имеете ли вы жены или невесты, которая могла бы претендовать на вас по закону Святой Церкви? Ибо если вы лжете и если случится так, что завтра или позже она явится сюда и сможет доказать, что вы были ее бароном⁹, и потребует вас по закону Святой Церкви, вас лишат чина тамплиера, закуют в железо и определят на работы с рабами. После же отбытия постыдного наказания вас отдадут той женщине, и вы навсегда покинете Дом. Прекрасный брат, нет ли у вас жены или невесты?

— Нет, сир.

— Не состояли ли вы в другом ордене, где давали обеты и обязательства? Ибо если вы это делали и этот орден вас изобличит, вас лишат чина тамплиера и отдадут тому ордену, но прежде вас подвергнут постыдному наказанию и вы навсегда покинете Дом.

— Нет, сир.

— Не имеете ли вы долгов перед кем бы то ни было, которые не в состоянии заплатить самостоятельно или с помощью своих друзей без участия нашего Ордена, ибо в таком случае вас лишат чина тамплиера и предоставят в распоряжение кредиторов, по отношению к которым Орден не может нести ответственности за ваши долги?

— Нет, сир.

— Здоровы ли вы телом, не подвержены ли каким-либо очевидным болезням, ибо если будет доказано, что вы были больны до вступления в ряды нашей братии, вы покинете Дом, да храни вас от этого Бог!

— Нет, сир.

— Не обещали ли вы и не давали ли какому-либо мирянину, или тамплиеру, или иному человеку деньги или что-либо ценное, чтобы он помог вам вступить в наш Орден? Ибо это является симонией и вы не можете иметь в том оправданий: если вы окажетесь виновны, вы покинете Дом.

⁹ То есть мужем или женихом.

— Нет, сир.

— Являетесь ли вы сыном рыцаря и дамы, рыцарского ли вы рода и рождены ли в законном браке?

— Воистину так, сир.

— Не состоите ли вы священником, дьяконом или же субдьяконом? Если вы это скрываете, вы покинете Дом.

— Нет, сир.

— Не наложено ли на вас церковное отлучение?

— Нет, сир.

Гумберт говорит, обращаясь к старшим членам капитула:

— Нет ли еще вопросов?

— Нет, сир, — отвечают они.

Тогда Гумберт обращается к Жослену:

— Прекрасный брат, на все вопросы, которые мы задали вам здесь, соблаговолите отвечать правду, ибо если вы допустите хоть каплю лжи, то навсегда покинете Дом, да храни вас от этого Бог!.. Внимайте же, прекрасный брат, внимайте тому, что мы вам говорим. Обещаете ли вы Господу и Святой Пречистой Деве Марии отныне и во все дни вашей жизни повиноваться магистру и тем командорам, которые у вас будут?

— Да, сир, если будет на то Божья воля.

— Обещаете ли вы Господу и Святой Пречистой Деве Марии отныне и до конца ваших дней сохранять телесное целомудрие?

— Да, сир, если будет на то Божья воля.

— Обещаете ли вы Господу и Святой Пречистой Деве Марии отныне и до конца ваших дней не иметь собственности?

— Да, сир, если будет на то Божья воля.

— Обещаете ли вы Господу и Святой Пречистой Деве Марии отныне и до конца ваших дней следовать славным обычаям и правилам нашего Ордена — тем, которые есть и которые установят магистр и благочестивые отцы нашего Ордена?

— Да, сир, если будет на то Божья воля.

— Обещаете ли вы Господу и Святой Пречистой Деве Марии, что отныне и до конца ваших дней всеми силами и талантами, коими наделил вас Господь,

будете споспешествовать завоеванию Святой Земли Иерусалима, а также сохранению и защите тех земель, которые завоеваны христианами?

— Да, сир, если будет на то Божья воля.

— Обещаете ли вы Господу и Святой Пречистой Деве Марии, что отныне и до конца ваших дней вы не смените этот Орден на другой, сильнейший или слабейший, ни ради худшего, ни ради лучшего, если только вам не будет дано разрешение магистра и монастыря, которые имеют на то право?

— Да, сир, если будет на то Божья воля.

— Обещаете ли вы Господу и Святой Пречистой Деве Марии, что отныне и до конца ваших дней вы не окажетесь в той местности или городе, где ни один христианин не был напрасно и безосновательно подвергнут лишениям — ни по собственной воле, ни по своим соображениям?

— Да, сир, если будет на то Божья воля.

Брат Гумберт немного помедлил, ибо теперь ему предстояло объявить о вступлении Жослена в Орден, и наконец произнес:

— Именем Господа и Святой Пречистой Девы Марии и святого апостола Петра, во имя отца нашего папы и всей братии Ордена тамплиеров мы распространяем на вас благодеяния, как те, что были оказаны Ордену с момента его основания, так и те, которые будут оказаны до его конца, — на вас, вашего отца, вашу мать и всех представителей вашего рода, которых вы пожелаете признать. И вы тоже распространите на нас благодеяния, которые вы совершили и еще совершите. Итак, мы обещаем вам хлеб и воду, бедное монашеское облачение и много трудов и лишений.

Брат Гумберт берет плащ тамплиера, белый с нашитым на нем алым крестом. Он подходит к Жослену, накидывает плащ ему на плечи и завязывает тесьму на его шее. Брат капеллан запеваёт псалом: *«Ecce quam bonum et quam iucundum habitare fratres...»*:

«Воистину прекрасно и сладостно жить в братстве друг с другом...»

Словно драгоценное масло проливается на голову и течет по бороде,

Бороде Аарона, и стекает на край его одеяния.

Словно Божественная роса, которая выпадает на горах Сиона.

Именно там даровал Господь свое благословение и жизнь — во веки веков».

Затем капеллан читает молитву Святому Духу, и каждый тамплиер громко произносит *Pater noster* (*Отче наш*). Председательствующий велит новому брату встать и целует его в губы в знак признания членом братства тамплиеров. Капеллан также дарит поцелуй Жослену, ставшему отныне и навеки рыцарем Ордена тамплиеров. Побледневший от усталости и переживаний, он сдерживает слезы благодарности, которые готовы политься из его глаз. Отрывисто звонит колокол. Его звон возвещает заснеженному миру о спасении еще одной души и о вступлении в Орден нового брата, что одно и то же в глазах этих монахов-воинов.

Распорядок жизни

Жослена увлекают в примыкающий к часовне зал собраний капитула, где должна закончиться церемония. Его вид еще не полностью соответствует принятому у тамплиеров, ибо среди их стриженных черепов он выделяется длинными волосами. Брат Гумберт сажает его перед собой.

— Прекрасный брат, — говорит он, — Господь исполнил ваше желание, вы вступили в ряды замечательного Ордена, каким является рыцарское братство тамплиеров, и теперь вы должны стараться ничем не запятнать честь этого Ордена, чтобы не утратить принадлежности к нему. Да хранит вас Бог! Мы же расскажем вам кое-что о причинах возможного исключения из Ордена и лишения монашеского звания...

Брат Гумберт немного помедлил. Он с непритворным вниманием оглядел нового брата, возможно, вспоминая, как и большинство присутствующих, собственный прием. Он еще не закончил своего дела. Именно ему, председателю капитула, предстоит информировать новичка о его обязанностях. Равно как и о том, что гласит по этому поводу Устав.

— О, прекрасный брат, — начинает он более задушевным, чем прежде, тоном, — вы уже слышали о причинах, приводящих к исключению из Ордена, но не о всех. Об остальных вы узнаете и станете остерегаться их, если будет на то Божья воля. Вам следует задавать вопросы, и вы все узнаете от братии. Ибо существуют и другие проступки, за которые придется отвечать, если вы совершите их. Вы никогда не должны оскорблять христианина, поражать его во гневе своим кулаком, дланью или пинком, дергать его за волосы, сбивать его с ног. Если вы ударите христианина камнем, палкой, оружием или чем бы то ни было еще, вопрос о вашем пребывании в Ордене будет решать братия, и на ее усмотрении будет изгнать вас или оставить. Вам не следует клясться именем Господа, Пречистой Девы Марии или святых мучеников и мучениц. Вы никогда не должны брать в услужение женщину, разве что заболеее и получите на то особое разрешение командора. Вам нельзя обнимать женщину — даже мать, сестру или иную свою родственницу. Вам запрещается говорить о ком-либо, что он коростовый, вонючий, коварный¹⁰, или употреблять иные грубые слова, ибо грубая речь нам запрещена, а следует нам придерживаться учтивости и добронравия...

Таково руководство, которому следуют тамплиеры, Устав, сокращенное изложение которого предлагает ныне брат Гумберт Жослену, чтобы удержать его от неверных шагов.

— Теперь, — продолжает брат Гумберт, — мы сообщим вам, как следует спать. Отныне вам полагается отходить ко сну в сорочке, подштанниках, полотняных штанах и опоясанным тонким кушаком. На вашей постели будет три простыни, соломенный тюфяк и два покрыва. Вместо одного из покрывов вы можете пользоваться кисейным покрывалом, если кастелян выдаст вам его. Вы не должны иметь иной одежды, кроме той, которую получите от кастеляна. Если вы купите что-либо еще, суд над вами будет коротким.

¹⁰ Прокаженный, смрадный, предатель.

От постельных принадлежностей и одежды брат Гумберт перешел к поведению за столом, и Жослен внимательно слушал его.

— Далее мы вам сообщаем, как следует являться к столу — и являться вовремя. Вы должны приходить по звону колокола. Когда колокол созывает на трапезу, следует прийти к столу и ожидать священников и духовников, чтобы прочитать молитву перед едой. Вы должны взять на свою долю хлеба и воды, прочесть молитву, после чего можете сесть и преломить ваш хлеб. Если вы окажетесь рядом со священником, вам следует смиренно произнести «Отче наш» перед тем, как преломить свой хлеб. После этого можете вкушать в мире и в молчании свой хлеб и те яства, которые пошлет вам Господь. Но вы ничего не можете требовать, кроме хлеба и воды, ибо ничего большего вам не обещано. Если же братия вкушает что-то иное, вы можете, не стесняясь, попросить этого. Если мясо и рыба окажутся жесткими, плохо приготовленными или испорченными, вы можете попросить заменить блюдо, но лучше всего будет, если за вас попросит ваш товарищ, в противном случае вам лучше стерпеть и промолчать...

Брат Гумберт приблизился к главному — к религиозным обязанностям тамплиеров, двойная цель которых, как мы уже говорили, состояла в том, чтобы сражаться за веру на духовном и мирском поприще против духа зла, и внешнего и внутреннего, а также против неверных:

— После того как вы поели, вам следует направиться в часовню вместе со священниками и в молчании воздать благодарность Спасителю. Вы не должны разговаривать прежде, нежели прочтете «Отче наш», и священник возблагодарит Бога. Если же священника поблизости не окажется, вы можете сразу приступать к своим обязанностям. Когда услышите, что звонят девятый час, идите в часовню: если есть там священник, следует его послушать, если же его нет — произнесите тринадцать раз «Отче наш», семь раз «Богородицу» и шесть раз дневную молитву¹¹. Надо

¹¹ Молитва в честь святого, которому посвящен этот день.

также присутствовать на вечернях, если же священника нет, полагается восемнадцать раз прочесть «Отче наш», девять раз «Богородицу» и девять раз дневную молитву. После этого можете отправляться ужинать. Когда колокол прозвонит повечерие, следует немного угоститься, чем Бог послал: вином или водой — по выбору магистра. Затем, если вы получили какие-нибудь распоряжения, нужно их исполнить. После этого вы должны прослушать службу повечерия¹², если у вас есть священник, если же нет — прочесть четырнадцать раз «Отче наш», семь раз «Богородицу» и семь раз дневную молитву. Далее вы отправляетесь спать. Если вы захотите в это время отдать какие-либо распоряжения вашим слугам, можете это сделать. В постели, перед тем как заснуть, прочтите один раз «Отче наш». Услышав звон к заутрене, нужно встать и прослушать мессу, если же нет священника — прочтите двадцать шесть раз «Отче наш», тринадцать раз «Богородицу» и тринадцать раз дневную молитву. К этому добавьте тридцатикратное повторение «Отче наш» в память умерших и тридцатикратное в честь живых — прежде чем приступить к питью, если это не вода, и еде. Не следует жалеть своих трудов, если только вас не одолели телесные немощи, ибо мы молимся за своих братьев, сестер и благодетелей, покуда Господь не приведет их к доброй кончине и не дарует им свое прощение. Если же таковых у вас не имеется, можете вновь укладываться в постель. Когда услышите, что звонят последовательно первый, третий час и полдень, следует послушать священника или самостоятельно прочесть тринадцать раз «Отче наш», семь раз «Богородицу» и шесть раз дневную молитву. То же самое в третий час, то же самое в полдень перед едой.

Брат Гумберт немного помедлил. Устав требует от

¹² Повечерие включено в суточный круг богослужений, регламентированный Типиконом и Часословом. Этот круг богослужений состоит из служб (в православии их девять), посвященных тому или иному церковному событию или благочестивому размышлению: повечерие совершается перед отходом ко сну и проникнуто мыслями о смерти (*прим. пер.*).

него, чтобы он перечислил также ежедневные обязанности тамплиеров, одну за другой, как зерна чекоток. Он прекрасно понимает, что новичок не может сразу все запомнить, и поначалу потребуются неоднократно повторять сказанное.

— Прекрасный брат, — продолжает он с кротостью, — все, о чем я говорил, вам следует запомнить и исполнять. Но сначала нужно читать «Богородицу», а потом дневные молитвы по той причине, что Орден тамплиеров был основан в честь Богородицы. Читайте «Богородицу» стоя, а дневные молитвы сидя...

Хотя тамплиерам постоянно внушали, что «созерцание женского лица ведет к гибели», им дозволялось любить и почитать Богородицу, Пречистую Деву и Мать Иисуса Христа. Это выражение почтительности было единственной уступкой, которую допускал Устав в пользу любви, склонность к которой свойственна человеческой природе. Звезда и покровительница Ордена — вот кем была Дева Мария!

— Если вы находитесь в доме Ордена тамплиеров, где умер один из братьев, или если вы найдете приют в таком доме, то вы должны по сто раз читать «Отче наш» за упокой его души в течение семи последующих дней. Если же Господь упокоит Великого магистра, вы должны будете по двести раз читать «Отче наш», в каком бы месте вы ни оказались, в течение семи дней. И вы не можете уклониться от чтения «Отче наш» по умершим, разве что по причине телесного нездоровья...

Речь брата Гумберта подошла к концу. Осталась лишь заключительная часть, также предусмотренная Уставом, неизменная с тех пор, как появился его французский перевод:

— Итак, прекрасный брат, мы поведали вам о том, что вам следует делать и от чего надлежит воздерживаться под угрозой изгнания из Ордена, утраты монашеского чина или наложения других взысканий. Если мы не сказали вам всего, хотя бы мы и говорили об этом прежде, требуйте продолжения. Да подвигнет вас Господь на благие речи и на благие дела.

МОНАСТЫРСКАЯ ЖИЗНЬ

«Каждый брат должен стремиться к тому, чтобы жить праведно и во всем подавать добрый пример мирянам и монахам прочих орденов таким образом, чтобы те, кто посмотрит на него, не могли бы сказать ничего дурного на его счет: ни о том, как он ездит верхом, как он ходит, или пьет, или ест, или глядит — о любом из его действий, о любом из его дел».

Устав тамплиеров

Имеются многочисленные и согласующиеся свидетельства о безупречном внешнем виде тамплиеров как в мирное, так и в военное время. При всем своем пренебрежении к мирскому они никогда не носили латаной или пропыленной одежды. Их неизменно отличали любовь к порядку и опрятность. Ткани их одеяний были лишены каких бы то ни было украшений, но отличались добротностью, как и стены их командорств. Тамплиеры не имели права подбивать свои плащи иным мехом, кроме овчины, — роскошные меха, которые тогда были в моде, существовали не для них. Их одеяния служили не для украшения тела, но должны были спасать от холода, сырости и палящего солнца. К тому же одежда должна была быть удобна. «Чтобы каждый, — говорилось в Уставе, — мог быстро одеться и раздеться, обуться и разуться» — совершенно оправданная рекомендация для командорств и замков Святой Земли, которые часто подвергались нападениям, для отражения которых требовалась быстрая и решительная реакция. Элегантность тамплиеров — ибо нет недостатка в источниках, восторженно описывающих их эскадры, — основывалась на единообразии их облачения, на высоком качестве их оружия, конской сбруи и лошадей. Среди разношерст-

ного, пестрого и по-разному экипированного войска они одни выглядели все одинаково и не носили других эмблем, кроме алого креста. Дисциплина, ускорившая их развитие, поддерживавшая безупречный порядок в их колоннах на марше, в их шеренгах на поле боя и даже во время атаки, усиливала это впечатление величия. Им нравилось быть одинаковыми и, независимо от того, насчитывалось ли их сто или тысяча человек, единодушно выполнять приказы своих командиров. Словом, сколь бы наивным и неправдоподобным ни казалось это в наши дни, их войско, единообразное и подчиненное единой дисциплине, вызывало изумление современников. Однако при внешней строгости они обладали особой красотой, которую редко подчеркивают источники, — внутренней, моральной красотой. В том обществе, еще слабо цивилизованном, немного диком и варварском, они настойчиво подавали пример вежливой, красивой и любезной речи — и между собой, и по отношению к оруженосцам, братьям-служителям, домашней прислуге, ремесленникам и к людям вообще. Всякая брань, грубость в разговоре, любые ругательства не только осуждались Уставом, но и влекли за собой наказание. Следовало также воздерживаться от того, чтобы отдавать слишком суровые распоряжения. Подобное правило, стремление к любезности в человеческих взаимоотношениях иллюстрируют и такие обращения, как «прекрасный брат...», «дважды прекрасный брат», которые употреблялись в церемонии приема новых членов. Однако следует отметить, что такова была и обычная практика и даже обязанность, проявлявшаяся в ежедневном обиходе, в каждом деле.

Гардероб тамплиера

В том же стремлении к соблюдению суровой простоты на брата кастеляна возлагалась обязанность следить за тем, чтобы завистники и злые языки не могли подвергнуть порицанию что-либо в одежде тамплиеров. Он должен был внимательно смотреть

за тем, чтобы одеяния не были ни слишком длинными, ни слишком короткими, но оказались бы в самый раз тем, кому предстояло их носить. И это также было, что особо отмечалось в Уставе, одним из способов снискать воздаяние Божие. Ибо (и это особенно поразительно в тексте Устава, отражавшего внутреннюю жизнь Ордена) не было ни мелких дел, ни мелких занятий, которые не обратили бы на себя внимание Бога и не помогли бы спасению человека. Отсюда становится понятной гордость за принадлежность к Ордену, отличавшая даже каменщика и пастуха.

Наш брат Жослен, как все рыцари-новички, начал свою карьеру тамплиера с получения полного снаряжения, как для военной, так и для мирной жизни. Даже оставшись на территории Бри, он не может уклониться от патрульной службы и участия в наведении порядка, будет сопровождать паломников или важных лиц либо же участвовать в перевозке крупных денежных сумм, направляемых в Париж. Он может также получить «разрешение» на отъезд в Святую Землю. Его комплект одежды — за который впредь он должен нести ответственность перед Орденom и который не может никому передать — состоит из двух сорочек, двух пар штанов, двух подштанников, одного камзола, одного ментика, одной накидки, двух плащей (одного зимнего, подбитого овчиной, мехом прочным и недорогим, и одного летнего, сделанного из более легкой ткани), одной туники и одного широкого кожаного пояса (или ремня), одной шапки-колпака (из хлопчатобумажной материи) и одной фетровой шляпы. Камзол¹³ (то есть его полы) имеет разрезы сзади, спереди и по бокам, чтобы не стеснять движений, так как он доходит почти до середины ляжки. Накидка представляет собой длинный прямой плащ, закрывающий все тело и закрепляющийся на шее шнурком или аграфом. Туника носится поверх сорочки, рукава у нее довольно узкие.

¹³ Иногда камзол подрубался внизу в виде зубцов пилы или его переднее и заднее полотнища заканчивались остроконечными мысками.

К этим различным видам одежды добавляются две скатерти: одна обеденная, а другая туалетная. И постельные принадлежности, состоящие из одного соломенного тюфяка, двух простынь, одного кисейного покрыва (или легкого покрывала) и шерстяного ковра (теплого покрывала для холодных сезонов). Этот шерстяной ковер должен быть белого или черного цвета либо же с чередующимися полосами, черными и белыми, цветами Ордена и его знамени, ибо тамплиеры могли прикрываться им во время верховой езды.

Военное снаряжение включало в себя панцирь (который состоял из кольчуги, снабженной наголовником, закрывавшим голову, так что открытым оставалось только лицо), пару железных шосс (поножей из железных кольчужных колец, зашнуровывавшихся сзади ноги), железную шапку (которая представляла собой каску с отвислыми краями, соединявшимися на затылке), шлем (цилиндрическую каску с просверленными дырочками, позволяющими видеть и дышать, снабженную двумя пластинами, заклепанными в форме креста, закрывавшую всю голову), башмаки и военный камзол. Кольчугу хранили в кожаном мешке или в сетке, также сплетенной из железных колец. Военные башмаки дополняли экипировку.

Вооружение состояло из меча (прямого, обоюдоострого, с закругленным острием), копья (с ясеневым древком и железным наконечником), щита (треугольного, деревянного, изнутри подбитого шерстью, снаружи покрытого кожей и иногда укрепленного металлическими пластинами, прибитыми к нему коваными гвоздями).

Рыцарь-новичок получал также три ножа: боевой (или кинжал), для разрезания хлеба и мяса и перочинный (маленький ножик с прямым лезвием). Ему выдавали попону для боевого коня, но коня можно было прикрыть и шерстяным ковром.

Стоит ли говорить, что орденский крест был нашит на плащах, туниках и камзолах (на последних спереди и сзади) и был вышит на всех предметах белья в качестве опознавательного знака? И стоит ли напоминать, что белый цвет оставался привилегией рыцарства?

Братья-служители — унтер-офицеры Ордена — носили туники, камзолы и плащи черного цвета, украшенные красным крестом. Вооружение у них было такое же, как и у рыцарей, за исключением того, что часто их кольчуги были из более редких колец и без рукавиц (рукавов), а обувь лишена носового мыска для облегчения движения.

Наконец, рыцарям выдавали — помимо упряжи для трех лошадей, на которых они имели право, — небольшой походный комплект, в который входили котел, тазик для отмеривания ячменя, три одинаковые котомки, две из которых предназначались для ношения оруженосцем.

Как постоянно напоминалось, все перечисленное выше в действительности не «давалось» рыцарю-новичку, а ссужалось. Он нес ответственность перед Орденом за эти вещи. Он не мог ни распоряжаться ими по своему усмотрению, ни присвоить себе часть этих предметов под угрозой навлечь на себя наказание. Устав скрупулезно перечисляет то, что мог рыцарь отдать: платье (одежду), которое он носил по меньшей мере год, старую кольчугу, старый камзол, поношенные кальсоны или сорочки, старые кожаные гамаши (башмаки с высокими голенищами или полусапоги), либо же фонарь собственного изготовления, кусок кожи или козьей шкуры (возможно, плащ на козьем меху). Эти вещи не могли быть переданы любому человеку, а только оруженосцам, которые не были действительными членами Ордена, но служили ему временно. Когда оруженосец заканчивал свою службу у рыцаря, тот, если был доволен его службой, имел право подарить ему свое платье, которое носил два года.

Завершая обзор рыцарской экипировки, добавим, что рыцарь обязан был заботиться о ее безупречном состоянии. Но он не мог ничего менять: не мог укоротить свои стремена, пояс, перевязь, на которой висел его меч, не мог даже уменьшить длину шнурка, продернутого в кальсоны, чтобы удерживать их на талии, — иначе как по особому разрешению своего командора.

Трапезы

Прошли те времена, когда бедные рыцари Христовы в знак смирения пользовались одной миской на двоих. Они отказались от этого обычая, который, вне всякого сомнения, представлял серьезные неудобства. Теперь каждый рыцарь имеет собственную, предусмотренную Уставом «роговую» миску, то есть из рога или из дуба. В его распоряжении имеются два кубка (один повседневный и один праздничный, они представляют собой чаши с расширяющимися краями) и одна ложка. Как известно, вилка в те времена еще не была введена в обиход.

Рыцари, братья-служители и оруженосцы трапезничают отдельно. Трапеза состоит из двух перемен, которые называются «монастырями», а в крупных командорствах существует и третья перемена блюд с учетом большого количества братии и разнообразия их занятий. Когда раздается звук «трапезного колокола», вся братия направляется в трапезную в соответствии с родом своих занятий, за исключением брата кузнеца, если он подковывает лошадь, или брата пекаря, если он находится в своей пекарне, месит тесто или печет хлеб.

Но попытаемся ощутить себя на месте Жослена, только что вступившего в Орден, недавно облачившегося в белый плащ, и сядем вместе с ним за первую трапезу в командорстве Куломьера. На почетном месте, которое обычно занимает командор (или прецептор) дома, сейчас восседает брат Гумберт де Пейро. Явившиеся первыми и наиболее старшие по возрасту сидят спиной к стене, а пришедшие позднее расположились напротив, лицом к ним. Капеллан благословил присутствующих, затем вся братия стоя произносит «Отче наш». Только после этого можно садиться. Стол покрыт белыми салфетками. Перед каждым тамплиером располагаются его кубок, его миска, его ложка, его нож и кусок хлеба, высокого качества и сегодняшней выпечки, так как сегодня в доме праздник по случаю прибытия важного гостя. Прислуживающий в молчании разливает вино. Ни-

кто не имеет права заговорить, и тишину нарушает лишь потрескивание поленьев в камине. Один из братьев садится за небольшую кафедру: настала его очередь чтения вслух, предписанного Уставом. Он открывает Священное Писание и начинает. Люди в белом режут свой хлеб и разбирают яства с больших оловянных блюд, которые предлагают прислуживающие. На этих блюдах разложено мясо разных видов, приготовленное с овощами. Но тот, кто выбрал говядину, не может брать баранину. На столе нет ни одной фляги. Напитки, будь то вода, вино или разбавленное вино, разливают прислуживающие, повинаясь условным знакам, которые подают им братья. Ничего нельзя требовать, ни в полный голос, ни шепотом. Жослен постепенно осваивает условные знаки, какие требуются, чтобы получить хлеб, или мясо, или что-нибудь иное. Никто не может подняться из-за стола прежде командора, разве что у него случится кровотечение из носа или нечаянно нагрянут какие-то внешние события, безотлагательные и важные, которые вдруг потребуют от братии моментального вмешательства: в Святой Земле частенько зывают о помощи.

Рядом с командором некий брат ест прямо на плитах пола, присев на корточки, — таково наказание, предусмотренное Уставом. И в этом причина, по которой напротив командора стоит миска, обильно наполненная едой: полагается проявлять милосердие по отношению к наказанному брату, уделяя ему немного пищи. В крупных командорствах по Уставу полагается ставить перед ним с этой целью четыре миски.

Брат Жослен скоро узнает, что нужно очень аккуратно и тщательно отрезать для себя мясо, а также и хлеб, и сыр, и рыбу, так как остатки еды отдают бедным. Орден гордится тем, что к бедным здесь относятся без пренебрежения. Жослен познакомится также с правилами соблюдения постов и праздников — с теми, когда на стол подают рыбу, и с теми, когда не подают ничего, кроме одного блюда с небольшим количеством зелени или супа (например, в пятницу). Не допуская никаких излишеств, рацион вместе с тем

предусматривал вполне достаточное питание, хотя и без гастрономических изысков. Чревоугодие, обжорство и неумеренность наказуемы. Однако питание рыцарей в принципе отличается большим изобилием, чем домашней прислуги. В то время как рыцарям подается три перемены блюд, прислуге полагается только две. Но зато они не соблюдают постов. Кроме того, качество их пищи ничуть не хуже, ибо известно, что, если рыцари отказывались от мяса, его могла спрашивать для себя прислуга. В командорствах Востока, естественно, употребляли продукцию местного производства: яйца и мясо домашней птицы со своего птичника, баранину, говядину и свинину со своего скотного двора, сыр, изготовленный на месте, овощи и зелень со своего огорода, рыбу, выловленную в прудах, принадлежавших Ордену, вина, приготовленные из винограда, который сами же и вырастили, хлеб, испеченный из муки, полученной на мельницах тамплиеров из урожая, который они собрали. Как и повсюду в ту эпоху, шпик, солившийся в больших бочках, составлял основу рациона. Для больших праздников, вроде Рождества или Пасхи, в лавках закупалось мясо несколько лучшего качества и более тонкие вина, если позволяли достаток Дома или щедрость командора. То, что не потреблялось, шло на продажу, чтобы выручить деньги, необходимые для нужд тамплиеров, сражающихся за Святую Землю. Понятно, что расточительность была не в чести, поскольку противоречила духу умеренности, царившему в Ордене. Наконец, не была забыта и необходимость кормить бедных, что побуждало тамплиеров ограничивать себя ради милосердия к ближним, однако не подвергаясь чрезмерным лишениям. Предваряемая благословением и чтением «Отче наш», трапеза, проходившая в торжественном молчании, носила даже несколько сакральный характер; она становилась чем-то вроде дара Божьего. Вот почему братья, по знаку командора поднявшись из-за стола, в молчании попарно следовали в часовню, чтобы воздать хвалу Господу. И лишь после этого они имели право беседовать, избегая, однако, пустых и «суетных» слов.

Вступление в Орден тамплиеров вовсе не сулило сплошного удовольствия. Беглый набросок трапезной, наполненной молчаливыми фигурами, дает лишь слабое представление об орденской дисциплине. Но было и такое место, на которое по необходимости не распространялись самые суровые правила — речь идет о лазарете. Не следует думать, что тамплиеры предпочитали изнурение тела и его неуклонное разрушение ради искушения быстрее оказаться в раю. Эти самоотверженные люди, напротив, стремились к достижению абсолютного и полного равновесия между здоровым телом и здоровым духом. С их точки зрения, для успеха сражения умение побороть соблазны было ничуть не менее важно, чем поддержание силы и гибкости мускулов. Отсюда их стремление избежать болезней путем избрания богатого и разнообразного рациона питания, изолирования больных братьев и предоставления им необходимой медицинской помощи. Отсюда и запрет на некоторые действия: без разрешения командора нельзя было ни искупаться, ни пустить себе кровь, дабы избежать нежелательных последствий.

Брат санитар обладал достаточными медицинскими познаниями, чтобы лечить обычные болезни, в частности лихорадки, занесенные с Востока, но также и вызванные близостью болот и прудов — насморки и кишечные расстройства. Однако в тяжелых случаях санитар с согласия командора советовался с «более искусным целителем» (врачом). Без одобрения командора он не мог подстричь больному бороду, вскрыть гнойник и даже назначить лекарство. Следует полагать, что тамплиеры многому научились у арабов, которые достигли больших успехов в терапии и применении различных лекарственных настоек растительного происхождения.

Брат санитар занимал привилегированное положение среди братии. Ответственные за погреб (винные запасы), за кухню, пекарню (хлебопечение), свинарник, сад (огород) и задний двор (птичник)

должны были исполнять его особые распоряжения, которые он давал им в целях ухода за больными. Даже командор принужден был давать ему деньги на покупку недостающих продуктов. И наконец, брат санитар был обязан самым тщательным образом следить за исполнением предписанных им процедур. Однако свой контроль он должен был осуществлять по возможности ненавязчиво. Например, он указывал заболевшим братьям, какой вид мяса им следовало употреблять за трапезой. И все же подобный обычай заслуживает особого внимания, поскольку он прекрасно передает атмосферу, царившую среди тамплиеров.

Больным дозволялось есть мясо во все дни недели, кроме пятницы, в то время как здоровые могли себе это позволить лишь три раза в неделю, в остальное же время довольствовались овощами и рыбой — отменный рацион. Престарелые или не полностью выздоровевшие могли садиться за трапезу в лазарете. Те, кому пустили кровь и кто нуждался в восстановлении сил, имели право на трехразовое питание, но не более того.

Находящимся в лазарете запрещалось употреблять в пищу чечевицу, бобы, говядину, мясо свиноматок, коз, козлов, телятину, баранину, утрей и сыр. Оставались свежие овощи, рыба, домашняя птица, что отнюдь не являлось плохим питанием.

Если кто-либо из братии вследствие болезни или недомогания не имел достаточно сил, чтобы присутствовать на службе или отправиться в часовню, он должен был явиться в лазарет. Но поскольку забота о душе была важнее заботы о теле, Устав рекомендовал в этом случае заранее исповедаться и причаститься. Больному позволялось, если он желал, трижды в день принимать пищу в постели. Страдавшим дизентерией, злокачественными язвами, рвотой (нападение вампира), бешенством (эпилепсия, нервный припадок) или другими болезнями, способными обеспокоить окружающих, предоставлялась отдельная комната. Как только братья могли покинуть лазарет, их первой обязанностью было посетить мессу, чтобы

возблагодарить Господа Иисуса Христа за свое выздоровление. После этого допускалось еще трижды принять трапезу в госпитале, прежде чем перейти в общую трапезную и вернуться к монастырскому режиму.

Если кто-то заболел проказой, он не мог оставаться в стенах обители тамплиеров. Если он не уходил по своей воле, наиболее уважаемые из братии должны были сделать ему выговор, если же он продолжал упорствовать, ему объявляли об исключении из Ордена и давали платье святого Ладра, иными словами, скорбное одеяние прокаженных, и трещотку. Однако если этот брат наотрез отказывался уходить, следовало предоставить ему расположенное в отдалении жилище и продолжать снабжать его пищей.

Распорядок дня

Независимо от «гражданских» занятий, коим посвящали себя тамплиеры, следуя приказаниям своих командоров, и несения «военной» службы они вели монашескую жизнь, и их распорядок дня, равно как их обязанности, был подчинен каноническим часам. Устав подчеркивал, многократно повторяя это абсолютное главенство религии. «Каждый член Ордена, — провозглашается в нем, — должен сознавать, что его главной обязанностью является служение Господу, и он должен направить все свои силы и помыслы именно к тому, чтобы с прилежанием исполнять богослужение, ибо нельзя здесь допускать ни пренебрежения, ни лености, насколько это в человеческих силах. Ибо, как гласит наш Устав, если мы любим Господа, мы должны охотно и с пониманием внимать словам Священного Писания».

Первая обязанность состояла в том, чтобы почитать место богослужения, то есть проявлять заботу о содержании в порядке часовни тамплиеров и достойно вести себя в ней. Кроме того, возбранялась неряшливость облачения. Требовалось, по крайней мере во время часовых молитв, присутствовать в плаще, скрепленном на шее аграфом или шнурком.

Когда звонили к заутрене, в четыре часа утра зимой и в два часа летом, тамплиеры вставали с постелей, обувались, надевали плащи и направлялись в часовню. Можно было остаться в ночном одеянии (сорочка, кальсоны и тонкий пояс), но обязательно иметь на ногах башмаки и конечно же застегнутый плащ. Некоторые надевали и головной убор. Нельзя было пропускать заутреню, разве что из-за чрезвычайных обстоятельств или по болезни и конечно же с разрешения командора. В часовне братья «кротко и мирно» слушали заутреню, разумеется, в молчании. Нужно было произнести вслух или прослушать тринадцатикратное повторение молитвы «Отче наш» во имя Девы Марии и столько же во имя святого текущего дня; лучше было проговорить все молитвы самому.

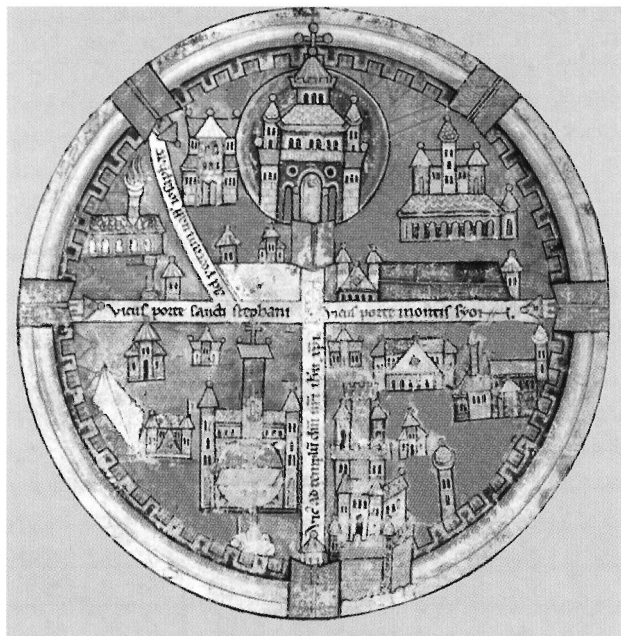
Выйдя из часовни после заутрени, то есть собственно еще до рассвета, братьям следовало пройти в конюшню проведать лошадей и, если требовалось, отдать необходимые распоряжения оруженосцам, при этом не распекать их, но разговаривать с ними «любезно». После этого можно было вернуться в постель, но не засыпать снова, не произнеся «Отче наш»: для того, чтобы Бог простил их, если за ними оставались какие-то мелкие прегрешения или они нарушили обет молчания.

Когда колокол отбивал первый час, все вновь поспешно поднимались, одевались, обувались и снова шли в часовню. Наступало время мессы, на которой полагалось благочестиво присутствовать всей братии в полном составе.

Если утром две мессы следовали одна за другой, рекомендовалось присутствовать на обеих. Если же кто-то не мог этого сделать, тот, по крайней мере, должен был явиться на третий час и полуденную службу. В любом случае категорически воспрещалось принимать какую-либо пищу прежде шестидесятикратного произнесения или прослушивания «Отче наш»: тридцать раз за умерших и тридцать раз за живых. Это был тот самый молитвенный «капитал», который предлагался в удел соискателю, — духовное сокровище Ордена, если угодно.

Одежда тамплиера. Из книги У. Дагдейла «Монастикон Англиканум». 1817 г. Лондон.

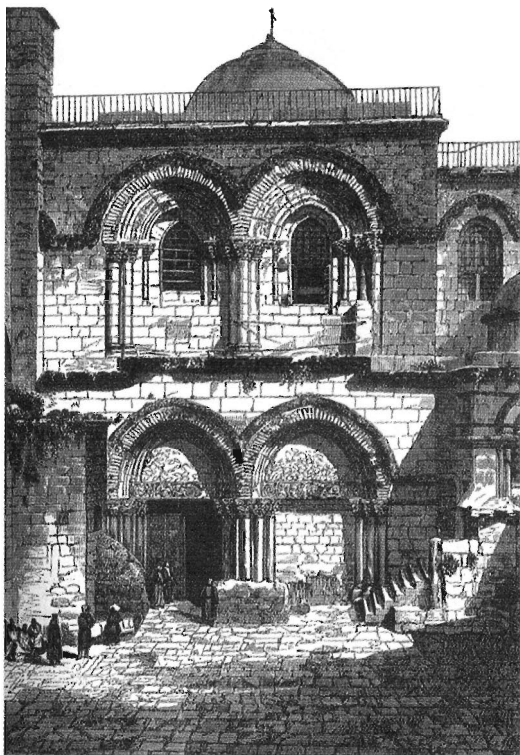

Карта Иерусалима. Хроника Роберта Монаха Рейнского, настоятеля монастыря Сен-Реми. XIII в. Швеция. Уппсала.

Паломники перед Храмом Гроба Господня, охраняемым сарацинами. Миниатюра из манускрипта «Книга Чудес». Копия XV в. Париж. Национальная библиотека Франции.

Храм Гроба
Господня
в Иерусалиме.

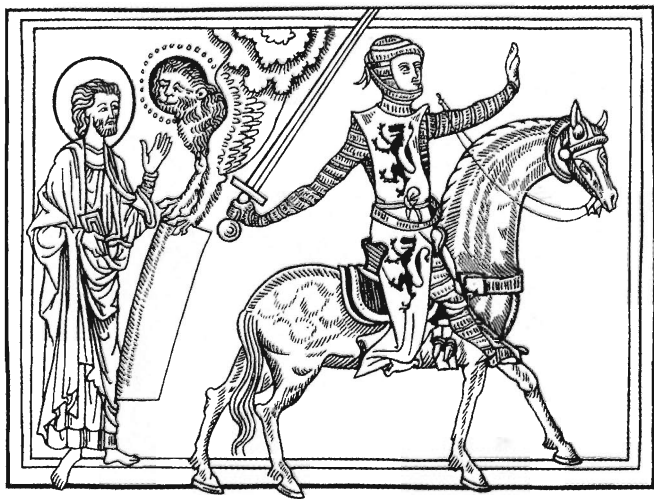
Петр Пустынник
вручает папе
Урбану II
послание Симеона,
патриарха
Иерусалимского.

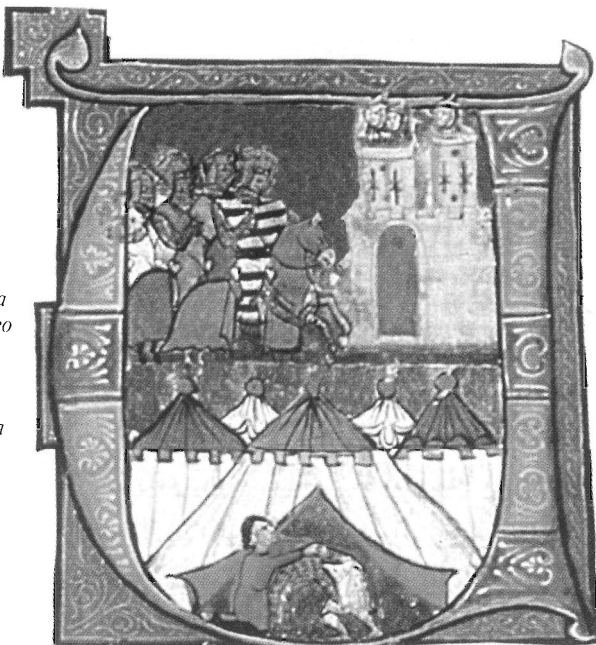
Урбан II проповедует Крестовый поход в Клермоне в присутствии Филиппа I. Миниатюра из манускрипта Фуке «Великие хроники Франции». 1460 г. Париж. Национальный музей.

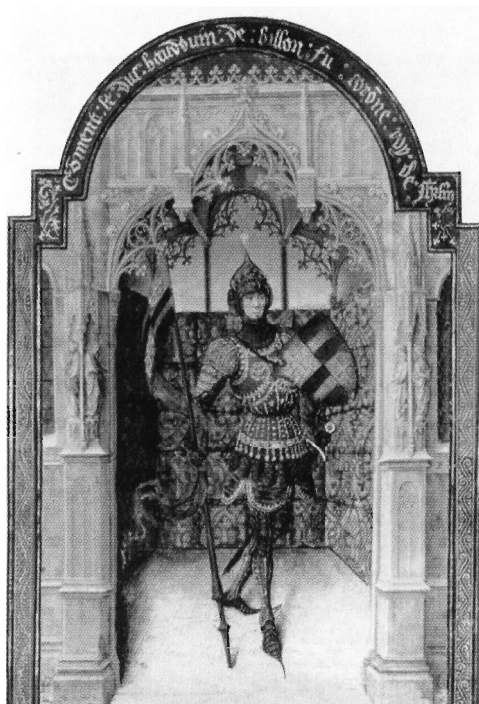
Рыцарь, находящийся под защитой святого Марка Евангелиста.

Вверху —
осада
Иерусалима.
Внизу —
крестоносцы
у стен
Иерусалима,
небесное
видение,
молитва.

*Миниатюра
из манускрипта
Гийома Тирского
«Заморские
истории».
XIII в. Лион.
Муниципальная
библиотека.*

Король Балдуин I
Иерусалимский.

Флот крестоносцев.

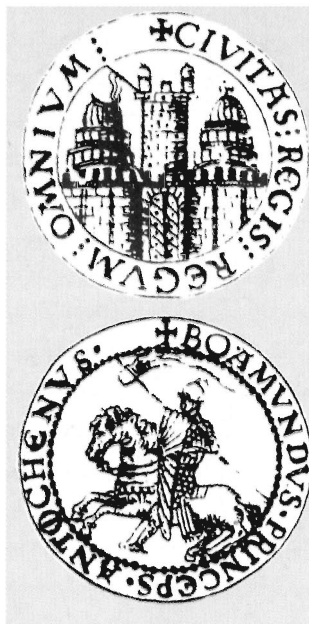
Осада Аскалона. Миниатюра из книги С. Мамеро
«Поход французов за море против турок, сарацин и мавров». 1490 г.
Париж. Национальная библиотека Франции.

Арабское оружие, найденное
в крепости Халеба. XI—XII вв.
Дамаск. Национальный музей.

Замок госпитальеров
Крак де Шевалье. XII в.

Рыцарь Ордена святого
Иоанна Иерусалимского
(госпитальер). Гравюра XVI в.

Печати Балдуина III,
короля Иерусалимского;
Боэмунда III,
князя Антиохийского.
Париж. Национальная
библиотека Франции.

Тамплиеры.
Капитель колонны в соборе
Святой Марии Магдалины.
XII в. Франция. Везель.

Замок паломников на мысе Атлит, принадлежавший Ордену тамплиеров.

Ров и стены древней Цезареи — важнейшей морской базы крестоносцев на Святой Земле.

Фреска с изображением рыцаря Ордена Храма на стене церкви тамплиеров в Корнуолле.

Печати тамплиеров.

Султан Саладин. *Рисунок. XII в.*
Лондон. Британский музей.

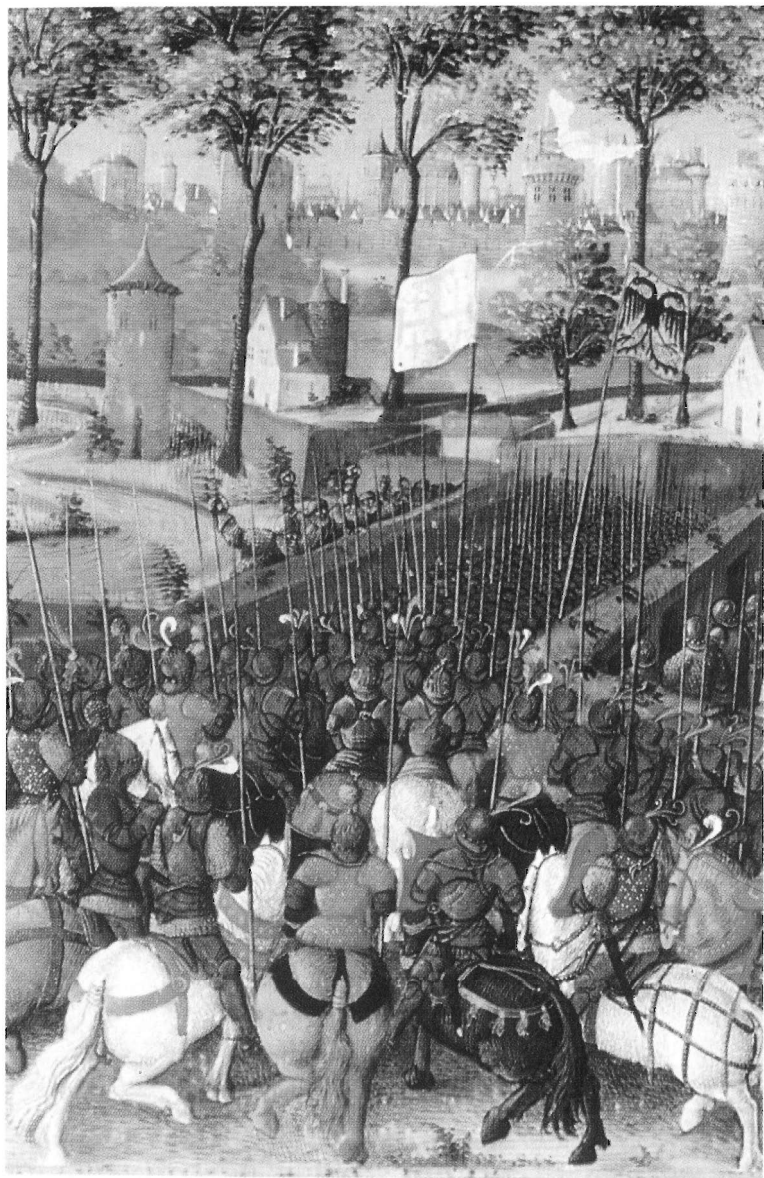

Святой Бернард.

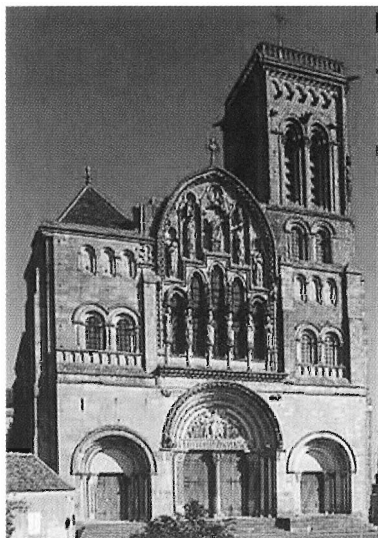

Печать короля Людовика VII
(лицевая и оборотная стороны).

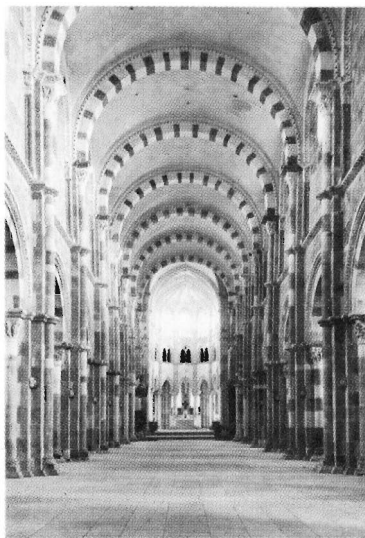

Осада Дамаска армиями Балдуина III, Людовика VII и Конрада.
Фрагмент миниатюры из книги С. Мамеро «Поход французов
за море против турок, сарацин и мавров». 1490 г. Париж.
Национальная библиотека Франции.

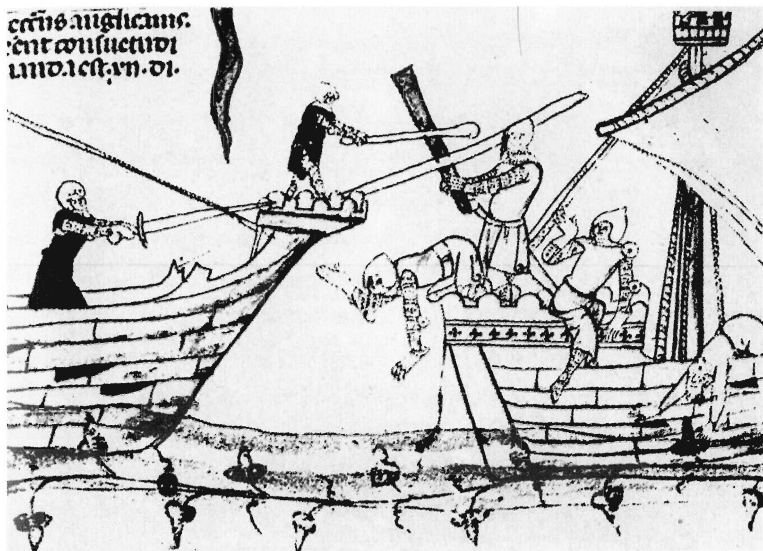
Собор Святой Марии Магдалины
в Везеле. XII в. Франция.

Собор Святой Марии Магдалины
в Везеле. Внутренний вид.

Потеря Иерусалима при Жерарде де Ридфоре.
Фреска часовни тамплиеров в Крессаке. XII в. Франция.

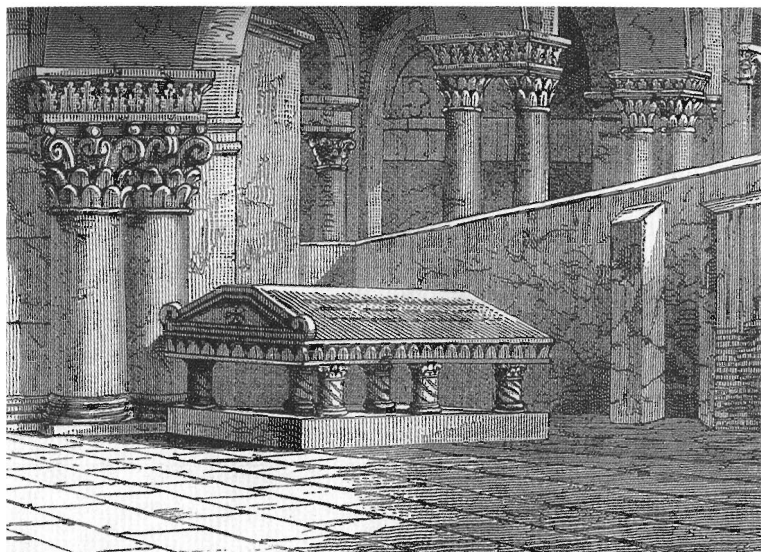
Корабли тамплиеров в бою. *Средневековый рисунок.*

Вырезанная из камня голова рыцаря Храма в стене церкви Ордена тамплиеров в Лондоне. *XIII в.*

Возвращение крестоносца. *Скульптура. XII в. Нанси. Церковь монахов-францисканцев.*

Могила Годфрида Бульонского в Храме Гроба Господня в Иерусалиме.

Крест крестоносца. XI в.
Париж. Музей Клуни.

Византион Иерусалимского королевства.
Париж. Национальная библиотека Франции.

К. Ф. Лессиг. Возвращение после Крестового похода.
XIX в. Бонн. Рейнский музей.

Прежде чем приступить к совместной трапезе, полагалось прочитать благословительную молитву и «Отче наш». Затем следовали молитва после принятия пищи, которая произносилась в часовне по выходе из трапезной, потом вечерня, молитва девятого часа и повечерие.

Каждый час сопровождается тринадцатикратным или восемнадцатикратным повторением «Отче наш»: посвящавшиеся Деве Марии произносились или выслушивались стоя, а те, что посвящались святому текущего дня, — сидя. Молитвы Богородице начинали и завершали день тамплиера: «...потому что с Девы Марии началась наша религия; и если будет на то воля Божья, когда Господу будет угодно, ею и в ее честь закончатся наши жизни и наша религия». Зловеще и скорбно звучат эти слова, если вспомнить о печальном конце Ордена в 1307 году.

Кроме вечерни и кануна Дня святой Епифании месса и ежедневные молитвы являлись вехами для коленопреклонений в знак покаяния. Но престарелые или больные братья, очевидно, были от этого освобождены. Устав настаивал на необходимости обуздания плоти, но не до полного ее изнеможения. Той же заботой продиктован запрет выстаивать на ногах всю службу до конца.

Таковы наиболее общие предписания, регламентировавшие религиозную жизнь братии. Однако некоторые обязательные предписания несли отпечаток особой торжественности. Например, в Пепельную среду, в первую среду Великого поста, когда капеллан приступал к чтению литании, которая следовала за семью псалмами о покаянии, тамплиеры преклоняли колени, «касаясь их грудью» (повергались ниц), и капеллан посыпал им головы пеплом «в напоминание о том, что все мы из праха восстали и во прах обратимся». В Чистый четверг капеллан должен был подготовить тринадцать нищих, которым братья омывали ноги (теплой водой). Правда, рекомендовалось выбирать для этой процедуры таких нищих, у которых ноги и ступни не были поражены «безобразной болезнью», так как братьям, прежде

чем приступить к омовению, следовало поцеловать эти ноги, а затем тщательно обтереть их, «ибо случайно могли причинить боль сердцу брата...». После этой церемонии, которая совершалась в присутствии капеллана, облаченного в стихарь и держащего в руках крест, командор подавал каждому нищему по два хлеба, по две медных монеты и по паре новых башмаков. В Страстную пятницу братья босиком и в величайшем смирении совершали поклонение кресту; они постились, вкушая только хлеб и воду, и садились за стол, не покрытый скатертью, однако Устав предписывал тщательно мыть стол перед тем, как класть на него хлеб.

Пост был обязателен в каждую пятницу, от праздника Всех Святых до Пасхи, кроме рождественской пятницы. Торжественные процессии устраивали на Рождество, в праздник Богоявления¹⁴, в Сретение, в Вербное воскресенье, в Успение и Рождество Девы Марии, в праздник Всех Святых и в праздник того святого, которому была посвящена часовня командорства.

Капеллан

Капелланы более не исполняли своих обязанностей в Ордене «из милости», то есть временно, как в прежние времена. Они давали обет перед капитулом, как и все остальные члены Ордена. Церемониал приема капелланов отличался от обычного лишь вопросами, которые им задавали, и обязательствами, которые они на себя принимали. Они носили черные закрытые одеяния, черные плащи и, в знак отличия их как представителей Господа, перчатки. Их одежда шилась из лучшего материала, которым располагала обитель тамплиеров, что также свидетельствовало о глубоком почтении к их сану. За трапезой капеллан был первым лицом после командора. Однако следует иметь в виду, что эти проявления почтительности

¹⁴ Второе название христианского праздника Крещения Господня (*прим. пер.*).

относились не к человеку, а к носителю священнического сана. Если он совершал проступок, то должен был испрашивать прощения, другими словами, извиняться перед капитулом так же, как прочие тамплиеры: обнажив голову и преклонив колени. Если на него накладывалась епитимья и его приговаривали к временному лишению сана, то вместо того, чтобы принимать пищу на полу, ему разрешалось есть за столом прислуги, без скатерти. В то время как прочие братья, подвергнутые наказанию, исполняли домашние работы, он должен был читать свою псалтырь. Если было неопровержимо доказано, что он вел дурной образ жизни и навлек позор на обитель либо же, по причине дурного характера или коварства, посеял раздор в монастыре, то такого капеллана могли заковать в железо, приговорить к пожизненному тюремному заключению или навсегда изгнать из Ордена; наиболее же легким наказанием в этом случае было низведение до положения рядового брата. Таким был статус капеллана, определенный буллой *Omne datum optimum*.

Братья должны были исповедоваться только перед капелланом тамплиеров, кроме исключительных случаев, для которых требовалось разрешение своего командора. Капелланы отпускали грехи именем папы, единственного авторитета, которому они были подвластны, равно как и все остальные члены Ордена. Однако наиболее тяжкие преступления подлежали суду только самого папы: убийство христианина (мужчины или женщины), разбойное нападение на христианина, совершенное братом или капелланом, повлекшее пролитие крови, вступление в Орден путем симонии, вступление в Орден монаха иного толка, утаившего свою принадлежность к монашеству. Тем не менее, поскольку резиденция папы находилась в Риме, отпущение подобных грехов можно было требовать и у архиепископа или епископа диоцеза.

Эти положения нуждаются в некотором пояснении. Обвинители Ордена тамплиеров не раз говорили, а вслед за ними повторяли и многие комментато-

ры, что тамплиеры исповедовались друг другу в своих грехах, тем более что председатели капитулов еретическим образом присвоили себе право отпущения грехов — и все для того, чтобы не выносить на публику свои тяжкие прегрешения. Но почему же тогда «Дополнения» к Уставу так подробно рассматривают круг вопросов, касающихся капелланов, их прав и обязанностей, а также тех санкций, которыми они подвергались в случае неисполнения долга? И почему тогда их проступки относятся к числу наиболее тяжких? В следующей главе мы увидим, что представляла собой взаимная исповедь тамплиеров и как действовал их дисциплинарный суд. Заблуждение, в которое столь охотно впали Филипп Красивый и его судьи, зиждилось на смешении дисциплинарных нарушений тамплиеров «мирского» характера и грехов, которые носили характер «духовный». Первые в соответствии с Уставом подлежали рассмотрению капитула. Последние были в ведении капеллана в соответствии с полномочиями, которыми наделил его папа. Разница между ними имела кардинальное значение.

Конец дня

Когда день подходил к концу и наступала ночь, звон колокола, согласно Уставу, возвещал повечерие. Братья сообща садились за легкую трапезу, являвшуюся для них обедом и предоставлявшуюся им по усмотрению командора. В это время можно было подавать воду или разбавленное вино, но в разумном количестве. Устав напоминал об изречении Соломона: «*Quia vinum facit apostare sapientes*», что значит «вино превращает мудрецов в скотов». Перекусив, тамплиеры направлялись в часовню, где слушали или читали молитвы повечерия. После этого они шли в общую спальню, не разговаривая друг с другом и нарушая молчание только в случае крайней необходимости. Если надо было, они могли проведать лошадей и отдать распоряжения оруженосцам. Уход за лошадьми в Ордене придавали огромное значе-

ние. Уважаемые члены обители и старшие рыцари обсуждали с командором текущие дела. При этом говорили только о самом насущном, ибо велеречивость считалась грехом; смех и чересчур оживленный разговор, «болтовня» были запрещены.

В таком же молчании братья раздевались. Они аккуратно развешивали свои плащи, с которыми следовало обращаться особенно бережно и почтительно из-за нашитого на них алого креста. На ночь они оставались в сорочке, подштанниках, шосссах и с тонким пояском на талии — по поводу этого шнура изведено немало чернил в стремлении доказать, что к нему, прежде чем дать его тамплиеру, заставляли прикоснуться языческого идола (Бафомета).

Один за другим они ложились в свои убогие постели, совершенно одинаковые, состоявшие из соломенного тюфяка, двух покровов и одного шерстяного ковра с чередующимися черными и белыми полосами. Вплоть до колокольного звона, возвещавшего молитву первого часа, они должны были пребывать в молчании, кроме самых крайних случаев. Прежде чем погрузиться в сон, они в последний раз произносили про себя «Отче наш», чтобы Бог отпустил им их прегрешения. Свеча, которая до рассвета оставалась гореть в спальне, освещала их белые фигуры, эту вереницу лежащих тел.

ДИСЦИПЛИНА

Невозможно было сделаться тамплиером за несколько дней. Исполнение ежедневных обязанностей, краткий обзор которых дан в предыдущей главе, сопровождалось изощренными запретами, изобиловавшими нюансами, на которые в течение дня новичку постоянно указывали командор и старшие члены Ордена. Среди братьев было много людей молодых, с горячей кровью, наделенных пылким и страстным темпераментом. Их нужно было подчинить строгой дисциплине Ордена — не сломать, но смягчить их личность. Не искоренять воинственные инстинкты, но направить их в нужное русло, чтобы они с максимальной пользой служили делу Ордена и Церкви. Это не всегда оказывалось просто, и некоторые дебютанты противились жестким ограничениям, прежде чем начинали осознавать целесообразность дисциплинарных требований. С молодежью обращались мягко, командор отдавал им приказания «ради Бога», но им ничего не прощали. Особенно тяжело было отказаться от сложившихся привычек и свободы воли, цены которой они не знали до поступления в Орден. Праздность, развлечения, шуточные беседы находились под строжайшим запретом. Нельзя было играть в шахматы и в триктрак — игры, известные в любой семье, кото-

рые считались невинными, но которые порицались Уставом, усмотревшим в них основание для возможных ссор. Допускалась только игра в классы (вид настольной игры с костями и фишками), в бабки и в форбот, о правилах которой ничего не известно, где не требовалось никакого заклада. Но все равно предпочтительнее было употребить свободное время на чтение или на произнесение вслух молитв либо на исполнение какой-нибудь работы, полезной для братства. Запрещалось — этим-то наездникам! — быстро скакать верхом (переходить в галоп) без специального на то разрешения, как в одиночку, так и в сопровождении товарища. Запрещалось без спроса брать свое же оружие. Запрещалось тренироваться пешими с копьем в упражнении «богор» (единоборство, вид поединка на копьях или турнира), так как следовало избегать всего, что могло нанести ущерб обители. Запрещалось «обихаживать» самостоятельно свою же лошадь (подковывать или чистить), ибо эти занятия считались уделом кузнецов и оруженосцев. Запрещалось дарить что бы то ни было, что имело хоть минимальную ценность, кроме старого фонаря, деревянной дубины или кольев для палатки. Запрещалось без разрешения покидать командорство ради посещения города, мызы или замка. Не дозволялось заходить в частные дома иначе как в сопровождении командора или бальи. Нельзя было пить вино и принимать пищу за пределами обители кроме как за столом епископа, другого служителя церкви или братьев госпитальеров. Запрещалось присваивать себе найденное: находку следовало доставить в часовню, где надлежало возвратить ее тому брату, который ее потерял. Запрещалось кормить свою лошадь ячменем и фуражом, который можно было раздобыть сверх предусмотренной нормы, чтобы не ущемлять остальных животных. Запрещалось украшать древко копья или шлем, без разрешения начищать до блеска меч или кинжал. Запрещалось клясться и произносить непристойности. Запрещалось хранить при себе деньги кроме как по специальному распоряжению командора: этот запрет был настоль-

ко бескомпромиссным, что если, например, в карманах скончавшегося брата обнаруживали несколько су, то его посмертно исключали из рядов Ордена и лишали права на погребение в пределах кладбища тамплиеров. Также запрещалось без специального разрешения хранить у себя орденский Устав или «Дополнения», полностью или в отрывках, — не из любви к секретам или стремления к скрытности, но чтобы Устав не сделался достоянием оруженосцев и не подвергся разглашению среди «мирян», хотя совершенно очевидно, что содержащиеся в нем «строгости» не могли привлечь широкие массы. Кроме того, все монастыри сохраняли свои Уставы в тайне. У тамплиеров только командоры округов могли иметь в своем распоряжении экземпляр Устава. Но возможно, что и командоры некоторых крупных обителей также хранили у себя полный или частичный его текст, хотя бы для того, чтобы сверяться с ним при приеме новых членов; а равно чтобы сдерживать себя от гневливости, от греховных поступков или от обвинения других в нечестивости, чтобы чувствовать удовлетворение от своих действий и чтобы подавлять в себе суетность и гордыню.

Еженедельные собрания капитула

Многочисленные запреты и строгости, как мы увидим в дальнейшем, когда перейдем к описанию походов и войн, оставались бы пустым звуком, если бы повседневное поведение тамплиеров не было под тщательным контролем и нарушения не влекли за собой наказания. Этот надзор осуществлялся со стороны нескольких инстанций, среди которых, без сомнения, находились командор и старшие члены Ордена, которые, однако, все равно были не в состоянии за всем углядеть. Поэтому ответственность брали на себя сами братья — и не из мелочных расчетов или склонности к доносительству, но с единственной целью взаимного совершенствования, чтобы общими усилиями достичь рая. Когда какой-нибудь брат совершал оплошность, другие (один, два, мак-

симум три человека) должны были отчитать его «любезно», но строго, указать ему на совершенную ошибку и предостеречь против ее повторения. Если виновный проявлял покорность и со смирением выслушивал укоры, его провинность прощалась, если же нет — на него обязаны были донести по начальству. Такая практика сегодня представляется скандальной, но она была широко распространена в Средние века и никого не шокировала. Напротив, считалось почетным выказывать страстное желание спасти ближнего своего. Не нужно забывать, что главным намерением и конечной целью людей той эпохи было обретение рая. Вот почему люди настойчиво преследовали зло повсюду, где оно им встречалось, или, по крайней мере, стремились преследовать. Это объясняет отношение тамплиеров друг к другу, объясняет также и некоторые стороны их личности, ибо Устав призывал публично осуждать все ошибочное в их среде как собственную ошибку и самим назначать себе наказание. Вот ради этой цели и были учреждены еженедельные капитулы. Они собирались не только в крупных и средних командорствах, но в любой обители, где имелось достаточно рыцарей и братьев-служителей. Устав до мельчайших подробностей описывает, как это происходило.

В день собрания все братья сходились в зале капитула. При входе они осеняли себя крестным знаменем во имя Отца и Сына и Святого Духа. Обычно при входе в зал все снимали головные уборы, кроме плешивых, которые боялись застудить голову, поэтому им разрешалось оставить облегающий голову чепец и колпак, которые были предусмотрены Уставом. Затем братья стоя произносили «Отче наш», а потом занимали места по чину — в зависимости от того, являлись они рыцарями или братьями-служителями, заслуженными членами Ордена, членами со стажем или новичками. Когда все братья оказывались на местах, председательствующий на капитуле (командор, или тот, кто его замещал, или же инспектор Ордена, прибывший с визитом) открывал собрание в следующих выражениях:

— Прекрасные сеньоры, братья, встаньте и восславьте Господа нашего, чтобы его святое милосердие было с нами.

В ответ на этот призыв председателя каждый прочитывал «Отче наш». Затем, если это еще не было сделано, двери запирали на замок, чтобы никто из посторонних не мог услышать и узнать, о чем здесь говорится. Такая предосторожность была оправдана: она вызывалась озабоченностью, даже опасением причинить Ордену ущерб со стороны слуг и оруженосцев, которые являлись мирянами и могли проводить об ошибках, допущенных рыцарями, и о выговорах, которых они удостоились со стороны председателя капитула, — то есть о доносах и упреках, которыми они постоянно взаимно обменивались, причем не всегда обоснованно и часто несправедливо, ибо не всегда же эти монахи-воины оставались агнцами!

Председатель начинал заседание капитула с проповеди. В меру своих сил он старался импровизировать. Можно полагать — учитывая, что читавший проповедь был старым солдатом, — он не блистал красноречием, и его речь сводилась к призыву, обращенному к братии, признать свои прегрешения. С этого момента никто из присутствующих не мог покинуть своего места без разрешения. Каждый, перед тем как войти в зал капитула, старался припомнить все допущенные им промахи. Если за истекший период он получал выговоры от своих товарищей, то теперь должен был публично сознаться во всем этом.

Один из тамплиеров вставал, покидал свое место, приветствовал председательствующего и совершал перед ним несколько коленопреклонений. Он должен был держать себя сейчас, как на исповеди, смиренно и покорно.

— Прекрасный сир, — говорил он, — я прошу прощения (молю о милости) у Бога и Приснодевы Марии, у вас и у братии за свое прегрешение...

Было недостаточно назвать и перечислить грехи, которые человек ставил себе в упрек, требовалось «поведать» о них, то есть указать точные обстоятель-

ства, тяжесть и повторяемость проступка — без утайки, без боязни наказания, в соответствии с тем, как обстояло все на самом деле. Если кого-то уличали в этот момент во лжи, то его ожидало более тяжелое наказание.

Когда признания заканчивались, председатель обращался к кающемуся брату, не забыл ли тот чего, а затем предлагал ему покинуть зал и удалиться в такое место, откуда он не мог слышать речи, которыми обменивались присутствующие. Когда брат выходил из зала и дверь за ним закрывалась, председатель напоминал грехи, в которых тот только что сознался, сдержанно и четко комментировал их и спрашивал у присутствующих, начиная со старших и наиболее уважаемых членов Ордена, мнения по поводу наказания, которое следовало наложить на провинившегося. Большинство присутствующих уклонялись от ответа, и это председатель обязательно должен был учитывать, принимая решение. Наконец виновного призывали обратно. Председатель объяснял ему серьезность его проступка или проступков, призывал не повторять их впредь и произносил свой вердикт.

Прегрешения у тамплиеров бывали самые различные: неисполнение приказов командора, рассеянность во время церковных служб, сбивчивость при подсчете молитв «Отче наш» относительно количества, предписанного Уставом, проявление необоснованного гнева на одного из братии или беспричинное впадение в гнев и пр. Часто случалось, что, вследствие снисходительности к самому себе или просто по забывчивости, какой-нибудь брат забывал упомянуть об одном из своих проступков. Тогда ему могли напомнить его грех. Также случалось, что некоторые братья, еще сохранившие гордость, отказывались признавать себя виновными или пренебрежительно относились к выговорам, которые им пришлось выслушать в течение недели, — потому ли, что упреки казались им несправедливыми, или потому, что они были очень высокого о себе мнения. В этом случае братья имели право, и даже обязаны были выступить посредниками между двумя сторонами, но такая воз-

можность была очень точно оговорена в Уставе, иными словами — тут мы не опасаемся повторений, — в своих доказательствах они опирались на совокупность обычного права. Нельзя было выдвигать обвинения против отсутствующего брата. Обвинение должно было формулироваться беспристрастно, четко и обстоятельно. Устав не признавал неполных признаний, так же как и надуманных обвинений. Требовалось выступать уверенно и говорить в лицо, вслух, невзирая на уважение и не заботясь об унижении товарища, с которым обвинитель мог находиться в дружеских отношениях. Нужно было действовать во благо ближнего, то есть руководствоваться заботой о спасении его души и исключительно милосердием, а не опасением потерять брата или желанием сбить с него спесь. Поэтому к командору обращались со следующей просьбой:

— Прекрасный сир (или командор), дозвоьте мне поговорить с таким-то братом.

Когда разрешение давалось, обвинитель вставал, обращался к тому, кого хотел «поправить», в ответ на что тот тоже должен был встать, снять головной убор и приветствовать. Обвинитель провозглашал:

— Прекрасный брат, моли о милости за такое-то прегрешение...

И он должен был в сдержанных выражениях объяснить, где, когда и как обвиняемый нарушил правила. При этом обвиняемый должен был сознавать, что выступающий брат говорит ради его же блага. Ему не следовало раздражаться, но, напротив, принять пощадку и ответить на него, стоя на коленях:

— Прекрасный сир, я молю о милости Бога, Приснодеву Марию, вас и братию за то, в чем меня упрекнули.

Однако можно было оказаться в роли напрасно обвиненного — не по злему умыслу, но вследствие нечаянной ошибки. Если человек был невиновен, он имел право — и был обязан — отрицать свою вину, не проявляя при этом ни раздражения, ни чрезмерного негодования. Следовало отвечать со смирением и кротостью в следующих выражениях:

— Прекрасный сир, я молю Бога, Приснодеву Марию, и вас, и братию простить меня за то, в чем меня обвиняют, но нахожу, что в действительности дело обстояло иначе.

Или же:

— Нет, мессир, благодарение Богу, я никогда не совершал такого!

Либо же так, если можно было сослаться на оправдательные мотивы или на смягчающие обстоятельства:

— Сир, дело обстояло иначе.

В таком случае именно от обвинителя требовалось привести доказательства своих слов, если это представлялось возможным. Получив разрешение председательствующего, обвинитель указывал на свидетелей проступка:

— Сир, здесь присутствуют братья, которым известны обстоятельства случившегося.

Председатель капитула поддерживал это требование:

— Если есть здесь братья, которым известно это дело, пусть они предстанут перед нами.

Один за другим свидетели вставали с места и становились напротив председателя. В своих свидетельских показаниях они должны были строго следовать истине, под страхом совершения тяжкого греха и серьезного проступка не следовало «говорить о других ни по приязни, ни по недоброжелательству».

Обвиняемый, будучи уверен в собственной правоте, мог в свою очередь упрекнуть обвинителя.

Если один или другой или оба сразу оказывались виноваты, председатель повелевал им удалиться и совещался с капитулом относительно достойного наказания. Следовало сохранять в полной тайне неизбежные дебаты и разногласия. Мы увидим ниже, какие санкции применялись к болтливым братьям. Не следовало рассказывать и о неудаче председателя, если он, произнося свой вердикт, не мог добиться единодушия в пользу той или иной стороны.

Если какого-либо брата признавали виновным в ряде проступков, то определение наказания для него

могло вызвать замешательство. Наказать можно было только за одно нарушение, хотя бы их было допущено десять, но мера наказания, видимо, ужесточалась.

Светский человек или монах иного монастыря не мог выдвинуть обвинений против тамплиера, это допускалось только внутри Ордена — таково было одно из фундаментальных положений, которое, впрочем, свидетельствует, что Орден принимал во внимание только мнения друзей. Тем не менее если какой-либо честной муж, мирянин или монах, пользовавшийся особым уважением вследствие своего благочестия, сообщал командору о действиях, которые навлекали бесчестье на обитель, виновного можно было подвергнуть «особо тяжкому наказанию», чтобы добиться от него признаний и изгнать его из Ордена, не прибегая к капитулу.

Наказания

Они подлежали немедленному исполнению и, кроме исключительных случаев (отсрочка), — без апелляций. После оглашения вердикта председательствующий, желая преподать спасительный урок, мог обратиться к осужденным братьям: «Извольте раздеться» (до пояса) и подвергнуть их бичеванию кушаком или ремнем. Разумеется, телесное наказание производилось публично, так же как предшествовавшее ему признание вины.

Наказания бывали различны и зависели от тяжести проступка и репутации провинившегося. Всего их насчитывалось девять, и счет открывали наиболее строгие:

1. Изгнание из обители (или окончательное исключение из Ордена).
2. Лишение духовного звания.
3. Временное лишение духовного звания.
4. Два дня епитимьи в неделю, в первую неделю — три дня.
5. Двухдневная епитимья.
6. Однодневная епитимья.

7. Пятничная епитимья.

8. Епитимья на усмотрение капеллана.

9. Отсрочка или передача дела в вышестоящую инстанцию.

Возможно, было и примирение, означавшее оправдание и полное прощение.

Исключение из Ордена следовало за совершение одного из девяти особо тяжких проступков, на которых стоит остановиться подробнее, ибо они со всей очевидностью свидетельствуют о строгости дисциплины среди тамплиеров. Это симония, нарушение тайн капитула, убийство христианина или христианки, содомия (страшный грех, «гнусный и смрадный»), мятеж, очевидная трусость, ересь, предательство (переход на сторону сарацин) и воровство.

Симония — это преступление, совершенное братом, который вступил в Орден противозаконно, путем подкупа или обещания такового, даже предложенного через посредника. Тот, кто за взятку принял его, терял звание тамплиера, право принимать новых братьев и осуществлять командование.

Санкции, которые налагались за нарушение секретов дисциплинарного капитула, на первый взгляд кажутся чересчур суровыми. Однако следует учитывать тяжесть последствий такого проступка для этих сообществ, разглашение мнений и кривотолки по поводу братьев-судей, месть, которую эти пересуды могли спровоцировать, соперничество, которое они могли породить. Нужно было, чтобы каждый имел возможность под покровом тайны свободно и полностью изложить свое мнение. И, не драматизируя ситуацию, разве не могло бы обескуражить любого члена Ордена сознание того, что он находится под подозрением или что его считают бесполезным для обители?

Бегство с поля боя также нуждается в комментарии. В принципе любое проявление трусости перед сарацинами под знаменем тамплиеров влекло за собой исключение из Ордена. На практике же существовала разумная градация. Если подобный просту-

пок совершал тамплиер-рыцарь, вне зависимости от того, находился ли он в тот момент в доспехах или без них, он подлежал исключению из рядов Ордена. Но брат-служитель без доспехов — не способный, следовательно, оказать противнику достойное сопротивление — мог ретироваться без неприятных для себя последствий. Равным образом и рыцари, и братья-служители могли, выполняя приказ командира или его заместителя, отступить, если получили серьезное ранение. Ни под каким предлогом не следовало бросать знамя Ордена тамплиеров. Если оно пропадало, нужно было пробиваться к знамени госпитальеров или, за неимением такового, к любому христианскому стягу.

Что касается проступков, связанных с сокрытием вины, то Устав предусматривал различные наказания в зависимости от ее тяжести. В качестве сокрытия квалифицировались следующие случаи:

- умолчание о серьезном препятствии (брак, духовное звание, тяжелая болезнь) при поступлении в Орден;

- выход ночью из обители иным путем, нежели через ворота;

- утаивание вещей и предметов в ходе инспекции;

- отсутствие в обители более двух ночей без получения на то разрешения;

- уход из обители по злобе или в дурном настроении, если уносится с собой что-либо сверх своей обычной одежды, и отсутствие в течение более двух ночей;

- сокрытие каких-либо чужих вещей в своей переметной сумке или в сундуке (ларе).

Когда прозвучал приговор об исключении, виновный должен был предстать перед капитулом обнаженным по пояс, облаченным только в подштанники и шоссы, с ремнем, висящим на шее. Преклонив колени, виновный принимал дисциплинарное наказание принесенным с собой ремнем. После этого председательствующий вручал ему «хартию об увольнении». Но исключенный брат не мог уйти куда угодно по собственному выбору. Он должен был вступить в

монастырь более строгого Устава, Бенедиктинский или Августинский, чтобы там до конца жизни искупить свою вину. В любом случае он не мог направиться к госпитальерам из-за соглашения, существовавшего между двумя орденами. Если он пытался уклониться от наказания и если его ловили в течение сорока дней, то заковывали в железо и препровождали в надлежащий монастырь.

Должен был покинуть обитель и тот из братьев, кто на свою беду заболел проказой или иной болезнью, несовместимой с жизнью в братстве, — например эпилепсией или «вздутием» (?)¹⁵.

Хотя ложь, произнесенная во время вступления в Орден, влекла за собой исключение, учитывались и смягчающие обстоятельства. Если рыцарь по неясным причинам желал скрыть свое благородное происхождение и становился братом-служителем, данный им обет оставался в силе, но ему выдавали белый плащ в знак уважения к его рыцарскому достоинству. Если брат-служитель претендовал на звание рыцаря, его не изгоняли, но давали ему одежды и плащ черного цвета, как положено братьям-служителям, что соответствовало низшему чину. Если некий брат утаивал, что состоит в браке, его ждало строгое наказание, после чего его возвращали супруге, явившейся предъявить на него свои права. Но если жена скончалась или ушла в монастырь, виновному возвращали плащ. Соккрытие физического уродства или безобразящей болезни часто расценивалось снисходительно, ибо братья сознавали свое невежество в этой области. Чаще всего этих несчастных причисляли к «лишенным рассудка», то есть считали более или менее душевнобольными. Их отделяли от остальной братии из предосторожности и потому, что все в обители должно было совершаться гармонично и в тишине.

После исключения самыми суровыми и самыми жесткими наказаниями считались порка и лишение духовного звания. В каких случаях прибегали к по-

¹⁵ Очевидно — шистосомоз.

добным мерам? Когда в порыве гнева кто-то ударил другого, сбив с ног или разодрав тесемки плаща пострадавшего, схватив его за горло. После объявления приговора провинившийся возвращает Ордену коней, вооружение и доспехи, ибо лишение духовного звания равносильно причислению к низшему рангу Ордена, то есть к челяди. То же самое следовало и в том случае, если оказывалось, что некий брат вступил в половые сношения с женщиной — тогда, сверх того, он терял право дослужиться до какого-либо звания и отдавать команды. То же самое наказание ожидало тех, кто слишком настойчиво претендовал на лидерство. То же самое, если один брат ложно обвинял другого в проступке, каравшемся исключением, но не мог доказать его вины, отказываясь признать свою ошибку. То же самое, если тамплиер убивал слугу (или раба, если дело происходило на Востоке). То же, если тамплиер в гневе ранил или убил коня. То же, если он кичился одеждами, добытыми у мирян, выдавая их за полученные в обители. То же, если он без разрешения отдавал на сторону четвероногое животное, кроме собаки или кошки. То же, если он бунтовал против Ордена и из глупого сумасбродства упорствовал, отказываясь повиноваться. То же, если перед дисциплинарным капитулом провинившийся отказывался воздать благодарность за то, что открылась его вина и прегрешения были доказаны. Но имели место и иные случаи: повреждение большой печати, предоставление ссуды без разрешения, исполнение работы без приказа, отсутствие в течение одной ночи (после припадка гнева), швыряние в досаде своего плаща на землю, умышленный отказ от своего облачения... Перечень еще далеко не полон!

Устав содержит любопытные комментарии по поводу лишения духовного звания. Командор, поскольку не имел права самостоятельно принимать в Орден рыцарей, не мог без разрешения высшей инстанции подвергнуть их подобному взысканию, даже если провинившиеся являлись его подчиненными. Тем не менее дело касалось не особой привилегии рыцарей, но стремления избавить их от личной мести и

оскорблений. Когда наказание налагалось вышестоящим лицом, оно принималось с выражением признательности.

Духовного звания лишали на один год и один день. В течение всего этого срока каждое воскресенье после чтения Евангелия наказанного брата подвергали бичеванию при полном стечении обитателей монастыря: рыцарей, братьев-служителей, оруженосцев, прислуги и мирян, явившихся прослушать мессу. Выдержав порку с покорностью и смирением, провинившийся натягивал тунику и возвращался в капеллу. Ну а если в течение столь длительного срока его поражала болезнь, что его ожидало? Подвергшийся наказанию лежал и питался в лазарете и, разумеется, на время болезни освобождался от порки. Болезнь не отодвигала окончания взыскания, ибо это время включалось в срок наказания, что представляется гуманным и логичным. Лишение духовного звания сопровождалось также постом, соблюдавшимся три дня в неделю, когда разрешались только хлеб и вода; постными днями считались понедельник, среда и пятница. Подвергшийся наказанию не имел права ни высказываться на дисциплинарных капитулах, ни свидетельствовать против других обвиняемых, ни тем более самостоятельно выдвигать обвинения. Когда же наконец капитул принимал решение возвратить ему духовное звание, он не мог сразу же занять место за столом в трапезной, но обязан был еще один день принимать пищу на полу, подостлав полу своего плаща.

Прочие виды наказаний (два дня епитимьи в неделю, а в первую неделю три дня; двухдневная и одnodневная епитимьи) не сопровождалась лишением духовного звания. Они налагались за незначительные провинности или применялись к братьям, до тех пор пользовавшимся безупречной репутацией. При трех первых поименованных видах наказания виновный приговаривался к исполнению работ, характеризовавшихся как «презренные»: мытье посуды на кухне, резка лука и чеснока, разжигание огня и особенно — «управление ослом», запряженным в тележ-

ку, которую еще нужно было нагружать и разгружать. Следовало стыдиться не наказания, но греха, за который оно налагалось. Эти наказания время от времени вносили разнообразие в несение военной службы, которая считалась благородным делом Ордена. Но по милосердию капитула и, видимо, в силу необходимости подвергшийся наказанию мог не прерывать своих обычных занятий. Следует отметить, что командор и председатель капитула не имели права ужесточать или смягчать наказание. Решение принималось большинством голосов, но рекомендовалось сокращать срок наказания, если виновный переносил его смиренно и мужественно. Когда капитул сокращал срок епитимьи, председатель вызывал виновного и объявлял ему:

— Прекрасный брат, наша братия оказывает тебе великую милость. Мы могли бы подвергнуть тебя длительному наказанию, но, по обычаям Ордена, поднимаем тебя с полу¹⁶, ты же, ради Бога, остерегайся, чтобы не продлилось твоё наказание.

Пятничная епитимья считалась самой легкой, хотя и заключалась в том, чтобы весь день просидеть на хлебе и воде и подвергнуться порке.

Что до наказаний, которым подвергал капеллан, то в основном они сводились к чтению молитв.

Отсрочка наказания диктовалась особой тяжестью преступления. Так, дело передавалось в вышестоящую инстанцию, если проступок был слишком серьезным для рассмотрения его на собрании капитула, если затрагивал репутацию всего Ордена или же носил исключительный характер и не был предусмотрен сводом действующего права, так что капитул предпочитал заявить о своей некомпетентности применительно к данному случаю. Но тот брат, дурное поведение которого было общеизвестно и который оставался неисправимым, несмотря на примененные к нему санкции, также мог ожидать отсрочки в решении своей судьбы до передачи на суд магист-

¹⁶ Потому что отбывавшие наказание должны были принимать пищу сидя не за столом, а на полу.

ра. В Святой Земле в роли верховного суда выступал Великий магистр со своим капитулом. В остальных местах высшей инстанцией являлся провинциальный магистр, которому подчинялось то командорство, где разбирали дело.

Чем заканчивалось заседание капитула

Заседание капитула завершала исповедь братьев, по окончании которой капеллан даровал им отпущение грехов. После чего председатель возглашал:

— Прекрасные сеньоры, я прошу прощения у всех вас и у каждого в отдельности за все свершенное и сказанное, чего не следовало говорить и делать. Да даруете вы мне свое прощение ради Господа нашего и его сладчайшей Матери. Да даруете вы также прощение друг другу во имя Иисуса Христа, чтобы гнев и ненависть не поселились среди вас.

Тамплиеры прощали друг друга, после чего председатель вновь брал слово:

— Прекрасные сеньоры, братья, вам необходимо знать, что всякий раз перед тем, как закрыть заседание капитула, следует вознести молитву Господу нашему...

После этого все присутствующие возносили молитву за мир, за Церковь, за святое королевство Иерусалимское и за Орден тамплиеров, за другие ордены и церковных деятелей, за благотворительность и благотворителей, за живых и, наконец, «за всех тех, которые удалились от мира и жаждут сострадания Господа нашего», но особенно — за тех, которые упокоились на кладбище командорства, и за души родителей тамплиеров, чтобы, как говорилось в Уставе, «наш Господь, по своей неизреченной милости, простил им их грехи и даровал им покой».

Уложения

В этой связи не лишены интереса *Уложения*, где рассматриваются некоторые проступки и на примерах, почерпнутых из внутренней истории Ордена,

показано, как на практике действовал «уголовный кодекс» тамплиеров. Относительно преступления симонии составитель кодекса ссылается на прецедент, имевший место во времена магистра Армана де Перигора, то есть между 1229-м, годом его избрания, и 1244-м, датой смерти. Многие тамплиеры, заслужившие очень хорошую репутацию, вдруг догадались, что были приняты в Орден благодаря актам симонии. Они поделились своим открытием с некоторыми известными мужами Ордена, славившимися мудростью, которые посоветовали им обратиться к магистру. Арман де Перигор оказался в весьма затруднительном положении, ведь виновные принадлежали к элите Ордена. Он приказал им держать пока все в секрете ради репутации Ордена, а сам тем временем собрал свой личный капитул. Условились не прибегать к обычной процедуре, но передать дело на усмотрение папы, который поручил архиепископу Кесарийскому, другу Ордена тамплиеров, исследовать дилемму. Арман де Перигор, его советники и рыцари, на которых пала тень, предстали перед архиепископом. Братья, лишённые духовного звания, были оправданы архиепископом, вернулись к прежней деятельности и снова заняли свое место в рядах тамплиеров. «Таково было решение, ибо они давно состояли членами Ордена и прославились благоразумием и мудростью, праведной и благочестивой жизнью». Одного из обвиняемых впоследствии даже избрали магистром Ордена тамплиеров — это был Гийом де Соннак, скончавшийся в Мансуре в 1249 году, во время 1-го Крестового похода Людовика Святого. Комментатор добавляет: «Если бы эти братья действительно были недостойны, они бы никогда не сподобились подобной любезности».

С другой стороны, он сообщает о многочисленных проявлениях строгости правосудия тамплиеров. Один из наиболее типичных случаев произошел с братом из Шастель-Пелерена (Сафит, одна из главных крепостей Ордена, в графстве Триполи). Этот брат, надзиравший за овчарней, получил повеление командора продемонстрировать запасы провизии.

Он скрыл один кувшин масла, был уличен командором и изгнан из Ордена.

Измена (переход на сторону сарацин, отречение от креста, даже ради спасения собственной жизни и только на словах, но не в сердце) считалась непростительным преступлением. Составитель приводит печальный пример Роже Немецкого, захваченного в плен в Газе. Сарацины заставили его «поднять палец и произнести суру». По возвращении он был закован в колодки, затем решение по его делу было отложено. Переданный на суд магистра, он оправдывался, что не знал, что именно означало то, что сарацины заставили его сказать, но все равно был исключен из Ордена. Но случалось и по-другому: некий брат из Сафета (близ Тивериадского озера) приготовил свое снаряжение, намереваясь покинуть рыцарей Храма, и ночью направился в казаль (укрепленная ферма), в недавнем прошлом принадлежавший немцам, но отнятый у них сарацинами. Он провел в их обществе остаток ночи, но утром, терзаемый угрызениями совести, явился в командорство Акры. Капитул рассудил, что раз виновный предполагал, что казаль принадлежал христианам, он не собирался в действительности переметнуться к сарацинам. Он не был исключен, но приговорен к лишению духовного звания.

Содомия почиталась среди тамплиеров настолько отвратительным грехом, что они едва решались произнести само это слово. И тем не менее на скандальном процессе 1307 года одно из главных обвинений, возводимых против них, касалось именно этого пункта. *Уложения* точно показывают, как именно карали содомитов: «В Шастель-Пелерене нашлись братья, которые предалися тяжкому греху и ночь проводили в одной комнате. Находившиеся поблизости, а также те, кто пострадал от подобного злоупотребления, сообщили о том магистру и честным мужам Ордена. Магистр собрал совет; было решено не передавать дело на усмотрение капитула, ибо оно было слишком отвратительно, но вызвать братьев в Акру». Они явились. Магистр тайно посадил их под замок.

С них сняли духовное звание и заковали в «огромные колодки». Один из обвиняемых умудрился бежать из тюрьмы и ночью перешел к сарацинам. Из двух оставшихся один был убит при попытке к бегству, а другой провел в заключении долгие годы.

Среди проступков, каравшихся лишением духовного звания, фигурировал отказ от повиновения. Что конкретно под этим понималось? Составитель *Уложений* сообщает: «Однажды в Тортосе командор дал приказ одному брату, а тот ему ответил: «Возможно, я это и сделаю» (сегодня мы сказали бы: «Сей момент!»). Командор его «попрекнул», а капитул приговорил к лишению духовного звания».

Куртуазность, подчеркнутая любезность, чего постоянно требовал Устав, а сановники Ордена стремились реализовать на деле, внедрялись не без труда, особенно в Святой Земле. Не стоит забывать, что там тамплиеры вели солдатский образ жизни, часто вступая в бой — то с бандами грабителей, которые кишели вокруг, то с регулярным войском противника. Подобная деятельность плохо сочеталась с монастырским образом жизни. Отсюда проистекала жестокость, проявлявшаяся в беспорядках, драках, ссорах. Терпение далеко не всегда являлось доминирующим качеством тамплиеров. Этим объясняется происхождение некоторых историй, собранных автором *Уложений* и требующих объективного подхода. В Акре писцы выкрали несколько голубей, позолоченных в голубятне тамплиеров. Командор поручил некоему брату Германту, ответственному за коровник (загон для крупного рогатого скота), разыскать воров. Тот посадил в засаду одного из своих подчиненных. Писцы были крайне удивлены, когда Германт с помощником застали их на месте преступления и нещадно избили. Один из жуликов получил даже тяжелую травму головы. Он пожаловался папскому легату, который схватил зачинщика драки. Магистр передал обвиняемых на суд капитула, который приговорил их к лишению духовного звания и тюремному заключению, «потому что драка была слишком отвратительна!».

В Яфете вспыхнула драка в спальне. Около полуночи был неожиданно объявлен подъем. Один из братьев, изрядный грубиян, схватил своего соседа за волосы и швырнул его на пол. Их видели и донесли о случившемся Гуго де Монло, в то время маршалу Ордена тамплиеров. Подвергшийся порицанию грубиян стал просить прощения. Капитул уклонялся от ответа. Старшие братья взывали к милосердию, упирая на то, что кровь не пролилась. Другие придерживались мнения, что следует поступить по Уставу. Маршал поддержал их, и виновного заковали в железо, а затем перевели в другое место.

Все приведенные примеры, трактующие получившие огласку случаи мелких правонарушений, имеют одну и ту же пикантную окраску. В Сафете брат-служитель обители тамплиеров послал другого брата в обувную мастерскую за башмаками. Мастер отказал. Тогда брат потребовал выдать ему ключи от шкафа, где были заперты башмаки. Мастер заявил, что ничего не даст. Разъяренный брат взломал шкаф, взял башмаки и отнес их брату-служителю. Доложили командору, который вынес происшествие на обсуждение капитула. Следовало ли квалифицировать инцидент как мелкую кражу? Капитул дал на этот вопрос отрицательный ответ, потому что захваченное братом имущество не было вынесено за пределы обители. В этом ответе чувствуется хозяйственный дух, присущий Ордену: кражей считалось только то, что ненадлежащим образом изымалось из стен командорства, нанося ущерб Ордену.

Однажды даже некоего командора приговорили к лишению духовного звания, потому что он по собственной вине, поддавшись легкомыслию и своенравию, погубил лошадь. Один человек привел свою большую лошадь к тамплиерам, которые славились как хорошие ветеринары. Животное выздоровело, и этот командор оседлал ее и пустил галопом. Вдруг он заметил зайца и погнался за ним. Лошадь упала, покалечилась и погибла от потери крови. Орден оказался перед трудным выбором: заменить владельцу пропавшее животное или выплатить издержки.

Сколь ни досадно, этот случай квалифицировался как воровство. Аналогичной епитимье подвергли другого слишком раздражительного брата, который, нечаянно разбив стеклянный кубок, швырнул осколки на пол. Воровство, и к тому же сознательное! Так же квалифицировали оплошность некоего брата из Монпелье, который решил испытать свой меч и сломал его. Воровством считалось и проявление недозволенной инициативы, если она оборачивалась бедой — как, например, в случае с братом Жаком де Раваном, который в обществе братьев-служителей и туркополов вышел из Акры, направился по Казаль-Робертской дороге (между Назаретом и Тивериадским озером) и подвергся нападению сарацин, перебивших весь отряд. Брата Жака лишили духовного звания и заковали в колодки. Воровством — причем в особенно тяжких размерах — посчитали легкомыслие садовников и виноградарей, без разрешения покинувших Акру, чтобы весело поужинать за городом. Возвращаясь обратно в ночное время, они наткнулись на сарацин. Те, кому удалось спастись, не лишились духовного звания только по причине полученных серьезных ранений. Воровством являлись и несанкционированные расходы, даже мелкие, ибо они наносили урон Ордену. Брат Жан Бушдельевр (может быть, его имя следует читать Бек де Льевр) пошел по неверному пути, истратив двести безантов на строительные работы, и не смог дать точный ответ, как именно тратилась эта сумма. Его спасла хорошая репутация, но все же он был исключен из Ордена. В тот же день капитул приговорил к лишению духовного звания брата, который продолжал держать свою свечу зажженной, несмотря на то, что командор приказал ему потушить ее.

По нескольким приведенным примерам видно, какие именно проступки выносились на обсуждение капитула и как применялся Устав. Автор *Уложений*, живший в Святой Земле, приводит случаи, иллюстрирующие преимущественно повседневную жизнь и атмосферу, царившую в среде тамплиеров на Востоке, хотя некоторые прецеденты имели место в

Испании или Лангедоке (происшествие с мечом в Монпелье).

Подчищая свои пергаменты, наш тамплиер избегал неприятных инцидентов, которые были неизбежны в карьере рядового брата. Он получил доступ на заседания капитулов. Суждения его отличались вдумчивостью, он имел собственное мнение, иногда позволял себе сдержанно пошутить. Он исходил из тех соображений, что справедливость на Востоке незначительно отличается от того, как ее понимают на Западе. Создавалось даже впечатление, что на Востоке правосудие более сурово. Действительно, по свидетельству *Уложений*, близость и обыденность смертельной опасности, частые стычки с врагом требовали большей бдительности и не располагали к проявлению снисходительности. Подвергнутые епитимье не имели права участвовать в битвах, но в силу необходимости, вероятно, исполнение наказания отсрочивалось либо его сроки сокращались. Острая нехватка личного состава, усугубленная потерями, не позволяла отказываться от умелых воинов. Ведь наиболее доблестные бойцы далеко не всегда становились образцовыми монахами, даже под знаком креста тамплиеров...

КОМАНДОРСТВА ЗАПАДА

Тамплиер Жослен жил в богатых дворцах графа де Труа. Если танцы, смех и светский блеск изгладились из его памяти, он все же не забыл длинные поэмы, исполнявшиеся труверами, ибо Шампань являлась традиционной покровительницей разного рода изящных искусств. Он был достаточно образован, чтобы в часы досуга переписывать стихи, которыми втайне продолжал восхищаться. Это было время, когда его мятущаяся душа искала свой путь и жаждала обрести смысл земного существования. Романы Кретьена де Труа служили ему утешением в его уединении. Однажды из Германии прибыл некий трубадур. Он знал наизусть *«Парцифалья»* Вольфрама фон Эшенбаха, но в Труа никто не понимал немецкого языка. Пришлось сделать перевод и сократить поэму. Поговаривали, что она представляет собой версию *«Персевалья»* Кретьена де Труа или Гийо Прованского, которого Вольфрам фон Эшенбах, путая по незнанию, именовал Гийо Провансальским. Жослен не поленился выписать для себя несколько отрывков:

«Мне хорошо ведомы доблестные рыцари, обитающие в замке Монсальваж, где хранится Грааль. Это тамплиеры, пустившиеся в дальний путь в поисках

приключений. Каков бы ни был исход их битв — победа или поражение, они все принимают с безмятежным сердцем, ради искупления своих грехов. Эту крепость населяет отряд искуснейших воинов. Расскажу вам об их пище: все, что они потребляют, готовится из одного драгоценного камня, который по своей сущности есть сама чистота... Именно благодаря свойству этого камня феникс сжигает сам себя и становится пеплом, но затем вновь возрождается из пепла. Благодаря этому камню феникс преобразается, чтобы явиться взорам еще прекраснее, чем прежде... Камень этот придает человеку такую крепость, что плоть и кости тотчас обретают молодость. Он также носит название Грааль.

В один прекрасный день он спустился с небес — вот откуда его замечательные свойства. В день, когда мы празднуем Святую пятницу, можно увидеть голубя, парящего с небес, держащего в клюве маленькую белую гостию, которую он кладет на этот камень...

Желающим отправиться на поиски Грааля хочу поведать о его признаках. По краям камня можно разобрать волшебную надпись, перечисляющую имена и все потомство тех, кому суждено предпринять столь блаженное путешествие... Бедные и богатые равно ликуют, получив предуведомление, что им следует присоединиться к святому воинству. Избранные стекаются со всех краев земли; греховные помыслы, порождающие ложный стыд, навечно оставляют их, а на небесах их ожидает прекрасное воздаяние...»

«Романический» символ этого камня не нашел отражения в комментариях. Тем сильнее молодой рыцарь грезил о замке Монсальваж, охраняемом тамплиерами. Ибо в связи с ними Вольфрам фон Эшенбах, возможно сам тамплиер или примкнувший к ним, заговорил о Граале, который — чаша ли или камень — символизировал веру христианскую. Как часто Жослен возвращался мысленным взором к таинственному замку Монсальваж, о котором одни ут-

верждали, что он расположен на рубежах Испании, на границе с сарацинами, а другие помещали его в Святой Земле! «Король-грешник», раненый и не способный обрести здоровье, — кто подразумевался под этим образом? Разве не король Иерусалимский, чье королевство наполовину находится в руках неверных и которому нужно освободиться от такого бремени? А может быть, волею случая или по прихоти поэта бедного короля вообще окружали только тамплиеры, оставшиеся его единственной опорой? Для Жослена эти мысли звучали как внезапно услышанный призыв о помощи. Он стремился исполнить свой долг, до конца принести себя в жертву и, подобно фениксу, возродиться из пепла, чтобы обрести райское блаженство. Он вступил в ряды тамплиеров не из страха перед завтрашним днем и не из-за неприятия мирской суеты, но чтобы сражаться за море. Он горел желанием отправиться в Святую Землю. Но сколь ни страстно было его желание, оно пока не исполнилось. Недостаточно было предложить свою кандидатуру — требовалось, чтобы ее утвердили заслуженные члены Ордена. Путь в Святую Землю открывался только тем тамплиерам, которые были выдвинуты согласно обычаям и законам Ордена. Собственно говоря, в верхах полагали, что военная обстановка может испортить добрые орденские обычаи, что близость сарацин чревата дурным влиянием на новичков. Требовалось время, чтобы понаблюдать за поведением новобранцев и завершить их становление в качестве рыцарей Храма. Иначе что подумают Великий магистр и высшие орденские сановники, получив контингент плохих воинов, которые не торопятся проявить отвагу, прохладны к делам религии и, несмотря на принесенные обеты, готовы приспособливаться, то есть сдаваться, при первых столкновениях? Какой приговор они вынесут тем, кого здесь напринимали в Орден? До какого попустительства можно дойти? На Востоке требовались надежные люди, наделенные железным телом и стальным характером. На них возлагалась последняя хрупкая надежда королевства Иерусалимского. Не-

малым резонансом являлась и необходимость управлять доменами Ордена тамплиеров, вести хозяйство, торговлю, учет — словом, увеличивать, насколько возможно, богатство, чтобы оплачивать ведение войны. Возведение и ремонт крепостей, содержание и экипировка их защитников (рыцарей и братьев-служителей Ордена тамплиеров, а также вспомогательных войск) пожирала все доходы командорств Запада. Следовательно, возникала необходимость обучения искусству управления знакомых только с войной, турнирами, охотой и верховой ездой молодых рыцарей, тем более что эти молодые рыцари были очень разные. Большинство из них не владело грамотой. Умевшие писать и читать ценились на вес золота и становились объектами особой заботы. Их часто перебрасывали с места на место, дабы они набирались опыта. Именно из их числа по преимуществу избирали командоров и будущих сановников. Но лишь по достижении зрелого возраста их квалификация почиталась достаточной для назначения на первые должности. Орден богател и испытывал серьезные трудности, если пользоваться современной терминологией, с «центральной администрацией» и «зарубежными отделениями». Поэтому юный брат Жослен мог сколько угодно проявлять нетерпение в отношении отъезда в Святую Землю. Так как он обладал красивым почерком и немного знал латынь, ему поручали переписывать хартии и вести приходно-расходные записи. Его посылали также собирать налоги, контролировать выдачи, надзирать за хлебопашцами и волопасами, проверять ход ремонтных работ на какой-нибудь ферме, доставлять послания в Провен, сопровождать перевозку денег в Париж. Куломьер являлся небольшой обителью, однако, располагаясь на пересечении путей, ведущих в Реймс, Провен, Санс и Париж, выполнял полицейские функции и служил перевалочным пунктом. Когда здесь останавливался проездом важный сановник, ему выделяли эскорт, численность которого зависела от степени почтения к его достоинству. Если к этим многочисленным мирским повинностям доба-

вить время, посвящавшееся богослужениям и молитвам, то становится очевидным, что Жослен никогда не был предоставлен самому себе. Но разве Устав не требовал, чтобы тамплиеры никогда не пребывали в праздности, вкладывая в свои дела весь талант и силу воли? Переведенный в Провен, затем в Бонлье и, наконец, в Париж по милости одного важного гостя, который обратил на него внимание, Жослен проводил годы в ожидании отправки в Святую Землю, вращаясь среди других братьев, так же, как он, жаждущих битв. Но разве не повиновение требовалось от него превыше всего? Как-то раз он имел неосторожность проявить свое нетерпение, что привело к продлению его пребывания в Куломьере, чтобы пресечь малейшие проблески независимости, личной инициативы и высокой самооценки, которую не следовало показывать. Брат Жослен покорился, обуздав гнев и проглотив слезы. Как и многие другие, он постепенно оставил мечты о личных подвигах. Он смирился с работой, которая вменялась в обязанность для послушания, горестно сознавая, что Ордену нужнее солдаты, чем отважные герои. Демонстрируя покорность, он переезжал из одного командорства в другое и быстро приобрел необходимые познания. И вот, несмотря на свою молодость, он попал в число известных людей Ордена, и старшие братья готовили его к занятию высоких должностей. Каковы же были повседневные занятия тамплиеров и как функционировали их домены?

Сельские командорства

Некоторые авторы уверяют, что на Западе, то есть во Франции, Англии, Испании, Португалии, Германии и Италии, Ордену тамплиеров принадлежало девять тысяч командорств. Это число завышено или, скорее, оно отражает общее количество командорств и связанных с ними ферм и хуторов. Во Франции, в этой колыбели Ордена на Западе, где ему сопутствовали постоянный успех и щедрые пожертвования, насчитывалось всего около семисот настоя-

щих командорств, вокруг каждого из которых группировалось в среднем двенадцать доменов, помимо отдельных домов, разбросанных среди полей, и целых деревень. Чтобы составить представление об их размерах и доходах, обратимся к статистике. При этом следует помнить, что единицы измерения менялись в зависимости от регионов, так что весьма затруднительно определить их точные соответствия. Не следует также переводить в современные франки деньги той эпохи — не только по причине больших различий, но и из-за колебания покупательной способности. Приведем несколько примеров, относящихся к разным регионам, — может быть, и не самых показательных, потому что не все картулярии Ордена исследованы должным образом и, разумеется, не все еще найдены. Самые известные картулярии дают довольно полное представление об основании и распространении Ордена. Описи, составленные в 1307 году синдиками Филиппа Красивого после ареста тамплиеров, дополняют важные детали относительно внутренней экономической жизни. Ряд последующих документов свидетельствуют о жадности короля, о продажах и хищениях, которые нередко допускали королевские агенты, действуя сообразно полученным инструкциям.

Командорство Куломьер в Бри было основано на пожертвования Тибо II, графа Шампани и Бри, вскоре после собора в Труа. Граф подарил тамплиерам небольшую крепость, основанную им самим и расположенную в стратегически важном месте на пересечении двух путей, получившем название Монбильяр, которое возвышается на восемьдесят метров над городом Куломьером. В 1173 году наместник Труа Анри пожаловал тамплиерам мельницу с ее арендатором и приблизительно тогда же некий Ферри из Парижа также подарил мельницу с арендатором. В 1232 году другой граф Шампанский пожаловал тамплиерам Куломьера 400 га земли в Маганском лесу. Менее знатные сеньоры жертвовали фермы, участки земли и ренты. В своей монографии, посвященной командорству Куломьер, Жан Шельстрете отме-

чает, что в 1783 году этот домен, в то время находившийся во владении госпитальеров, позднее перебравшихся на Родос, а затем на Мальту, состоял из пяти крупных ферм, из которых только Бильбарто со всех своих земель, лесов и построек приносило доход в 24 тысячи ливров, что соответствует 340 тысячам современных франков.

Рост *командорства Бонлье* в диоцезе Труа, как явствует из существующих хартий, был не менее показателен. Около 1220 года Андре де Россон решил сделаться тамплиером. Он отдал Ордену все, что имел — земли, лес и прочее — в Россоне и в Эйфоле. Десять лет спустя другой местный сеньор передал Ордену свое достояние в тех же краях. В 1238 году Готье IV, граф де Бриенн, женился на сестре короля Кипрского Мари де Лузиньян. Сильно нуждаясь в деньгах, он продал тамплиерам Бонлье тысячу арпанов леса в Бетейзе, причем нужно отметить, что хотя сделка заключалась на Востоке с магистром Ордена тамплиеров, но для братии Бонлье. Последние, не останавливаясь на достигнутом, еще более увеличили свои владения. В 1250 году они купили около шестисот арпанов леса у рыцаря де Милли. Если суммировать все их приобретения, то можно констатировать, что с 1232 по 1255 год их владения возросли до 4500 арпанов, а площадь обрабатываемых земель достигла 3 тысяч га (арпан в Труа равнялся 0,6 га). За тот же период не прекращался поток прочих пожертвований: три сетье овса и десять су, 20 су ренты, 30 арпанов земли и т.д.

Картулярный *командорства Соммрё* в Пикардии, центра бальяжа, включал не менее 106 актов за период с 1140 по 1262 год. Основанное в правление короля Людовика VII на средства местного сеньора Сустана де Фена после ряда последовательных пожертвований, обменов и покупок командорство превратилось в хозяина земель во всех соседних приходах, домов в Бовэ и Клермоне. Командор-бейлиф Соммрё помимо прочего делил с сеньором этой области права на полевую подать шампар, на полевую подать терраж, на отправление правосудия, на сбор десятины и дру-

гие феодальные доходы. Многие рыцари и братья-служители помогали командору. Так, в его подчинении состояли брат-житник, ответственный за хранение и продажу урожая, за сбор десятины и арендных платежей, а также раздатчик (эконом), ведущий счета. Капеллан командорства одновременно состоял кюре церковного прихода Соммрѐ. Как можно убедиться, величина командорства в конце концов обусловила его деление: так возникло новое командорство Нейли-су-Клермон со своей часовней и независимыми землями.

Перейдем в Нормандию. Одним из самых значительных командорств этой области был Ренвиль (в Эвре). В 1140 году Ришар, младший сын Робера I, барона д'Аркур, и Колетты д'Аргуж, построил часовню Сен-Этьен де Ренвиль и пожаловал ее тамплиерам вместе со своим родовым фьефом и патронатом над приходом д'Эпревиль, около Нейбурга. По возвращении из Святой Земли он умер и был погребен в этой часовне Сен-Этьен; надгробный памятник представляет его «лежащим во весь рост, в кольчуге, с мечом и щитом, на котором красуется герб Аркура» с надписью: «Здесь покоится брат Ришар д'Аркур, рыцарь, командовавший рыцарством Ордена тамплиеров, основатель обители Сен-Этьен». В ту эпоху командорство включало часовню, укрепленную усадьбу, голубятню и угодья. В 1156 году Маргарита, графиня Уорвик, с согласия своего сына Генриха Нейбургского пожаловала Ордену домен Ламмадок. Спустя два года тамплиеры Ренвиля получили от Годфруа Вака домен д'Анжервиль. Пожертвования продолжали стекаться рекой не только до конца XII века, но и в течение всего XIII, почти до последних дней существования Ордена. То в виде денежных сумм, то ренты, то в виде передачи крепостных с их семьями, хижинами и садами, то богатых и красивых ферм (например, Дье-л-Акруасс в Тиллель-Ламбере или Фюгюроль), то домов в Эврѐ или части фьефов (например, Курбепен, подаренный в 1205 году Робером дез Эраблем, или Рублемон, пожалованный в 1294 году, или Турнедо-Буа-Юбер и Турвиль-ла-Кампань). Бла-

годаря менам и купле тамплиеры Ренвиля округляли свои владения. Они купили целый фьеф *в сир де Нанкура Филиппа д'Артуа* и другой фьеф — у господина де Ла Губержа в Орм-Эманвиле. Так же как и в Соммрё, здесь были вынуждены создать самостоятельные командорства. Однако показательно, что с конца XII века возникают конфликты с церковными властями. В 1199 году тамплиеры Ренвиля столкнулись с аббатом Дю Бек-Эллуэном по поводу взимания десятины в приходах Марбуф и д'Эпревиль. Рыцари проявили благоразумие, заключив договор, который подписали аббат Дю Бек и магистр Нормандии.

Почти повсюду в этой богатой провинции возникали небольшие командорства вроде Бургуля (в Арканси, Эвр), которые были обязаны своим появлением щедрости Робера Кrespена, сына барона д'Этрепани и Агнесы де Рувруа. В 1219 году эти командорства расширились благодаря нескольким пожертвованиям от членов той же семьи (племянник, внучатый племянник и т.д.) и в конце XIII века получили автономию.

Аналогичный процесс роста мы обнаруживаем на Юге. В Пюи-ан-Велее в 1170 году была основана обитель тамплиеров, расположенная за городской чертой, недалеко от Авиньонских ворот. Первоначальный домен Сененжоль, находившийся у подножия холма с тем же названием, постепенно увеличился за счет прилегающей части леса, луга и сельскохозяйственных построек (крытые гумна), затем охватил близлежащие приходы: Фрейсине, Бельвезе, Бенаморель. От этого весьма обширного владения были отрезаны земли в достаточном количестве, чтобы на них основать целых три командорства — Монредон, Советат и Марлетт. Командорство, из которого они выделились и от которого зависели, само подчинялось обители в Монпелье.

В *Vaure* (Тарн) в 1140 году было основано командорство на пожертвования местных сеньоров, рыцарей де Пенна и де Монтегю, графа Тулузского и благочестивых мужей Сетфона и Шанселада. В XIII веке местные тамплиеры имели владения в семи кантонах, а

их доходы складывались из десятины, прав на выгон и на труд «подаренных» крепостных. Как и в других местах, пришлось дробить и это командорство, слишком обширное, чтобы можно было должным образом управлять им. Так появились командорства Монрику и Ла Капель-Ливрон. О тамплиерах Ваура рассказывали, что граф Тулузский уступил им все права на Кастр и его окрестности, сохранив за собой только символическое право сеньора на... хищных птиц.

В Монсонэ (верховья Гаронны) местные сеньоры Монпезат, Рокфор, Кут, Аспе и другие также выказали великодушие и пожаловали тамплиерам домены, виноградники, поля, крепостных с семьями, целые фьефы и всевозможные права. Додон граф де Комменж, кроме того, подал прекрасный пример, в 1176 году лично вступив в ряды тамплиеров и принеся щедрое приданое в командорство. Правда, еще и до него некоторые незначительные сеньоры облачались в белые плащи и отдавали Ордену все свое достояние, например, Раймон Ат д'Аспе в 1156 году или Раймон-Гилем де Кут в 1168 году. В XIII веке командорство Монсонэ включало в себя десяток приходов, что привело к появлению самостоятельного командорства Сен-Сирак. Шарль Игуне, тщательно исследовавший его картулярий (98 документов, датированных с 1156 по 1193 год), насчитал сорок безвозмездных даров, чуть больше даров за вознаграждение (под вознаграждением понимались ипотечные ссуды), прочие акты касались случаев обмена и купли.

Среди владений Монсонэ Игуне особое внимание уделил местности Плань, расположенной в кантоне Газер (верховья Гаронны). Эта небольшая лесистая долина была подарена Раймон-Гилемом де Кутом (1168) и Бернаром де Кутом (1169). Долгое время она служила войску командорства местом для учений. В конце XIII века в этом краю появилось множество мыз (или деревень новоселов). Командор (или прецептор — термины синонимичны) Монсонэ, Серебрэн де Пэн, объединился с сеньором этой области Раймоном д'Аспе для строительства деревни в Плани, на очищенном от леса участке. Хартия о пожалова-

нии привилегий этой деревне (от 1303 года, незадолго до ликвидации Ордена тамплиеров) представляет огромный интерес. Намеченная под строительство территория была разделена на участки для возведения домов с индивидуальными садами, на участки обрабатываемых земель, на которых разрешалось возводить гумна, и на коллективные пастбища для скота. Поселенцы наделялись весьма широкими правами: абсолютной гарантией личной свободы, за исключением многочисленных оброков и обязательства нести караульную службу; самоуправлением, осуществлявшимся через четверых консулов и четверых присяжных советников, правда, поставленных под контроль бальи, представлявшего интересы совладельцев — в данном случае командора Монсонэ и Раймона д'Аспе. Специальный кодекс трактовал правонарушения и положенные за них наказания: чувствуется присущий тамплиерам дух методичности! Пожалованные Планю привилегии намного опередили свою эпоху, ибо ни одна из старых деревень не могла похвалиться подобными вольностями. Возможно, храмовники с присущим им чувством реализма стремились таким способом привлечь к себе сторонников. Случай беспрецедентный, но он служит весьма убедительным доводом, опровергающим утверждение об отсутствии у тамплиеров аграрной политики и о том, что земля интересовала их только с точки зрения прибыли и они предпочитали получать десятины и прочие подати, которые легко было взимать и которые обеспечивали постоянный доход. Мы еще вернемся к Планю в конце нашего повествования.

В *Лангедоке*, подчеркивает Жерар, командорства тамплиеров процветали с самого возникновения Ордена, что объяснялось, так же как в Провансе и в Испании, близостью сарацин. Жерар указывает, что в Каркассоне и Брюкафеле храмовники появились в 1132 — 1133 годах, в Ма-де-Куре — в 1136 году, в Пома — в 1138 году, в Пьёссе — в 1139 году, в Эсперазе — в 1140 году, в Сен-жан-де-Карьере — в 1153 году. Более подробно он исследовал командорство Дузан (Од), опубликовав его замечательный и содержа-

тельный картулярий. Я могу лишь отослать любознательного читателя к этому источнику. Как и Монсонэ, Дузан образовался в 1133 году благодаря щедрости местных сеньоров, семей Барбейра и Кане, к которым вскоре присоединился самый могущественный местный аристократ — виконт Роже де Безье. Как и в Монсонэ, имущество тамплиеров складывалось из пожалований, безвозмездных или за вознаграждение, обменов и покупок. К этому добавлялись особые права. Однако существовало и отличие: здесь рыцари Храма стремились приобрести мельницы на реках Ода, эксплуатация которых сулила значительные выгоды.

Дарения

Исследование картуляриев позволяет сделать ряд замечаний общего характера. Прежде всего, главный способ приумножения богатств Ордена совершенно естественно состоял в дарениях, которые, однако, принимали различные формы и иногда прикрывались юридическими сделками, в наши дни получившими иное название. Во-вторых, обильные и частые в XII столетии, в первой половине XIII века дарения проявляют тенденцию к сокращению, а с 1250 года становятся единичными. Свидетельствует ли это об охлаждении общества к тамплиерам? Коснулись ли Ордена первые, губительные для его репутации подозрения? По всей вероятности, все же нет, несмотря на известную критику, вызванную алчностью некоторых командоров или столкновениями с духовенством по поводу взимания десятин. Между тем знатные семьи, так же как мелкие и средние сеньоры, больше не проявляли щедрости. Не потому, что Орден пал в их глазах, а просто сами они в целом сделались менее богатыми. Крестовые походы заметно истощили их. Кроме того, после потери Иерусалима Святая Земля считалась уже утраченной, и дух Крестовых походов отошел в прошлое, несмотря на неудачную авантюру Людовика Святого в Мансуре, а возможно, благодаря ей. Правда, общество еще не решилось возложить на храмовников ответственность

за все невзгоды, пока еще нет! Но оно склонялось к этому, учитывая неблагоприятный ход событий. Наконец, в обществе не без зависти взирали на увеличение богатства Ордена: почему, собственно, они так богаты? И на что в дальнейшем послужит им это богатство? Так зарождался ропот, через пятьдесят лет вылившийся во вспышку ненависти и приведший тамплиеров к гибели...

Но вернемся назад, то есть в ту эпоху, когда дарения в изобилии сыпались на командорства храмовников. Понятно, что, вступив в ряды Ордена, богатый человек желал принести с собой какое-то имущество, своего рода приданое, — так поступил и граф де Комменж, принятый в Монсонэ. Можно понять и тех, кто дарил Ордену, чтобы в конце жизни быть допущенным в его ряды и чтобы после смерти их тела, облаченные в белые плащи, погребались на кладбище тамплиеров. А что же другие? Вспомним еще раз, насколько глубока и горяча была вера в ту эпоху, насколько она была живой и как тесно соприкасалась с повседневной жизнью. Какой ужас испытывали люди перед адом и дьяволом и какая надежда на обретение рая двигала ими! Дарение, если оно носило добровольный характер, прямо или косвенно обуславливалось религиозной концепцией, даже если дарили из чувства восхищения (порой неосознанного) тамплиерами. Рыцарям Храма жертвовали из христианского милосердия, потому что они величали себя бедным воинством Христовым и потому что действительно ни один из них не владел собственным имуществом. Однако гораздо чаще дарение совершалось *«pro amore Dei et remissione peccatorum»* — ради любви к Всевышнему и отпущения грехов, а нередко — просто в благодарность за определенные услуги. Случалось и так, что дарители, исполненные желания снискать духовные блага и воспользоваться молитвами рыцарей Ордена тамплиеров, не имели возможности уступить свое имущество без компенсации. В таком случае составлялся документ дарения-продажи — дарения части имущества и продажи другой его части в виде вознаграждения за понесен-

ный ущерб. Бывало, что даритель сохранял за собой право собственности или взимания платы за наем, и тогда дарение приобретало характер долгосрочной аренды. В иных случаях дарение покрывалось займом, гарантированным земельной собственностью, — по типу ипотеки.

Термин «дарение» применялся в равной степени к сдаче внаем поземельного налога (передача земли в аренду за плату деньгами или продуктами), к обмену или к особому акту передачи крепостного с его семьей и участком, точнее — к передаче прав на труд этого человека (к счастью, в XIII веке подобная практика сократилась в результате эволюции общества). Имели место и случаи передачи Ордену тамплиеров самого себя: «поручить» себя Ордену означало обрести надежную защиту и многочисленные льготы, но после смерти человека все его имущество отходило храмовникам. Этими операциями не исчерпывались все виды деятельности Ордена. Находились братья, неразборчивые в средствах, которые слишком преуспевали, выманивали чрезмерные пожертвования и в конце концов заслужили совершенно справедливые упреки современников. Но ведь старались-то они не для себя, а для Ордена и в конечном счете для Бога! Что действительно изумляет в манере тамплиеров вести дела, так это упорство в достижении намеченной цели, последовательность действий, ловкость и терпение в собирании разбросанных владений и в повышении рентабельности производства, другими словами — их методы укрупнения земельного хозяйства. Они вырубали леса, когда считали это необходимым, рыли пруды и осушали затопленные поля. На командорствах Запада лежала обязанность приносить пользу, чтобы пополнять казну. Как таковое богатство для тамплиеров ничего не стоило.

Два хозяйства

Земли, удаленные от командорства, отдавались внаем «вилланам», социальный статус которых, упомянем мимоходом, уже позволял им накапливать

имущество, достаточное даже для женитьбы на горожанке. Напротив, земли, прилегавшие к обители тамплиеров, эксплуатировались непосредственно под контролем братьев-служителей. Более того, именно в житницы командорства стекались собранные десятины и натуральные оброки. Здесь сосредоточивались работники разных специальностей, поголовье скота и земледельческий инвентарь. Исследование двух описей, одна из которых, относящаяся к командорству Божи, была опубликована Лизерандом, а другая, по командорству Пайена, — аббатом Петрелем, позволяет составить довольно полное представление о внутренней организации сельскохозяйственных командорств, их движимом имуществе и благосостоянии.

Когда в пятницу 13 октября 1307 года — в день ареста тамплиеров — бальи Кэна Жан де Веррто описывал имущество командорства Божи (Кальвадос, приход Планкери, кантон Бальруа), ситуация оказалась следующей.

В домене, управлявшемся непосредственно из обители храмовников, насчитывалось 14 молочных коров, как дойных, так и стельных, три телки, один бычок, восемь телят, два взрослых быка и три «головы рогатого скота» (так обычно называли крупный скот, речь, безусловно, идет о быках); 98 свиней, одна свиноматка с восемью поросятами, один поросенок старше года; восемь упряжных кобыл, восемь жеребят, конь командора и пять пахотных и ломовых лошадей.

Вокруг обители располагались 18 акров, засеянных рожью и пшеницей, 24 акра — ячменем и кормовой мешанкой, 15 — овсом, 14 — горохом и шесть — викой.

В восьми закромах обнаружили четыре воза сена. В тот момент ожидалось поступления различных рент, выплачиваемых пшеницей, ячменем и овсом. Урожай конопли оценили в 100 су. В кладовой хранились запасы свиного сала, говядины, пива и перебродившего напитка (для лакеев и слуг), полбочки вина и несколько хлебов.

Сельскохозяйственный инвентарь был представлен тремя окованными железом телегами и тремя плугами.

Домашняя птица оказалась столь многочисленной и, по-видимому, представляла так мало ценности, что никто не взял на себя труд ее пересчитать, даже гусей.

Кухня, о размерах которой можно догадываться, была полна домашней утвари: сковородки, рашперы, металлические и глиняные горшки, котлы, сосуды всех размеров, крюки для подвешивания котлов над огнем, таганы. В погребе нашлась дюжина оловянных кружек и фляг, шесть пустых бочек, разные тазы и оборудование для приготовления пива.

В спальне и других комнатах имелось 20 кроватей с перинами и простынями, некоторые были снабжены и одеялами. В сундуках хранились 14 скатертей и 30 аршин неразрезанного полотна.

Часовня не отличалась особой роскошью, ибо агенты бальи вынуждены были констатировать, без дополнительных уточнений, что обнаружили там книги и алтарные украшения помимо церковных облачений.

С особой тщательностью они описали комнату командора. Похоже, их любопытство было вызвано служебным рвением — они ожидали больших денег или ценностей! А нашли три массивных серебряных кубка, один сильно потертый кубок из оникса, отделанный серебром, деревянные кубки, кровать с двумя покрывами и одеялом, кусок довольно красивой шелковой ткани, покров цвета индиго, предназначенный для одного из братьев и недавно купленный. Гардероб командора состоял из трех кафтанов, подбитых мехом, четырех камзолов, трех плащей и одной мантии-дождевика. В «ларе» хранились различные одежды, в том числе одна женская туника: она послужила залогом за ссуды, предоставленные командорством, и командор называл имена людей, получивших эти ссуды. Наличных денег не оказалось, ибо они были вложены в различные платежи.

Опись не сообщает, сколько братьев обитало в Божии. Зато она указывает, что в командорстве числился один капеллан и один писарь, и перечисляет весь обслуживающий персонал. В списке значатся один пастух и один скотник, один смотритель за жеребятами, шесть пахарей (названных хранителями плуга), один

привратник, один хлебопек, один пивовар, два комнатных лакея, один лесничий, три молочника (занятых производством масла и сыра), один младший свинопас, один лакей, приставленный к командору, один пастух гусей и трое престарелых лакеев, зачисленных на довольствие, — всего 25 человек, которых королевскому синдиксу надо было кормить в ожидании решения судьбы Ордена и передачи его имущества. Поэтому становится понятна тщательность перечислений и тот факт, что имя, прозвище и функции каждого слуги аккуратно записывались. Что до нас, то мы просто запомним состав «штата» Божи. Он подбирался, исходя из образа жизни и скотоводческих нужд, и в любом случае свидетельствует, что тамплиеры не только отдавали свои земли внаем, но и обрабатывали их самостоятельно, когда находили это нужным.

Относительно командорства Пайена документы дают еще более полную картину. Как известно, оно было основано знаменитым Гуго де Пайеном, первым Великим магистром Ордена тамплиеров, и располагалось в 12 километрах от Труа. Аббат Петрель опубликовал хозяйственные счета двух королевских синдиков, Жана де Уля и Томаса де Савьера, причем второй документ сопровождается подробной описью.

Из этих источников следует, что тамплиеры Пайена ежегодно собирали урожай в 745 буассо пшеницы, 92 — суржи, 2290 — ржи, 804 — ячменя, 5636 — овса и приготавливали 12 мюидов вина. Также они заготавливали 84 больших сыра и отжимали 120 кварт масла из плодов орехового дерева со своих плантаций. Храмовникам также принадлежал десяток пчелиных ульев, и часть меда шла на продажу.

Исполняя приказ Филиппа Красивого — мы еще вернемся к этому важнейшему пункту, — Томас де Савьер ликвидировал поголовье скота, состоявшее из 54 быков и коров, 25 свиней, восьми откормленных боровов и одной свиноматки, четырех тягловых лошадей и 855 овец.

Штат домашней прислуги насчитывал не менее 27 человек: четырнадцать волопасов, шесть пастухов, три возчика, один пекарь, один работник на гумне,

один привратник и один скотник. В тексте указывается на наличие «сестры» тамплиеров и ее служанки, а также человека с функциями мажордома, ключника (хранителя ключей от разных помещений обители). Этот персонал не был полностью прикреплен к командорству, а нанимался на ограниченное время, от Дня святого Иоанна до Дня святого Мартина. Согласно записям Томаса де Савьера мы можем судить о размерах оплаты их труда. Работник гумна получал 25 сольдо, учитывая его значение для сохранения урожая, а пастух — 5 сольдо. Возможно, это были приличные заработки, ведь работники, кроме того, имели в командорстве еще стол и кров, ибо люди Филиппа Красивого поспешили уменьшить их число, хотя объем работ после ареста тамплиеров оставался неизменным.

Что же подавалось на стол? Ржаной хлеб для прислуги и ситный для братии (если бы люди короля соблюдали тот же режим, что, впрочем, представляется совершенно невероятным!). Хлеб готовился из смеси ржи и пшеницы. На большие религиозные праздники к столу подавался белый хлеб, закупавшийся у булочника. Ржаной и ситный хлеб замешивал и выпекал пекарь командорства. Свинина употреблялась вволю; ее заготавливали впрок в больших контейнерах для соления. Много потреблялось и овощей со своего огорода. Широко употреблялись сыры из овечьего молока. Мясо из мясной лавки (говядина и телятина) подавалось только ради особых случаев; так же, как и белый хлеб, оно закупалось на стороне. Чем же запивали эту еду? Водой и, возможно, ячменным пивом. Тем не менее девять слуг, названных по имени, имели право на употребление вина: сестра тамплиеров и ее служанка, пекарь, старший возчик и т.д. Разумеется, королевский синдик всех их посадил на воду, оставив погреб, скорее всего, для себя.

Как и в Божии, обширная кухня была заставлена разнообразной утварью, но синдики, сверх того, упомянули два больших стола с лавками, буфеты, лари, бочки и кружки для вина.

Часовня была обставлена с большой заботливостью. Там имелись три алтарных украшения, два ли-

можских креста (эмаль по меди), один серебряный крест, серебряная дароносица, два кувшина для воды (медный и оловянный), четыре подсвечника, из которых два медных, серебряный позолоченный потир, три ковчега, два шелковых мешочка, где также хранились реликвии, три алтарных покрыва, требник, псалтирь, стихарь, молитвенник и служебник (сборник литургических служб, регламентирующий ежедневные богослужения).

В комнате командора и в спальне, помимо кроватей и принадлежностей туалета (одного таза для умывания и одного таза цирюльника), не было никаких дорогостоящих предметов, кроме разве что стёганого одеяла, которое служило парадным покрывалом. Следует отметить, что ни братия, ни командор не стремились к особому комфорту и красоте. Помимо украшений часовни, предназначенных для богослужения, там не было ничего замечательного. Условия проживания прислуги ничем не отличались от устройства быта братии; то же самое касалось и питания, ибо хотя Устав и предусматривал две-три смены блюд для братии вместо одного для прислуги, за раз они могли съесть только одно. К тому же братию наказывали воздержанием, от чего работники были освобождены. Если к сказанному добавить, что заработная плата являлась достаточной и выплачивалась аккуратно, то можно заключить, что тамплиеры не испытывали недостатка в рабочей силе. Более того, на их работников распространялась духовная благодать Ордена и его весьма действенная защита. Они носили крест тамплиеров, которым помечался также скот и, возможно, даже телеги.

Городское командорство

В *Провене* тамплиерам принадлежало два¹⁷ командорства: Валь-де-Провен, расположенное за пределами городских стен, как следует из самого названия, и Мадлен, в верхнем городе, близ ворот Жуи. Коман-

¹⁷ Скорее три, если учитывать командорство Святого Креста.

дорство Валь специализировалось на сельском хозяйстве, а Мадлен — на коммерческой деятельности. В действительности, учитывая обширность их владений, значительность и сложность их прав и выплачиваемых им оброков, братья Провена просто вынуждены были ввести специализацию. Устройство обители тамплиеров в этом городе не представляло собой чего-то необычного, оно было аналогично устройству почти всех крупнейших командорств. Здесь, как в прочих местах, пожертвования знатнейшего сеньора повлекли за собой более скромные дары местного дворянства и буржуазии. В Провене главным благотворителем нового Ордена стал граф Шампани и Бри. В XIII веке первоначальный домен тамплиеров расширился в северном, южном и юго-восточном направлении от города и состоял из пашен, лугов, виноградников и леса. Но Ордену принадлежали и земли в окрестных приходах, а также относящиеся к ним участки леса. Тем не менее их основные ресурсы складывались не из продуктов сельского хозяйства, и именно поэтому Провен привлекает особое внимание исследователей.

Местные тамплиеры являлись собственниками семидесяти домов и лавок, большая часть которых имела прилегающие сады и располагалась на наиболее людных улицах города. Сдачей внаем своей недвижимости они извлекали существенный и регулярный доход. К командорству Валь относились мельница, называвшаяся «тамплиерской», и мельницы по реке Варенне, приносившие владельцам огромную прибыль, к которой добавлялось право на помол муки. За помол здесь взималась специальная плата, а поскольку выпекать хлеб из полученной муки можно было только в пекарне тамплиеров, они извлекали выгоду и из этой привилегии. В принципе только лица, каким-либо образом связанные с Орденom, имели право молотить зерно на его мельнице и печь хлеб на его пекарне, но, поскольку тамплиеры имели обыкновение вводить более выгодные тарифы, их клиентура неуклонно расширялась, что вызывало недовольство буржуазии города, обвинявшей

тамплиеров в недобросовестной конкуренции. Большой доход храмовникам приносила рыба, изобиловавшая в мельничных запрудах. Наконец, они сами торговали своим вином, которое пользовалось хорошим спросом. Поскольку они не имели права на его перевозку, то количество бочек в их подвалах постоянно росло, что также порождало недовольство, которое приходилось подавлять местным графам.

И все же основная деятельность провенских тамплиеров заключалась в ином. Ярмарки Провена в то время уже снискали почти международную славу: майский торг продолжался сорок шесть дней, а ярмарка, открывавшаяся в День святого Мартина, охватывала весь ноябрь. Кроме того, каждый вторник тамплиеры торговали в городе или в замке. В Провене процветала весьма активная для своего времени торговля шерстью, пряжей и кожей, которую графы Шампанские облагали специальным налогом. Испытывая большую нужду в деньгах, граф Анри уступил право взимания этого налога тамплиерам. С этого момента ни один клубок пряжи, ни одна кипа шерсти, ни один кусок сукна не продавались без уплаты предварительного налога. В 1214 году храмовники приобрели у Ги де Монтиньи монополию на мясо и на животных скотобойни. В 1243 году, когда в Провене функционировало уже двадцать пять кожевенных мастерских, они получили монополию на шкуры. К этой вызывавшей беспокойство монополии они добавили монопольное право на торговлю зерном. Одновременно они аннексировали фруктовые лавки старого рынка, в то время как продукты, получаемые с их земель, продавались непосредственно в городе.

Основная часть этой прибыли поступала в казну Ордена и направлялась на защиту крепостей в Святой Земле. А остальное? Тамплиеры Провена употребляли эти излишки на приобретение имущества, приносившего непосредственную прибыль, новых десятин и прочих регулярных доходов. Они даже выдавали ссуды, не ростовщические, под малые проценты, но под своего рода ипотечную гарантию: в случае невозвращения долга имущество отходило

Ордену тамплиеров. Эти ссуды послужили основой для заключения двух видов контрактов, хорошо известных медиевистам и историкам права: заемщик уступал залог во временную собственность своему кредитору вплоть до фиксированной даты погашения долга; краткосрочные залоги в виде продуктов и рент принимались до погашения ссуды. Между тем, каково бы ни было условие и невзирая на «благодетельства и учтивость Ордена», большая часть недвижимых закладов оставалась в полной собственности рыцарей Храма. Так же было, когда кого-то из братии просили выступить поручителем. Тамплиеры были мудрыми администраторами, и они подвергались суровым наказаниям в случае нанесения ущерба Ордену, если не соблюдались необходимые меры предосторожности. Что ожидало неплательщика? У него «учтиво» секвестрировали какое-либо ценное имущество или право на хороший доход. Поэтому понятно, что храмовников повсюду недолюбливали, вопреки их репутации, их истинным жертвам и подвигам в Святой Земле. И при всем том тамплиеры Провена со своими фискальными агентами, лавочниками, реестрами счетов не помышляли ни о какой личной выгоде! Они не отличались от прочей братии ни лучшим питанием, ни лучшей одеждой, не были освобождены от постов и наложения епитимьи. Единственной наградой им служила возможность применить свое усердие и ум ради обогащения Ордена. С полным самоотречением они собирали налоги, ни на минуту не ослабляя своей бдительности среди ярмарочной толпы. От них требовалась не меньшая отвага, чем от их сражающихся братьев. Тамплиеры Провена внесли свою лепту в упрочение славы и могущества Ордена и знали это, быть может, слишком хорошо.

Париж, банк тамплиеров

Парижская резиденция Ордена тамплиеров являлась центральной в провинции Франция и в течение нескольких лет служила местонахождением Велико-

го магистра Ордена, другими словами, главной резиденцией после потери крестоносцами Акры. Прежде всего благодаря своему положению и своим собственным доменам она выступала в качестве первого французского командорства. В городе, за пределами обширного «квартала тамплиеров», оно занимало целые улицы. Квартал был окружен стеной; в центре его возвышался мощный донжон, неизменный вид которого запечатлен на картине, изображающей пленение Людовика XVI, Марии-Антуанетты и дофина Людовика XVII в 1793 году. Действительно, при виде такой неприступной крепости невольно возникает вопрос, для чего тамплиеры построили ее. Она подобна самым лучшим замкам храмовников в Святой Земле, а возможно, даже превосходит их. Но чего боялись они в густонаселенном городе, находясь под благосклонным покровительством короля Франции? Желали ли они таким образом подчеркнуть величие Ордена, другими словами, не доверяя королям? Но эти короли непрестанно осыпали тамплиеров почестями и привилегиями. Единственное логическое объяснение состоит в том, что великое парижское командорство служило центральным банком Ордена и одновременно постоянным местом хранения королевских сокровищ, нечто вроде Французского банка. Его донжон, его башни и пояс укреплений имели одно предназначение: они были чрезвычайно нужны во имя доброй репутации Ордена, как гарантия того, что средства, вложенные другими командорствами или вверенные королем либо знатными людьми королевства, находятся в безопасном месте. Лондонское отделение Ордена служило той же цели в Англии, так разве не брали его приступом и не взламывали его сундуков? Мы, однако, не будем отрицать желания подчеркнуть могущество тамплиеров и их высокий ранг в феодальной иерархии.

Башня Коломбье — так в народе именовали башню Цезаря как в Провене, так и в иных местах — была самой древней; ее строительство относится к последней четверти XII столетия. Донжон, возведен-

ный во второй половине XIII века, представлял собой массивную, квадратную в основании башню, обрамленную по бокам четырьмя башенками, под высокой пирамидальной крышей, крытой черепицей. Донжон имел 50 метров в высоту, 19,50 метров в длину и 13,50 метров в ширину, толщина его стен равнялась 2,27 метра. Диаметр боковых башенок превышал 5 метров. Это впечатляющее строение разделялось на четыре этажа, не считая верхнего, где находилась площадка для дозорных; крыша здания опиралась на стенные зубцы. Главные залы были выведены под стрельчатые своды.

В XIII веке часовня командорства, построенная в виде ротонды по образу храма Гроба Господня в Иерусалиме и подведенная под «зонтичный» свод, превратилась после расширения и ряда последовательных пристроек в значительную церковь. Первоначальная ротонда, так сказать, утонула в ансамбле, превратившись в едва различимую его часть. Поскольку лондонское отделение Ордена тоже имело часовню в виде ротонды, долгое время считалось, что тамплиеры выработали собственный архитектурный стиль, относительно которого возникло множество теорий, столь же хрупких, сколь и блестящих. В действительности же почти повсюду в Европе архитекторы, не принадлежавшие к Ордену тамплиеров и не работавшие на него, также имитировали церковь Гроба Господня. Те, кто бывал в командорствах разных регионов, отдают себе отчет в том, что храмовники, напротив, не имели собственного архитектурного стиля. Они на свой вкус стремились к простоте, продиктованной духом экономии, и к основательности. В остальном они следовали местной моде, получившей распространение в провинциях, где располагались их командорства, и духу времени, детьми которого являлись. Таким образом, они строили часовни и в чисто романском, и в готическом стилях. Естественно, строились часовни в типично западно-французском, южно-французском или шампанском стилях. Кроме того, в орнаментации просматривается склонность к растительным моти-

вам, листьям плюща и особенно дуба. Босеронские командорства, например в Суре, по внешнему облику близки крупным фермам этого региона, а лангедокские аналогичны мызам, которые можно видеть в этой области и в наши дни. Военное предназначение и строгость линий обуславливали отсутствие поиска новых решений в архитектуре и орнаментике, но если подаренные здания имели некоторые украшения, тамплиеры оставляли их. Если усадьба имела укрепления, стены и башни, то их оставляли и даже ремонтировали, но никаких дополнительных построек там уже не производилось, ибо, по крайней мере на Западе, чего было опасаться?

В Париже существовала другая проблема, порожденная тем, что население, с которым непосредственно соседствовало командорство, не пользовалось доброй репутацией: авантюристы всех мастей смешивались с ремесленниками и лавочниками, связанными каким-либо образом с Орденом. Один пример: на месте современной улицы Франк-Буржуа, расположенной по соседству с кварталом тамплиеров, тогда был Двор чудес, где каждую ночь открыто нападали на прохожих и убивали их. Как и в Провене, но в более сложных условиях, братья в белых плащах сдавали внаем дома и лавки, через посредников занимались продажей продукции своих ферм. Благодаря привилегии, пожалованной королем, они даже владели мясными лавками, взимая с покупателей весьма умеренную плату, чем наносили ущерб корпорации парижских мясников, горько сетовавших на подобную конкуренцию.

Не только мясная торговля выделяла парижскую резиденцию тамплиеров, но и банковская деятельность, особая специализация в данной области. Их счетоводы сравнивались в умении и сноровке с банкирами Ломбардии, но выгодно отличались от них своей добросовестностью. Казначей парижского командорства удачно исполнял деликатные функции советника королей Франции по финансовым вопросам, особенно в тот период, когда эти государи направляли свои усилия на создание эффективной ад-

министративной системы, не обладая для этого достаточными средствами. Значительные суммы, которыми располагал казначей парижского командорства, позволяли ему не только авансировать короля и поддерживать замки в Святой Земле, но и проводить ряд финансовых операций, еще больше увеличивавших богатство Ордена.

Каков же был источник этих средств? Прежде всего парижское командорство располагало доходами со своих доменов, как и все прочие командорства, причем эти доходы были громадными. Далее, командоры всех командорств, как малых, так и больших, обязаны были через регулярные промежутки времени передавать Ордену излишки, полученные от своей хозяйственной деятельности. Вряд ли требуется уточнять, что эта деятельность строго контролировалась и недочеты не допускались. Кроме того, со времен Филиппа Августа парижское командорство хранило королевскую казну, другими словами, весь объем налоговых поступлений. Если король вводил экстраординарный налог, он поручал тамплиерам его взыскание. Такая обязанность хранить королевскую казну быстро обернулась тем, что казначей тамплиеров превратился в управляющего государственными фондами — по этой причине он и был введен в королевский совет. Разветвленная организация Ордена (приорства, бальяжи, командорства) упрощала ведение финансовых операций. И, наконец, все более многочисленная клиентура — сеньоры, паломники, купцы — доверяла Ордену значительные вклады. Собственно говоря, не было никакого новшества в том, чтобы помещать деньги или драгоценности в монастырь или в церковь, принимая во внимание иммунитет и защиту, которыми пользовались религиозные учреждения, и конечно же их безупречную репутацию. Мощная крепость банкиров парижского отделения Ордена служила гарантией надежности — она внушала доверие, почти такое же, как опытность и честность в ведении дел казначея и его помощников. Оригинальность тамплиеров, по сравнению с другими духовными учреждениями, со-

стояла в том, что они, подобно итальянским банкирам, держали деньги в постоянном движении, что открывало новые возможности, которых не было прежде. Но, пожалуй, стоит рассмотреть это поподробнее, даже рискуя наскучить читателю.

Когда клиент передавал парижским тамплиерам определенную сумму, на его имя открывали своего рода текущий счет, после чего по его требованию ему производились выплаты. Кроме того, храмовники брали на себя труд по оприходованию его доходов, как то: сумм, причитающихся ему в порядке исполнения контрактов, или возвращенных долгов. Доходно-расходные счета закрывались три раза в год: на Вознесение, День Всех Святых и Сретение. И даже королевская казна также считалась, по крайней мере в первое время, текущим счетом. Клиенты заводили платежные векселя, по которым можно было получить деньги не только в кассе парижского отделения Ордена тамплиеров, но и в других командорствах. Их сеть покрывала почти всю территорию Франции. Осознавались ли удобство и новизна этой финансовой операции? Таким же способом можно было переводить денежные суммы, не перевозя реальных денег, из одного командорства в другое, из парижского отделения Ордена в лондонское или в Акру. И вообще, когда два клиента имели текущие счета в банке тамплиеров, взаимные платежи осуществлялись посредством простой записи в счетных книгах.

Располагая значительными суммами наличных денег, Орден тамплиеров был в состоянии предоставлять ссуды, что порождало щекотливую проблему. Церковь принципиально осуждала дачу денег в заём под проценты, а банковская прибыль почти всегда носила ростовщический характер. Правда, она не могла совершенно запретить эту деятельность. К тому же существовал способ обойти этот запрет: проценты с ссуды взимались вперед путем фиктивного завышения суммы долга. Вполне вероятно, что тамплиеры действовали подобным образом, хотя и не приходится сомневаться в том, что французским

королям они предоставляли беспроцентные ссуды — они извлекали больше выгоды, прямой или косвенной, являясь банкирами государства. Вообще же они проявляли большую осмотрительность, давая в долг только платежеспособным клиентам. Они требовали залог, по крайней мере покрывавший сумму займа. Король Иоанн Безземельный, чтобы получить у тамплиеров заём в 3 тысячи марок, должен был депонировать золото на эту сумму. Чаще всего, как уже говорилось, в залог принималась земельная собственность, в случае невозвращения долга остававшаяся у тамплиеров. Если же долг не возвращался в установленный срок, заемщик должен был уплатить штраф.

Добрая репутация тамплиеров была столь прочна, что даже самые важные особы добивались их ручательства. Однако нам хорошо известно, что они не давали подобного рода гарантии, сопряженной с риском и для чести, и для финансов Ордена, предварительно не приняв свои меры предосторожности и не получив от этого выгоду для себя. Им доверяли также секвестрованное имущество, ожидая исполнения контракта. В 1158 году при заключении брака сына короля Англии с дочерью Людовика VII им была поручена охрана трех замков, включенных в приданое невесты (в том числе и знаменитого замка Жизор, из-за которого было изведено столько чернил!).

Парижское отделение Ордена тамплиеров было резиденцией должностного лица, носившего титул магистра Франции и являвшегося наместником Великого магистра. Он подчинялся командору, так же как и все командорства. Однако лицом, в конечном счете наиболее известным и наиболее почитаемым, был простой брат, исполнявший обязанности казначея, ибо он контактировал с королем, участвовал в работе его совета и Счетной комиссии. Эта комиссия, предшественница современной Счетной палаты, заседала в резиденции тамплиеров и контролировала деятельность королевских чиновников.

В стене, окружавшей квартал храмовников, существовали открытые для публики окошечки, через которые принимались и выдавались денежные суммы,

залог и платежи, даже ренты и пенсии, пожалованные королем. Каждый кассир вел свой собственный учет, что было непростым делом из-за отсутствия единой монетной системы. Эти операции затем вносились в учетные книги. Счетных машин тогда не было, поэтому пользовались неким подобием шахматной доски, расчерченной на клетки, в которые записывались цифры. По этим математическим таблицам получили свое название два наиболее крупных финансовых совета: Шахматная доска Нормандии и Шахматная доска Англии.

Тамплиеры Англии и Испании, само собой разумеется, сотрудничали с парижским отделением Ордена, предоставляя ссуды. Подобно французским тамплиерам, они являлись хранителями казны своих суверенов. И все же подлинным центром банковской деятельности рыцарей Храма был Париж. В этом качестве тамплиеры играли выдающуюся экономическую и социальную роль, внося благодаря своим смелым инновациям вклад в облегчение денежного обмена и тем самым в развитие торговли. На наш взгляд, весьма показательно, что невозможно обнаружить и следов недовольства их деятельностью, даже среди сподручных Филиппа Красивого во время процесса над тамплиерами. И тем не менее было очень удобно обвинить их в хищении государственных средств, дабы получить «легальный» способ завладеть их богатствами.

Карта владений тамплиеров во Франции

С помощью картулярия, опубликованного маркизом д'Альбоном, можно составить карту владений тамплиеров. Я предпринял такую попытку, но получился лишь набросок, представляющий весьма относительный интерес — по двум причинам. Во-первых, картулярий д'Альбона охватывает лишь часть периода существования Ордена. Во-вторых, многие документы утрачены. Ряд местностей, получивших название от слова «тамплъ» («храм»), ошибочно ассоциируются с тамплиерами (храмовниками). И на-

оборот, многие командорства тамплиеров не могли быть идентифицированы за неимением документов.

Таким образом, благоразумие подсказывает не делать скороспелых заключений, а ограничиться лишь некоторыми общими наблюдениями. В распределении известных, наиболее значительных командорств выделяются две принципиальные зоны с почти одинаковой плотностью: северо-западная четверть Франции и на юге дуга Средиземноморского побережья. Очевидно, что в северной зоне определяющую роль сыграл собор в Труа, поскольку в течение нескольких лет владения тамплиеров распространились, начиная с Шампани, на Иль-де-Франс, Пикардию, Артуа, Фландрию и Франш-Конте. На Провансальском побережье, в Руссильоне, в Пиренеях, близость сарацин определенно ускорила распространение дарений: признавалась общественная полезность воинских контингентов тамплиеров, находившихся в боевой готовности.

Что касается прочих регионов, то можно констатировать, что резиденции тамплиеров были наиболее многочисленны вдоль больших путей сообщения и дорог, по которым двигались паломники, особенно те, кто отправлялся в Сантьяго-де-Компостела. Напомним, что охрана дорог была первейшим призванием этих воинов Христовых. Так было в Турени, Пуату, Сентонже и в долине Роны.

Однако чаще всего создание командорства не являлось результатом свободного выбора. Оно было следствием щедрого дарения, служившего примером, вызывавшим благочестивое подражание. Например, в районе Тулузы оно приобрело характер повального увлечения. Как бы то ни было, в середине XIII века сеть командорств покрыла почти всю территорию Франции. Тамплиеры присутствовали на всех важных ярмарках. Они закрепились даже в двух портовых городах: в Ла-Рошели на Атлантике и в Марселе на Средиземноморье.

КОМАНДОРСТВА ВОСТОКА

Тамплиеры грязны, госпитальеры отвратительны, но любой из них полон рвения и не подвержен слабостям; собравшись вместе, они становятся похожими на клубок пестрых змей, рыжие люди с голубыми глазами, смотрящими из-под черных волос...

(Имад ад-Дин аль-Исфахани:
«История завоевания Сирии
и Палестины Саладином»)

В порту Ла-Рошели оставались корабли, прибывавшие из Англии и Бретани; именно отсюда отправлялись суда, которым, обогнув Испанию, предстояло плыть в Сирию. Средиземноморские порты, особенно Коллиур и Марсель, принимали суда, направлявшиеся в Яффу. Крестовые походы активно способствовали развитию средиземноморского мореходства, приостановленного, если не ликвидированного вовсе лишь мусульманским господством. Они вновь открыли судовладельцам и торговцам путь на Восток и обеспечили возможность ввоза товаров и продуктов, неизвестных в Европе либо считавшихся редкостью из-за превратностей путешествия по морю. Тамплиеры, равно как и госпитальеры, не могли не заинтересоваться подобным возобновлением торговли. Под предлогом своего главного призвания, охраны паломников, они снаряжали суда для их перевозки. Путешествие на корабле, принадлежавшем тамплиерам или госпитальерам, стоило не слишком дорого, но обеспечивало максимальную безопасность, поскольку моряки тщательно отбирались по принципу компетентности, а в случае нападения пиратов пассажиры могли быть уверены, что им обеспечена надежная защита. Впоследствии

госпитальеры и тамплиеры стали перевозить товары, чтобы пополнить собственные запасы и оккупить дорогу. Они практиковали также льготные тарифы. Марсельские судовладельцы, в результате этого потерявшие своих клиентов, подали жалобу в арбитражный суд (1234 г.), что привело к ограничению количества судов обоих орденов, плававших в Святую Землю. Сопровождающие корабли одновременно должны были вести наблюдение как за сирийским побережьем, откуда постоянно грозила опасность нападения, так и за пиратами и флотилиями противников. В связи с этим они время от времени проводили операции, призванные оградить их и от морских, и от наземных противников. Они покупали или сами строили военные суда, более-менее похожие на арабские, и формировали из них флотилии. Госпитальеры, впрочем, действовали так же, помогая путешествующим пересекать моря на протяжении нескольких веков. Вспомним знаменитые мальтийские галеры, без устали бороздившие Средиземноморье. Существовало, вопреки расхожему мнению, большое разнообразие судов различного назначения.

Транспортные корабли имели довольно внушительные для своего времени размеры. Они достигали 30 м в длину и 8 м в ширину и снабжались двумя мачтами с шестью парусами. Носовая мачта достигала 30 метров, а кормовая — 29. Эти суда могли перевозить не менее 300 человек. Вы только представьте себе эту громадину! Существовал также и своеобразный вариант судов для перевозки лошадей. У судов-конюшен с боков открывались двери на шарнирах, которые опускались на пристань и служили трапом для погрузки животных. В качестве военных судов, как и в античности, использовались галеры. Они достигали 40 м в длину и 6 м в ширину и приводились в движение посредством весел. Разновидностью галер являлись галиоты, ходившие на веслах и под парусами и принимавшие на борт сто человек. Но существовали также и легкие суда для рукопашных схваток, разведки, доставки приказов.

Наш юный брат Жослен среди других рыцарей Ордена тамплиеров отправляется на подмогу в Святую Землю. Сев в Марселе на один из военных кораблей, ходивших под флагом Ордена, он после небезопасного путешествия высадился в Яффе. Здесь он остановился в командорстве, ожидая своего назначения. Оттуда он вместе с несколькими своими товарищами направился в сопровождении рыцарей, уже годы сражавшихся в Святой Земле, к одному из замков Ордена. После долгой и опасной езды верхом через земли, то цветущие, то высохшие, этой неведомой страны он как паломник, направляющийся в Землю обетованную, наконец достиг цели своего путешествия. Еще по прочитанной перед путешествием старинной хронике Жака де Витри он восхищался этой флорой, фауной, этими лицами, одеждами, едой, архитектурой, не виданными в Европе. Это несравненное небо, эти поселения, холмы — все беспрестанно напоминало ему о духе самой великой истории человечества — о Христе, его детстве, жизни, мученической кончине! Но до сих пор он видел только пыль, поднимаемую ветром и копытами лошадей, которая, казалось, трепетала, оживая. Разгоряченное сердце и возбужденная жаждущая душа все время тянулись к источникам и деревьям. Топтать эту священную пыль, утолять жажду в этом священном источнике, освежаться в тени этих олив — в какой-то мере это и было достижением его цели. Это и было его участием в духовном спасении рода человеческого — через подражание Христу. Это и было, после стольких тягот и мечтаний, возрождением из пепла подобно фениксу, вхождением в новую жизнь, началом чистого возрождения и взлета. Наконец, для тамплиеров и им подобных — сражение, столь давно и столь страстно желаемое, которое счастливо завершится принятием мученической смерти и вместе с тем исполнением обета, данного однажды зимой в Иль-де-Франс, Оверни, Аквитани или же Руссильоне.

Все было так разнообразно на этой совершенной земле! И в то же время все было узнаваемо, даже названия вещей! Надо погрузиться в «Историю Крестовых походов» Жака де Витри, который все это пережил на собственном опыте, чтобы понять удивление только что прибывшего сюда человека. Его любопытство постоянно бодрствовало, так же как и восторг, но в то же время он с недоверием относился к этой пестрой толпе, загадочным фруктам, странным животным. Помимо растений, произрастающих в Европе, здесь можно было увидеть финиковые пальмы с шероховатыми стволами, «райские деревья», «адамовы яблоки», лимоны, сок которых, выдавленный из молодых фруктов, прекрасно освежает, «фараоновы смоковницы», большие ливанские кедры. Смола, вытекающая из зарубок, сделанных на их стволе, не похожа на привычный в Европе сок — это бальзам, мирра, ладан, скипидар. Более мелкие кусты и растения — это медовый (сахарный) тростник, хлопковые кусты, левкой, мускат, перец и т.д.

Как и в Европе, в пищу здесь употребляют овощи, мясо и рыбу. Едят говядину, баранину и домашнюю птицу. Но в пищу добавляют соусы, заимствованные из арабской кухни, белый и черный перец, имбирь, кардамон, тмин, корицу. При варке пива добавляют мускат и гвоздику. Вино сдабривают пряностями. Ароматизируют уксус. В мясо и рыбу добавляют лимонный сок. На десерт — дамасский конфитюр с имбирем.

Как и в Европе, здесь можно увидеть лошадей, ослов, мулов, быков, овец, собак и кошек, но еще и верблюдов — одно- или двугорбых, ручных леопардов (их используют в своре), диких собак (еще более хищных, чем волки), гиен (говорят, что они имитируют человеческий голос, чтобы привлечь свою жертву) и львов. Это единственное животное, на которое тамплиеры имели право охотиться. Жак де Витри сообщает, что лев обладает «огромной силой в груди, в передних лапах и хвосте». Согласно ему, «в течение трех дней после появления на свет новорожденные львята остаются совершенно бесчувственными, и только рев вырывает их у смерти и дает

жизнь». В завершение этого описания Жак де Витри добавляет: «Лев спит с открытыми глазами, своим хвостом замечает собственные следы и никогда не открывается охотникам...» Но, кроме того, он рассказывает о крокодилах, гиппопотамах, носорогах, тиграх и химерах (жирафах).

Вновь прибывших все приводило в изумление, и в первую очередь восточные одеяния, облачаться в которые христиан, как мужчин, так и женщин, вынуждала жара. Это были не только туники и тюрбаны. Воины, чтобы защитить себя от солнца, оборачивали свои шлемы кусками полотна, что послужило рождению геральдических ламбрекенов. Женщины носили платья поверх двух нижних туник. Платье изготовляли из дорогой ткани и украшали жемчугом, золотым и серебряным шитьем. Мужские тюрбаны иногда делались из парчи, покрывались муслином и украшались золотыми пряжками. Обувь имела заостренные и приподнятые носы. Некоторые господа любили выставлять напоказ свои роскошные одеяния, привезенные из Триполи. Они изготовлялись из плотного шелка, похожего на сатин с добавлением сероватых вкраплений; впоследствии в Европе эта ткань превратится в муар.

Ни один дворец на Западе не мог соперничать с безумной роскошью замков Святой Земли, и даже с домами городской буржуазии, с их цветущими розовыми садами, фонтанами, «турецкими» коврами и убранством из фаянса. Даже свечи в этих домах делались из ароматизированного воска! Но в этом внешнем благополучии ощущалось нечто роковое. Изобилие, праздность, чувственность размягчали сильную породу завоевателей. То, что новички не унаследовали доблести своих предшественников, было истинной правдой. Наслаждения развращают людей, рыцарей так же, как и горожан, развращают до такой степени, что священники предпочитают стричь свою паству, а не пасти ее, монахи же, позабыв про устав своего монастыря, становятся завсегдатаями публичных бань, смешиваясь с мирянами. Мужчины прячутся за своих жен, увешанных украшениями или иеру-

салимскими тканями. Враги, расположившись всего в нескольких лье, полные злобы и ненависти, пока не смели нападать, сохраняя остатки почтения.

Иерусалимское королевство во второй половине XIII века насквозь прогнило; но его оружие, сохраненное в целости, своим блеском создавало иллюзию защиты. Этим оружием были рыцари-монахи — тамплиеры, госпитальеры и тевтоны. И за исключением их, никто в Святой Земле не был более в состоянии и не имел желания воевать, если дело не касалось такого грязного вопроса, как выгода. И хотя военное положение было чрезвычайно ненадежным, торговля продолжала процветать. Венецианцы, генуэзцы, пизанцы, марсельцы боролись за рынки сбыта. Они открывали лавки в Святой Земле, экспортировали в Европу редкие продукты и устанавливали на них цену. Они сами создавали моду на новинки, потребность в них, спрос и сами же спешили удовлетворить его. Так что же доставляли их корабли в портовые города Запада? Об этом необходимо рассказать, даже рискуя наскучить читателю. Они привозили в своих обширных трюмах сахар, полученный из сахарного тростника, лен, шелк, хлопок, пряности, посуду, дамасское оружие, золотые и серебряные изделия, а также неизвестные ранее вещи: критские ткани, различные покрывала для верблюдов и лошадей, турецкие, суданские и египетские ковры, а также меха соболя, куницы, горноста. Везли перья страусов, чтобы сделать из них украшения для турнирных шлемов. И, наконец, ливанское железо, которое по-прежнему было в цене. Какой контраст между спутниками Готфрида Бульонского и этими торгашами с их приспешниками, столь хорошо приспособившимися к жизни на Востоке и легко смешавшимися с местным населением! Какое разочарование для крестоносцев, продолжавших прибывать из-за моря на подмогу жалкому королевству!

Какова же была горечь тех, кто имел возможность все это наблюдать! Дух наживы сменялся духом интриг. Последние политические конвульсии, соперничество только ухудшали положение. После пора-

жения в Египте Людовик Святой довольно долго находился в Святой Земле. Само его присутствие, его авторитет улаживал споры, одновременно внушая уважение сарацинам. Он возвратил некоторые земли, точнее говоря, некоторые зоны влияния, границам которых угрожали набеги врагов. Он укрепил Яффу, Кесарию, Сидон и Акру. Решив в 1254 году покинуть Святую Землю, он оставил королевство без определенных границ, без реальной защиты, без достаточно многочисленной армии, способной противостоять массированному вторжению или хорошо организованному наступлению, и, конечно, без сильной центральной власти. Королевство превратилось в узкую прибрежную полосу суши. Что до государя, носившего лестный, хотя и символический титул короля Иерусалимского, авторитет которого позволил бы координировать усилия, то крестоносцы не могли даже договориться о его избрании. Император Фридрих II из-за своей самоуверенности и цинизма, игнорируя этнические и военные реалии, в конечном счете не нашел ничего лучшего, как перенести в Святую Землю братоубийственную войну между гвельфами и гибеллинами, расколов силы христиан перед лицом опасности. Бароны Иерусалимского королевства, дабы облегчить трудное положение, предложили корону Аликс Кипрской, дочери Изабеллы Иерусалимской и Генриха Шампанского. Сторонники Фридриха II открыто воспротивились этому выбору, который, по их мнению, был несправедлив по отношению к императору и его потомкам, оставляя их ни с чем. Когда бароны в 1258 году признали королем Гуго Кипрского, малолетнего сына Аликс Кипрской, их поддержали тамплиеры, венецианцы и пизанцы. Но тевтонские рыцари, госпитальеры, испанцы и генуэзцы провозгласили Конрадина, малолетнего сына Фридриха II. Последовала открытая борьба, в ходе которой произошло столкновение флотов, еще более ослабившее королевство. Надо заметить, что тамплиеры воздержались от участия в этой борьбе, ограничившись наблюдением за одним из кварталов Акры.

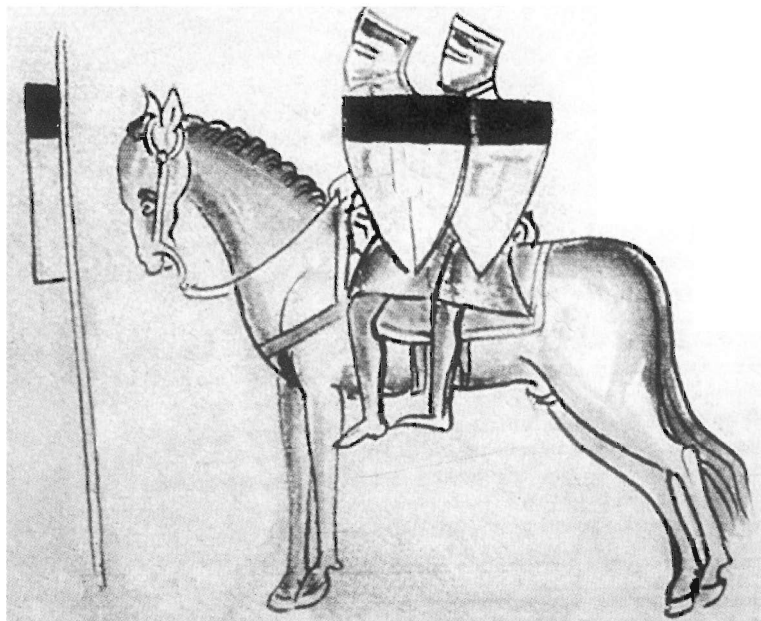
Одеяние рыцаря-тамплиера в XIII веке. Гравюра Бакуой. XIX в.
Париж. Национальная библиотека Франции.

Иннокентий III — «папа тамплиеров». Фреска XIII в.

Людовик Святой на коне. Миниатюра из манускрипта
Г. де Сен-Потуса «Жизнь и чудеса святого Людовика». 1330—1340 гг.
Париж. Национальная библиотека Франции.

Два бедных рыцаря делят одну лошадь (эмблема тамплиеров).

Рисунок из хроники Матвея Парижского. XIII в. Оксфорд.

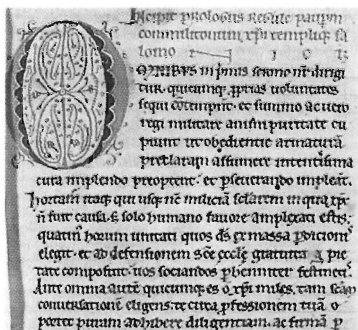
Библиотека Бодлейан.

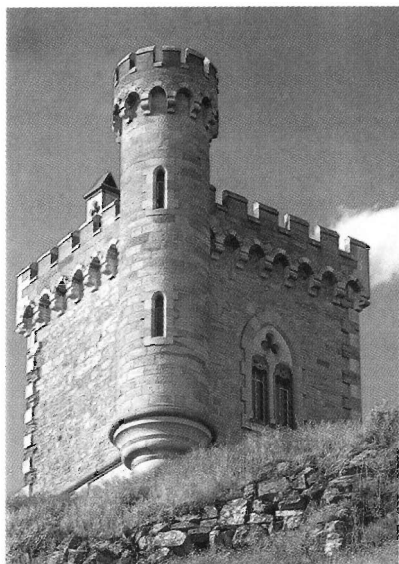
Заглавная буква в начертании
одного из правил тамплиеров.
Испания. Частный архив.

Устав Ордена тамплиеров.

Латинский манускрипт. XIII в.

Париж. Национальная библиотека
Франции.

Башня Магдала, выстроенная
Б. Соньером в Ренн-ле-Шато. XIX в.
Франция. Лангедок.

Замок катаров Монтсегюр
в Лангедоке. Передан тамплиерам
в 1244 году.

Подвал в Сент-Вобуре, где тамплиеры хранили запасы продовольствия
для раздачи бедным. *Нормандия.*

Жан де Бриенн — король
Иоанн Иерусалимский.

Император Фридрих II
Гогенштауфен. *Миниатюра
из манускрипта «Искусство
охоты на птиц». XIV в.*

Знаменосец
тамплиеров.
*Рисунок из хроники
Матвея Парижского.
XIII в. Оксфорд.
Библиотека
Бодлейан.*

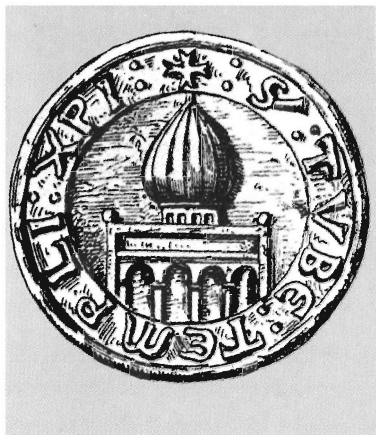
Замок Томар — административный центр тамплиеров в Португалии. XII в.

Замок Томар. *Внутренний вид.*

Замок Алмурол. XII в. *Португалия.*

Печати тамплиеров.

Генрих
Мореглавитель —
португальский
принц и магистр
Ордена
Иисуса Христа
с 1420 года.

Интерьер церкви Ордена тамплиеров в Лондоне.
Надгробия рыцарей (с XIII века).

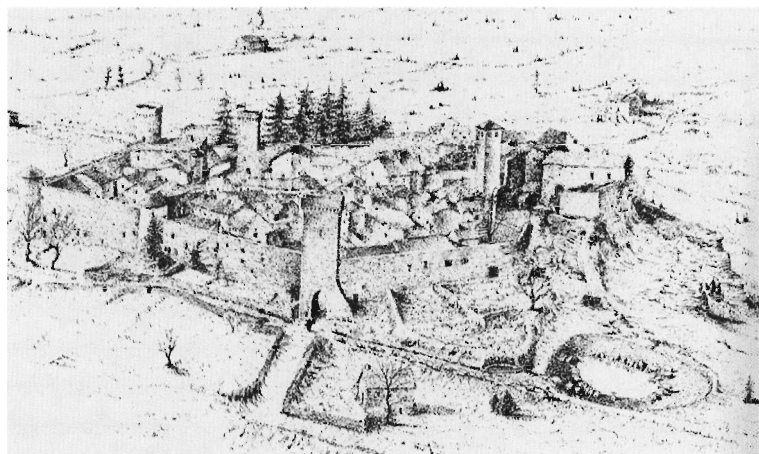

Церковь Ордена тамплиеров в Лондоне. Освящена в 1185 году патриархом Иерусалимским.

Рисунок надгробного памятника рыцаря-тамплиера. XIX в. Париж. Национальная библиотека Франции.

Французская деревня Кувертуарад — превосходный пример почти полностью сохраненного средневекового города с замком тамплиеров и их церковью. XIV в.

194

CLEMENS V.

Burdegalensis, creat

Sedit an. 8. mens. 10.

Aprilis an. 1314. Vac.

Bertrand' de Gotho,

die 5. Iunij an. 1305.

dies 16. Obijt die 20

Sed. an. 2. men. 3. di. 7.

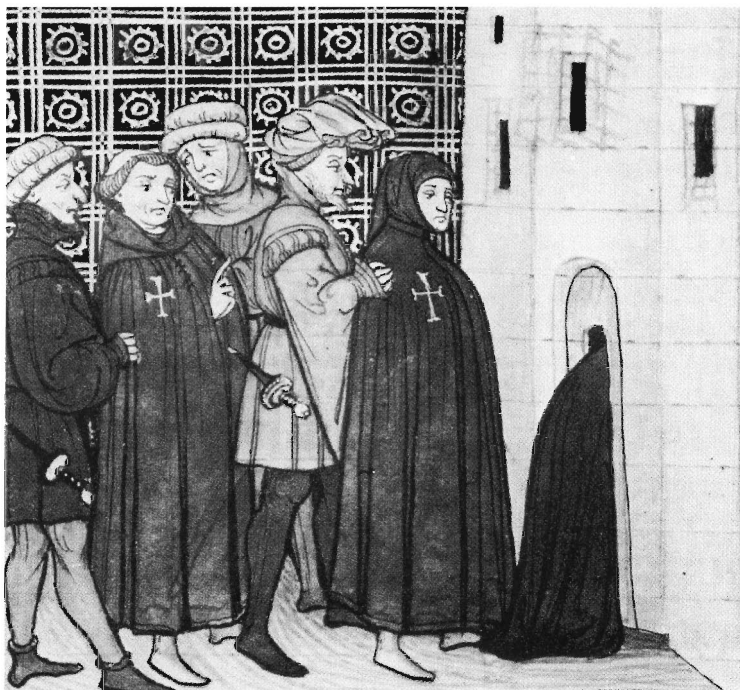
Римский папа Климент V.

Жак де Моле —
последний магистр
Ордена тамплиеров.

Король Франции
Филипп IV Красивый.

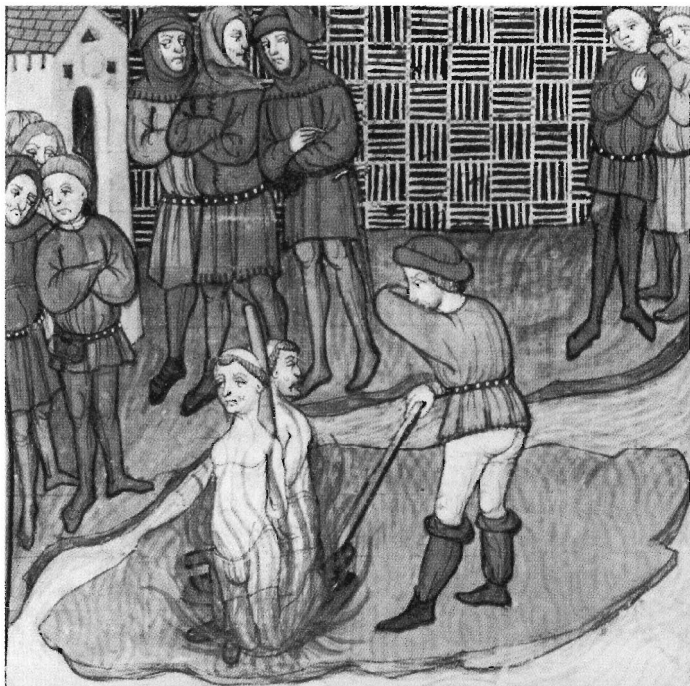

Арест тамплиеров
в 1307 году.
Средневековая миниатюра.

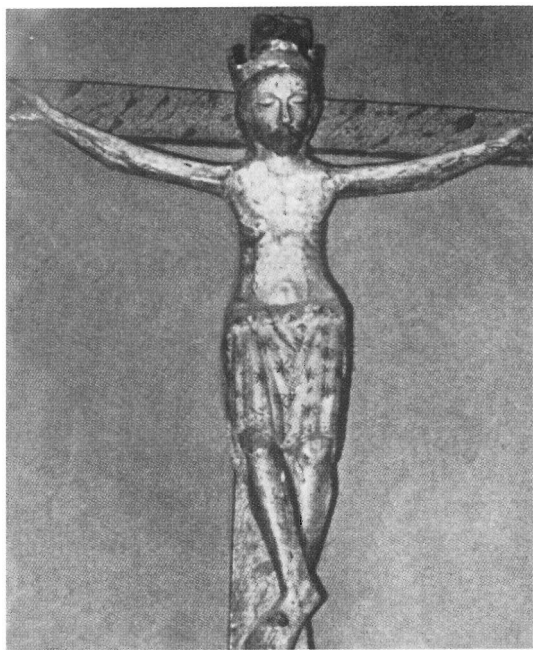
Посещение
заключенных.
XV в. Ватикан.

Сожжение на костре
Жака де Моле
и Жоффруа де Шарни
в 1314 году.
Средневековая миниатюра.

Гермафродитная фигура
(Бафомет). Скульптурное
изображение у портала
церкви Святой Марии
Магдалины в Ренн-ле-Шато.
XIX в. Франция. Лангедок.

Единственное
известное
у тамплиеров
изображение
Иисуса Христа,
происходящее
из командорства
Понферрада.
Испания.

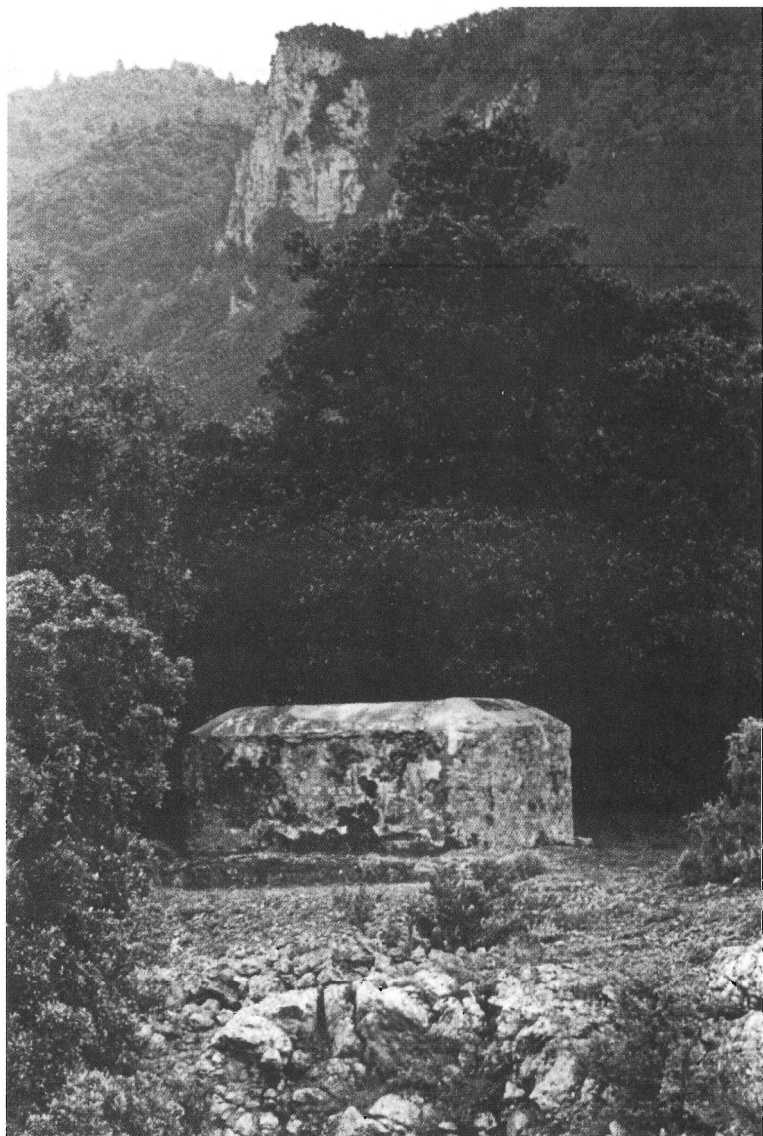
Херес де лос
Кабаллерос —
единственная
крепость
в Испании,
где тамплиеры
были казнены.

Восьмиугольная башня замка Жизор. XII в. Франция.

Часть стены замка Атлит в Палестине,
построенного тамплиерами в 1218 году.

Надгробие около замка Арк, изображенное Н. Пуссеном на картине «Пастухи в Аркадии».

В эту эпоху истории латинского королевства его последним оплотом были духовно-рыцарские орден — достаточно богатые благодаря своим доходам с Запада, чтобы содержать замки, мало-помалу переходившие к ним от наследников баронов; достаточно могущественные, чтобы не признавать над собой иной власти, кроме своих магистров; достаточно дисциплинированные, чтобы оказывать решительный отпор неверным, и достаточно независимые, чтобы вступать в прямые переговоры с эмирами и заключать с ними соглашения о союзе или нейтралитете. Подобная самостоятельность и инициативность, порой неожиданные, вызывали недовольство у Людовика Святого, плохого знатока арабского мира. Во время продолжительного пребывания в Святой Земле он считал своим долгом денонсировать договор, заключенный без его ведома Великим магистром Ордена тамплиеров Рено де Вишье с султаном Дамаска. Не понимая выгоды от этого альянса, который расколол силы ислама, он подверг публичному унижению магистра и его Орден, а также потребовал, чтобы со Святой Земли удалился маршал Ордена тамплиеров, который вел эти переговоры.

Однако храмовники знали, что Людовик IX скоро возвратится в Европу и это придаст смелости мусульманам. Отсюда их стремление заручиться хотя бы нейтралитетом Дамаска. Зная, как дальше развивались события, мы при всем своем восхищении Святым королем не можем не признать правоту тамплиеров и не отметить их прозорливость. Впрочем, Людовик Святой быстро отказался от своих предубеждений. Вопреки тому, что рассказал добрый Жуанвиль¹⁸, из почтения к своему королю враждебно настроенный к тамплиерам, упомянутый инцидент не изменил его мнения об этих монахах-воинах. Тамплиеры не сердились на короля и даже по его любез-

¹⁸ Жан Жуанвиль (1224—1317), французский хронист, принимавший вместе с Людовиком Святым участие в 7-м Крестовом походе, главный источник сведений об этом короле (*прим. пер.*).

ному ходатайству избрали его близкого друга де Ла Роша магистром Франции. Более того, капитул в результате секретного заседания низложил Рено де Вишье и избрал вместо него Тома Берара. Несмотря на его выдающуюся роль и заслуги, гордые тамплиеры не захотели терпеть в качестве Великого магистра человека, который, не сумев защитить свое дело и убедить короля, преклонил колени перед новоявленными баронами и этим поступком унизил весь Орден.

Кто же, по отбытии короля во Францию, остался защищать Святую Землю? Тамплиеры, госпитальеры и, в меньшей мере, тевтонские рыцари. Теперь они уже не были столь богаты, как в XII веке, утратив, несмотря на свой героизм, многие крепости и владения.

Чтобы получить представление об их силе и их действительной роли, следует знать, что перед сокрушительным рейдом Саладина в 1187 году они имели 18 больших крепостей, в которых были расквартированы гарнизоны. Каждая из них контролировала и защищала менее значительные замки и сотни имений. Надо перечислить эти крепости, чтобы понять, почему командорства Запада должны были производить и экономить, почему братья Провена проявляли столько рвения в собирании пошлин на ярмарках, а братья Парижа, эти монахи-воины, занимались банковскими операциями, корпели над своими книгами учета, манипулировали своими расчерченными досками, спорили с клиентами. Куда уходили огромные ежегодные прибыли, собиравшиеся с командорств? На содержание следующих крепостей:

в княжестве Антиохийском это были замки Рош-Гийом, Порт-Боннель и Трепесак, который контролировал перевал Байлан;

в графстве Триполи — мощная крепость Тортоса (или Антарту), замок Арима, форт Берtrandимир, замок Сафита, называвшийся Шастель-Блан (Белый замок), укрепленное поселение Эльтефаха к западу от Тортосы плюс командорство в Триполи;

в личных владениях короля Иерусалимского — часть башен и крепостных стен Иерихона, храм Со-

ломона в Иерусалиме и Шато-Руж (Красный замок), который контролировал дорогу из Иерусалима в Иерихон;

в графстве Яффа и Аскалон — замок Газа (Гадрес) и замок Натрон, контролировавший дорогу из Яффы в Иерусалим;

в графстве Кесарийском — крепость Шако и знаменитый Шастель-Пелерен (Атлит);

в княжестве Галилейском и на земле Транс-Иордании — замок Ля Фев, который возвышался над равниной Эсдрелон, или Фев, большое командорство Сафет, владевшее 260 имениями, башня Сефория и замок Ге де Жакоб;

в Акре и Тире — командорство.

Многие из этих замков были утрачены в результате сокрушительного поражения при Хаттине, поскольку не хватало защитников, чтобы противостоять натиску воинов Саладина. Вот что пишет в *«Истории завоевания Сирии и Палестины Саладином»* его секретарь Имад ад-Дин об осаде замка Ля Фев:

«Аль-Фула была очень красивой и хорошо укрепленной цитаделью, с многочисленным гарнизоном и достаточными припасами. Этот замок принадлежал тамплиерам. Он неприступен и представляет собой надежный опорный пункт, снабженный источником воды и продовольствием. Тамплиеры здесь жили зимой и летом, оказывая радушный прием гостям, здесь они держали своих лошадей, здесь важно расхаживали, отсюда вырывались потоки их войск, здесь собирались их братья, их демон утолил здесь свою жажду, их крест был водружен здесь, сюда стекались их войска, здесь разгорался их воинственный пыл» и т.д.

В Трепесаке (Дарбаск — в транскрипции писца Саладина) «мы обнаружили чрезвычайно высокий, выше созвездия Блинецов, хорошо укрепленный замок. Он как будто соединял небо и землю. Это было гнездо, или, вернее сказать, логово тамплиеров. Долгое время они протягивали свои руки и высовывали носы из этого замка, дабы совершать насилие».

О замке Баграс (Гастон):

«Баграс — замок, откликнувшийся на призыв соседней Антиохии, оказавшейся в беде. Мы увидели его непоколебимо возвышающимся на несокрушимом холме, который, казалось, соприкасался с небом, достигая созвездия Близнецов; растекаясь в ложбинах и взбираясь на горы, он, влажный от туманов, подвешенный к солнцу и луне, укутывал свои стены тучами... Никто не мечтал туда подняться. Это был замок тамплиеров, логово гиен, лес, населенный диким зверьем, пристанище бродяг, вертеп разбойников, убежище, откуда происходили все несчастья, причиной коих были они, место, откуда проистекали бедствия, колчан их стрел» и т.д.

Тем не менее в виде исключения и точности ради поэт-секретарь все-таки отметил, что в Баграсе его сотоварищи обнаружили такую «малость», как 12 тысяч мешков муки, запасенной тамплиерами и полученной из зерна, выращенного в их хозяйствах. Это позволяет составить представление об их местных ресурсах, если иметь в виду, что Баграс имел для них второстепенное значение. Короче говоря, рассказ Имад ад-Дина, несмотря на поэтические преувеличения, интересен тем, что его автор был приближенным Саладина, мусульманским фанатиком. Впечатления, которые он пытается передать, на восточный манер несколько преувеличивая, были получены им при виде грозных крепостей тамплиеров, занимавших стратегические пункты, преграждавших пути и важные долины и защищавших внутренние районы страны с ее богатыми городами. Желчь, в которую он макал свое перо, служит косвенным, но весьма убедительным выражением его почтительного отношения к силе тамплиеров. Не зря он вкладывает в уста великого Саладина столь страшные слова: «Я очищу землю от этих поганных орденов» (тамплиеров и госпитальеров). Этот рассказ показывает также, до какой степени дошла ненависть приверженцев ислама, вызванная активной пропагандой Саладина, спустя столетие после оккупации Сирии. Касаясь взятия Святого города, Имад рассказывает: «Овладев Иерусалимом, султан распорядился открыть взорам мир-

бах (мечеть Аль-Агса). Тамплиеры укрыли ее за стенами и превратили в склад зерна. Говорили также, что из ненависти и подлости они использовали ее в качестве отхожего места...» Поэтому не приходится удивляться исключительной мстительности Саладина в отношении храмовников, безжалостным казням, проводившимся по его приказу, и эмоциональным словам Имада: «Их распростертыми телами мы угостили волков пустыни!»

Однако вопреки всем ожиданиям франки после поражения при Хаттине сумели собраться с силами, а Саладин так и не завершил завоевания Святой Земли до конца своей жизни. Латинское королевство, лишенное собственной столицы, утратившее лучшие замки и лучшие земли, выжило благодаря распрям среди мусульман. Франки сумели даже многое возвратить, и тем не менее во второй половине XIII века тамплиеры удерживали только часть вышеперечисленных крепостей. Им все еще принадлежали Тортоса, куда они перевели свою главную резиденцию, Шастель-Пелерен (Атлит), Сафет, Сафита, командорства Антиохии, Триполи, Акры и некоторые крепости, как Бофор, брошенные латинскими баронами, отказавшимися защищать их.

Тортоса принадлежала рыцарям Храма с 1165 года. Со стороны моря они выстроили огромный донжон, фланкированный двумя квадратными башнями. Общая протяженность этого сооружения составляла 50 метров. Широкий и глубокий ров отделял крепость от территории, с которой ее соединяла узкая дорога. Ров сообщался с морем, однако было невозможно засыпать его, равно как и сделать подкоп под стены. Толщина стен, возводившихся из каменных блоков превосходного качества, была поистине необыкновенной. Это было воистину неприступное место, о которое в 1188 году Саладин Победитель обломал себе зубы. Внутри стен располагались часовня и большой зал, украшенный человеческими фигурами. Именно в этом донжоне, который немного похож на парижский, тамплиеры хранили свой архив и военную казну и собирались на заседания капитула в

редкие периоды затишья. Здесь же располагалась резиденция магистра и его заместителей.

Шастель-Пелерен (Замок пилигримов) своим местоположением был похож на Тортосу. Он был построен тамплиерами в 1218 году на мысе Атлит, южнее Хайфы. Подобно Тортосе, он был почти полностью изолирован от суши широким рвом, заполненным морской водой. Яков Тирский, посетивший этот замок, так рассказывает о его устройстве: «Перед фасадом Замка пилигримов выстроены две башни из квадратных, хорошо отесанных каменных блоков. Их размеры столь велики, что два быка с трудом могут тянуть повозку, груженную одним блоком. Каждая из этих башен имеет в длину 100 шагов (примерно 33 метра) и в ширину 74 шага (примерно 24 метра). Благодаря своим размерам они вмещают в собственных недрах по две баллисты. Что касается их высоты, то они превосходят уровень мыса. Между двумя башнями выстроена огромная зубчатая крепостная стена. С замечательным умением внутри нее устроена лестница, по которой рыцари могут поднимать и спускать свое оружие. На небольшом расстоянии от башен протянулась от одного края моря до другого еще одна стена, ограждая колодец с живой водой. С двух сторон мыс обнесен вновь отстроенными стенами, поднимающимися почти на высоту скал. В южной части между стеной и морем находятся два колодца, которые в изобилии снабжают замок пресной водой. Внутри стен этого замка находятся часовня, дворец и большое количество домов...» Автор забыл упомянуть, что часовня имела шестиугольную форму, а главный зал замка, как и в Тортосе, был украшен большими головами рыцарей, частично бородатых, а частично безбородых. Что же сохранилось от этих гигантских стен? Бесформенные груды известняка можно видеть на месте красивого зала со стрельчатыми сводами, в котором, возможно, в 1251 году королева Маргарита Прованская, супруга Людовика Святого, родила Пьера Французского, графа Алансонского. Благочестивый король настолько доверял тамплиерам, что поручил им ох-

ранять самое драгоценное, что у него было, — свою жену и ребенка, которого она ждала. За год до того в Дамiette она при крещении нарекла своего сына Жаном-Тристаном в память о трагических обстоятельствах его рождения: Людовик Святой тогда находился в плену у сарацин, и опасались, что в любой момент город может оказаться в их руках. Жан-Тристан Французский умер в возрасте 20 лет в Тунисе за несколько недель до смерти своего отца.

Сафита, называемый также Шастель-Блан (Белый замок), возвышался на холме высотой 380 метров между Тортосой и Замок госпитальеров, доминируя над долиной. Это, пожалуй, наиболее красноречивый и характерный пример цитаделей тамплиеров, существовавших на Востоке, ибо донжон, расположенный внутри двух концентрических поясов стен, одновременно был и церковью. Это массивное сооружение имеет высоту 28 м, ширину 18 м и длину 31 м. Нижний его этаж занимает часовня. В толстых стенах проделаны окна для стрельбы из лука. Сооружение перекрыто сводом, подразделяющимся на три двойные арки. Верхний зал достигает 25 метров в высоту и 12 метров в ширину. Расположение окон для лучников позволяло вести стрельбу сверху вниз. Внизу — крыши домов и улицы, разбегающиеся лучами, подобно спицам в колесе, втулкой которого служит донжон, до такой степени подавляющий своей мощью, что Саладин не осмелился атаковать его.

Сафет был восстановлен тамплиерами в 1240 году, когда франки вновь заняли Галилею. Он контролировал долину у подножия гор Верхней Галилеи и большой караванный путь из Дамаска в Акру. Эта цитадель могла соперничать с огромными Замок госпитальеров и их крепостью Маграт. Тысяча пленных мусульман работала над ее восстановлением, после того как в 1218 году она была разрушена. Расположенный на высоте 818 метров, Сафет включает в себя две огромные стены, имеющие овальную форму, отделенные широким рвом, прорубленным в скале, чтобы предотвратить возможность подкопа. Его донжон был самым большим во всем королевстве, дости-

гая 34 метров в диаметре. Семь башен дополняли систему оборонительных сооружений. Первый камень этого замка был заложен епископом Марсельским Бенуа д'Алиняном, ибо тогда еще были прелаты, не боявшиеся принять крест и совершить рискованное паломничество в Святую Землю! 50 рыцарей, 35 братьев-служителей, 800 оруженосцев и наемников, 300 баллистеров, 50 туркополов, не считая различных вспомогательных воинов, составляли постоянный гарнизон этого замка. В случае военного конфликта за оружие брались две тысячи человек. Когда султан Бейбарс после памятной осады сумел овладеть Сафетом, он приказал казнить весь гарнизон крепости. Рассказывают, что отрубленная голова одного брата продолжала пение гимна «*Спаси, Царица*», начатого ею, когда меч палача отделял ее от тела.

Замок Бофорт компенсировал потери, понесенные тамплиерами в ходе этой продолжительной борьбы. Жульен де Сажет, разорившись, продал им его в 1260 году, и до 1268 года Бофорт принадлежал Ордену. Этот Жульен был женат на Евфимии, дочери царя Армении, которая обвинила храмовников в том, что они предоставили ее супругу заем под проценты с целью овладеть крепостью. Но Жульен продал им также и Сайду (Сидон), а в конце концов и сам вступил в Орден. Бофорт защищал долину Нар и прикрывал Сидон, приморскую цитадель, которая была одним из последних оплотов храмовников, перед тем как они покинули Святую Землю.

Госпитальеры ни в чем не уступали тамплиерам. До конца существования Иерусалимского королевства они располагали огромными крепостями. Им принадлежали Крак де Шевалье (Замок рыцарей), который фигурирует во всех учебниках, Маргат, Шастель-Руж (Красный замок), Жибелен, Бельвуар, сотни более или менее укрепленных имений, а также обширные поля, виноградники и кедровые леса.

Все эти замки возводились в сложной обстановке. На их строительстве трудились не только пленные мусульмане, но и каждый христианин считал своим долгом принять участие в работе. К тому же это была

возможность обретения рая, искупления своих грехов! Во время своего пребывания в Святой Земле Людовик IX, дабы подать пример другим, и сам трудился простым работником при возведении укреплений Акры, Кесарии и Яффы. В *«Истории священной войны»* Амбуаза мы читаем: «Благородные рыцари, оруженосцы, братья-служители передавали камни по цепочке из рук в руки; они работали без усталы, и столько было там клириков и мирян, что за короткое время они выполнили большую работу. Позднее для продолжения работ посылали за каменщиками, иначе потребовалось бы слишком много времени, чтобы закончить ее». Но Амбуаз говорит о крепостных стенах Аскалона более раннего времени. В дальнейшем исключительно каменщики работали на строительстве крепостных стен, переделка которых стоила все дороже и дороже. Не было больше нужды в том, чтобы король своим примером разжигал рвение неофитов.

Латиняне воспользовались достижениями арабов в военном искусстве. Для укрепления стен они стали использовать перпендикулярно вмонтированные каменные опоры. Тамплиеры усвоили практику возведения башен, обычно квадратных или продолговатых, слегка выступающих на фоне стены. Пренебрегая фланкированием, они увеличили высоту стен и выкапывали рвы, дабы воспрепятствовать осуществлению штурма или подкопа. Госпитальеры, напротив, остались верны круглым башням Иль-де-Франса, но, как и тамплиеры, они заимствовали у инженеров Востока их усовершенствованные машины: катапульты, метавшие каменные снаряды на три сотни метров, турецкие камнеметы, гигантские арбалеты, стрелявшие раскаленными докрасна стрелами, зажигательные снаряды, сосуды с нефтью и т.д.

Штаб Ордена тамплиеров

В обычное время тамплиеры формировали небольшую постоянную армию из нескольких тысяч человек, основу которой составляли пять сотен ры-

царей и примерно тысяча братьев-служителей. В военное время к ним присоединялись отряды наемников, рекрутированных на месте и зачастую уступавших рыцарям по своим боевым качествам. Среди этих «крестоносцев поневоле» были и осужденные на смерть, но помилованные с целью отправки в Святую Землю.

Рыцари и братья-служители Ордена тамплиеров подчинялись, соответственно, своим командорам. Все они находились под руководством верховного магистра и его штаба, который включал в себя:

сенешаля;

маршала;

командора Иерусалимского королевства;

командоров Триполи и Антиохии;

кастеляна;

туркополье;

подмаршала (брат-служитель);

гонфалоньера (брат-служитель).

Магистр — дальше мы увидим, каким образом его избирали, — никогда не носил титула Великого магистра Ордена тамплиеров. Это название встречается в более поздних грамотах и документах процесса над тамплиерами. Напротив, в хрониках его иногда именуют Верховным магистром. Именно в XIII веке он осуществлял верховное управление замками и владениями Ордена в Святой Земле, равно как и в провинциях Запада, хотя его полномочия были ограничены решениями капитула и строго определялись Уставом. Будучи господином для всех тамплиеров, он вместе с тем подчинялся обязательной для всех дисциплине и в принципе был одним из братьев среди прочих, назначенным Орденом и ответственным перед ним в своих решениях.

Магистр мог иметь лишь четыре лошади, на одну больше, чем у простых рыцарей. Но поскольку он представлял Орден и в этом качестве исполнял официальные обязанности, что ставило его на один уровень с высшими прелатами и государями, в его распоряжение предоставлялся туркоман, очень породистая, красивая и дорогая лошадь. Однако эта краси-

вая лошадь давалась только в пользование. Свиту магистра составляли два советника, сопровождающие его повсюду, брат-капеллан, секретарь, брат-служитель и оруженосец, носивший его копье и щит. Он располагал также «сарацинским писцом» (переводчиком), туркополом, поваром и двумя мальчиками на побегушках. В мирное время он мог использовать для перевозки своего багажа двух вьючных лошадей и четырех во время войны. Каковы были его полномочия? Он, хотя и являлся верховным главой Ордена, в любой ситуации должен был принимать решения с учетом мнения своего совета или общего капитула. Он не имел права ни распоряжаться землями Ордена, ни отчуждать замки, ни брать их на свою ответственность без согласия капитула. Он не мог также по собственной воле начать войну, заключить или продлить перемирие. Он не имел даже полномочий для назначения должностных лиц, которое осуществлялось коллегиально: так становились сенешалем, маршалом, командором Иерусалима, командорами Акры, Триполи и Антиохии, равно как кастеляном монастыря и магистрами провинций Запада (Франции, Англии, Пуату, Арагона, Португалии, Апулии, Венгрии). Они не могли отправиться на Восток по простому вызову магистра Ордена, для этого необходимо было получить одобрение капитула. Напротив, командоры более низкого ранга назначались по усмотрению магистра. Он повсюду, куда бы ни отправился, имел право контролировать замки и владения Ордена. В его компетенцию входило распределение по командорствам личного состава, оружия и провианта с учетом потребностей, и никто не имел права что-либо утаивать от него. Если он должен был отправиться на Запад, на некоторое время покинув Иерусалимское королевство, то передавал свои полномочия командору Земли (Иерусалима) или же брату по собственному выбору. Если же он хотел отправиться на Запад братьев, то не мог назначить их сам. Он давал распоряжение маршалу, командору Земли, кастеляну, командору Акры и трем или четырем членам совета пойти в лазарет: «Идите и выберите-

те братьев, которых было бы целесообразно послать в заморские края». Маршал и его компаньоны составляли список, который подавали ему. Затем капитул производил отбор. Одна из статей *«Иерархических статутов»* показывает, что, за исключением особых миссий, в Европу посылали только братьев, госпитализированных по причине возраста, болезни и полученного ранения. Кроме Испании и Португалии, где шла война против сарацин, братья, как уже говорилось, исполняли административные обязанности, руководили хозяйствами и предприятиями, были банкирами, занимались рекрутированием новых членов Ордена. Старые бойцы, раненные на войне, возвращались к жизни в миру, однако они до конца своих дней в меру своего таланта продолжали служить делу тамплиеров. Что касается магистра, то он не имел права уйти на пенсию. Обычно он умирал при исполнении своих обязанностей, чаще всего с оружием в руках, хотя во время битвы десять отборных рыцарей брали на себя труд по его защите. Тем не менее Орден мог его отстранить, как это было с Рено де Вишье. В конечном счете магистр, являясь выборным должностным лицом, был чем-то вроде президента, а не просто феодальным сеньором. Как на генеральных капитулах, так и на советах в узком составе решения магистра утверждались большинством голосов, хотя его престиж, авторитет и личные качества могли повлиять на исход голосования. И тем не менее он должен был неукоснительно подчиниться большинству.

Обычно магистр обедал в трапезной с братьями, только если у него не было приглашенных из числа мирян. Он имел, хотя и в большем масштабе, права и обязанности командора Ордена. В лазарете он обедал только в случае болезни или ранения. Как и остальные братья, он ничего не имел в частной собственности и не мог распоряжаться имуществом Ордена без одобрения капитула. Однако благодаря своему высокому положению и возложенным на него обязанностям он мог иметь в собственном владении сундук, запираемый на ключ, где хранил свои «со-

кровища». Он мог также делать кое-какие подарки и предоставлять ограниченные займы — «ради выгоды для Ордена», разумеется, с учетом мнения своего совета. Он мог сделать подарок не дороже 100 безанов¹⁹ — золотой или серебряный кубок, платье, отделанное беличьим мехом, лошадь, оружие (но только не меч, не боевой кинжал и даже не наконечник копья). Если же кто-либо из друзей Ордена преподносил магистру ответный подарок, то он должен был передать его казначею. Что же касается ссуды, которую он мог предоставить, то она не должна была превышать тысячу безанов. Если он отправлялся в Триполи или Антиохию, то казначей выдавал ему самое большее 3 тысячи безанов, часть из которых он должен был раздать наиболее бедным командорствам, а остаток вернуть в казну по окончании своего путешествия. После его смерти все, чем он владел, переходило в собственность Ордена. *«Иерархические статуты»* превосходно резюмируют и определяют в нескольких словах его положение: «Все братья Ордена тамплиеров обязаны подчиняться магистру, а магистр обязан подчиняться своей братии».

Сенешаль был заместителем магистра. В этом качестве он имел персональную свиту, состоявшую из одного рыцаря, двух оруженосцев, одного брата-служителя, дьякона, туркопола и переводчика с арабского. Как и магистр, он имел четырех коней, круглый шатер и печать Ордена. В отсутствие магистра он брал на себя обязанности по контролю за командорствами. Он имел право подарить другу Ордена породистого коня, мула, боевое седло, серебряный кубок, платье, подбитое беличьим мехом или из алой материи, но всегда ради выгоды Ордена и с одобрения капитула. В походе перед ним несли знамя тамплиеров, и этой чести удостаивался кроме него только магистр.

Маршал Ордена тамплиеров был главнокомандующим. Он отвечал за вооружение и доспехи, за осадные машины, боеприпасы и конную сбрую. Именно

¹⁹ Византийская монета среднего достоинства (*прим. пер.*).

его обязанностью была мобилизация сил Ордена, распределение их на отряды (эскадроны), отдача тактических распоряжений. Он же с одобрения магистра покупал лошадей и мулов. В случае отсутствия магистра и сенешаля он командовал сражением. Когда на судах Ордена с Запада прибывали новые партии лошадей, маршал их осматривал, отбирал и распределял. Он направлял братьев по командорствам. Высокое положение позволяло ему иметь в своем подчинении двоих оруженосцев, брата-служителя и туркопола. Его шатер, как у магистра и сенешаля, имел круглую форму, но был меньшего размера. Он не держал печати и мог, да и то не слишком часто, делать лишь мелкие подарки друзьям Ордена: подержанное седло, легкие доспехи и тому подобное.

В качестве его помощников служили туркоплье, подмаршал и гонфалоньер.

Туркоплье играл далеко не последнюю роль. Он командовал братьями-служителями в военное время и туркополами (вспомогательные отряды из местных жителей) в военное и мирное время. Ему полагались четыре лошади и даже туркоман. Посланный на разведку с эскортом рыцарей, он брал на себя ответственность только за выполнение самой миссии и действовал в соответствии с приказом. В присутствии маршала он мог лишь строить своих туркополов и братьев-служителей и передавать им приказы. Он не имел права наступать, атаковать или преследовать врага по собственной инициативе.

Подмаршал был начальником братьев-мастеровых и отвечал за кузнечное дело и исправность конской сбруи. Именно он распределял и велел ремонтировать седла, уздечки, стремяна, а также копыя, шпаги, турецкое оружие, арбалеты и железные шлемы. Он пристально контролировал работу мастеровых. Он же распределял оруженосцев, хотя те и находились главным образом в ведении гонфалоньера.

Гонфалоньер командовал оруженосцами, которые не принадлежали к Ордену тамплиеров, но служили либо из «милости», либо за плату. Он распределял их по обителям, выдавал плату и поддерживал дисциплину.

лину в их рядах. В походах именно он выстраивал их в отряды. На марше он шествовал впереди знамени тамплиеров, которое несли оруженосцы. На войне один из туркополов нес черно-белый штандарт с красным крестом. Гонфалоньер носил также флажок цветов Ордена, обмотав его вокруг своего копья и разворачивая во время атаки.

Мы видим, что три последних должностных лица, несмотря на важность своего положения, не могли заменять маршала, если он отсутствовал, был ранен или же убит. Каждый из них имел свою сферу деятельности и выполнял свои обязанности. Набирались они из числа братьев-служителей.

Командор Иерусалимского королевства был очень важной персоной. Он располагал четырьмя лошадьми и одним парадным конем. В его распоряжении находились два оруженосца, брат-служитель, туркопол, дьякон-писец, переводчик и два мальчика на побегушках. Его сопровождал кастиellan монастыря. Командор королевства был верховным казначеем Ордена и имел право контролировать все владения тамплиеров как на Востоке, так и на Западе, а также их доходы. В его кассу стекалась чистая прибыль, и именно он осуществлял все платежи, но по распоряжению магистра и капитула. Его обязанностью было давать по требованию отчет о состоянии кассы. Однако составитель Устава об этом выразился лучше, чем я: «Если магистр или кто-либо из членов совета Дома захочет услышать отчет, он должен перед ними отчитаться». Он принимал и учитывал также подарки деньгами и натурой и собирал средства для выкупа пленных и рабов. Он осуществлял особый надзор за командорствами и имениями Иерусалимского королевства, само собой разумеется, от имени магистра и с его согласия. В его ведении находились порт Акры и приписанные к нему корабли тамплиеров. Командор порта (важная особа, хотя и состоявшая в ранге брата-служителя) находился в его подчинении. Всё, что привозили корабли тамплиеров, захватившие в Акру, должно было предъявляться казначею. Он руководил также распределением братьев

по замкам и мог сказать маршалу: «Этого следует отправить в тот дом, а того — в другой». В мирное время маршал подчинялся ему. Во время войны ему доставляли всю военную добычу, за исключением боевых коней, туркоманов, оружия и доспехов, которые поступали в ведение маршала.

Кастелян, работавший под непосредственным руководством казначея, также был важной особой и располагал четырьмя лошадьми, двумя оруженосцами и человеком для поручений. В его подчинении находились портные. Именно он отвечал за надлежащий внешний вид тамплиеров. Он одевал их и выдавал им постельные принадлежности, кроме шерстяных одеял, которые находились в ведении командора. Когда с Запада прибывали ткани, он присутствовал при «развязывании кип», иначе говоря, тщательно контролировал состояние и качество товара. Он следил также за тем, чтобы братья носили коротко стриженные волосы и не надевали одежд, не предусмотренных Уставом. При вступлении в Орден братья отдавали кастеляну свою мирскую одежду.

Командор Иерусалима, столицы королевства, являлся одним из главных должностных лиц Ордена, поскольку в этом городе находилась главная резиденция. Его традиционной обязанностью было обеспечение защиты паломников, направлявшихся к Иордану, чтобы помыться и постирать свою одежду. Когда вывозили Святой Крест в поход или на войну, командор Иерусалима с десятью лучшими рыцарями должен был охранять его днем и ночью. Его удостоивали чести иметь круглую палатку и знамя тамплиеров, за неимением флага цветов Ордена. Под его началом, помимо братии Иерусалимской обители, находились рыцари-миряне этого города.

Автор Устава посвятил несколько статей командорам Триполи и Антиохии. Их обязанности были такими же, как и у командоров западных провинций. Ввиду удаленности от Иерусалимского королевства и проистекавшей из этого ответственности они пользовались известной автономией. На своей территории они располагали делегированными им пол-

номочиями магистра, которые в его присутствии прекращались. Что касается командора рыцарей, то его функции определены достаточно плохо. Видимо, он просто исполнял приказы маршала и командора Земли. Его полномочия были ограничены, хотя он и мог в отсутствие вышестоящих начальников проводить собрания капитула и давать некоторые разрешения.

Такова была административная и военная структура Ордена тамплиеров в Святой Земле. Следует отметить, что должностные лица, направлявшиеся на Запад (магистры провинций и досмотрщики), назначались капитулом Востока и должны были исполнять распоряжения Верховного магистра и отчасти казначея.

ГНЕВ И БОЛЬ

Иконография тамплиеров чрезвычайно бедна. После их краха, видимо, немало усилий было приложено к тому, чтобы уничтожить их изображения. Можно также полагать, что и в годы существования Ордена эти изображения были немногочисленны, потому что дух экономии и цистерцианское влияние не допускали излишней орнаментации. Кое-где сохранились лишь кресты тамплиеров, которые забыли убрать или оставляли иногда ради уважения к символу, надгробные памятники в виде лежащих фигур в туниках и панцирях, несколько сцен, запечатленных на витражах, книжные миниатюры и множество позднейших реконструкций, в которых желаемое выдается за действительное. Поэтому довольно сложно представить, как же на самом деле выглядел тамплиер в военное и в мирное время, а тем более отряд тамплиеров на биваке или в сражении.

Однако имеется весьма обширный и достоверный источник, отображающий жизнь тамплиеров, и я позволю себе привлечь к нему внимание всех тех, кто интересуется этим вопросом. Он находится в центре прекрасной равнины в приходе Блансак, на юге Ангулема. Именно там некогда выросло командорство Крессак, где находилась часовня, ныне пре-

вращенная в протестантскую церковь. Эта часовня, очень простая, по своему стилю является замечательным образцом местной архитектуры тамплиеров и представляет собой прямоугольник под сводчатой крышей. Однако стены ее покрыты изумительными, прекрасно сохранившимися фресками. Поясной карниз пятнадцати метров в длину и трех метров в высоту разделяется на два регистра. В нижнем регистре представлены белые силуэты, выделяющиеся на красном фоне, — это сцена бивака с военными упражнениями: группа рыцарей на глазах у своих товарищей развлекается турниром. В верхнем регистре на белом фоне представлены в профиль красно-коричневые фигуры. Вдали виднеется замок в Святой Земле, с часовней, зубчатыми башнями, черепичными крышами и стенами, из-за которых выглядывают воины. Из ворот этой крепости выезжают рыцари, как миряне, так и тамплиеры. Находящиеся в первых рядах острыми копьями поражают сарацин, которые прикрываются своими круглыми щитами. Возможно, здесь воспроизведена битва, в которой Ла Боке одержал победу над атабеком Алеппо и Дамаска Нур эд-Дином и участником которой был граф Ангулемский Гильом IV Метатель. Однако главная цель художника — показать тамплиеров такими, какими они были, всегда готовыми покинуть свои крепости, чтобы схватиться с противником. Их головы прикрыты шлемами со вставной носовой частью, надетыми поверх капюшона кольчуги. Их военные камзолы белого цвета, с лапчатым крестом. Крест красуется и на длинных треугольных щитах тамплиеров, между крепами и металлическими поясами, придающими прочность щиту. Развешивающийся на ветру флажок, укрепленный на конце пики, также украшен большим крестом. На некотором расстоянии друг от друга из узорчатой земли пробиваются крупные красные лилии, словно паря в воздухе. Это были времена альянса королей Франции с белым рыцарством! С другой стороны часовни художник изобразил святого Георгия, воина-мученика и одного из небесных покровителей Ордена. В своей чарующей наив-

ности он придал боевым коням тот же выразительный взгляд, что и рыцарям. Внимательный наблюдатель и умелый рисовальщик, он сумел несколькими изящными штрихами выразить главное, передать и экспрессию, и внутренние чувства персонажей. Чарующая неведомая жизнь застыла в этой картине, почти не утратившей первозданной свежести.

Тамплиеры в походе

Устав столь же детально регламентировал походную жизнь тамплиеров, как и их мирную жизнь в командорствах. Всюду господствовала абсолютная дисциплина, позволявшая при сложившейся в Святой Земле обстановке максимально использовать эту небольшую армию храмовников. Очень важно было противостоять духу индивидуализма, мелкого тщеславия и прихоти, характерному для рыцарского общества. Рыцари, братья-служители, туркополы, оруженосцы должны были все время пребывать в готовности незамедлительно откликнуться на призыв магистра или сенешаля. Вот как подобные «моменты» описаны в Уставе:

Рыцари отправляются в поход. Устав запрещал им седлать и взнуздывать коня, садиться в седло и трогаться с места, пока маршал не «выкрикнет» (отдаст) команду. Однако Устав рекомендовал не оставаться в праздности и готовить обоз: колья для палаток, порожные фляги, топоры и веревки, годные для разбивки лагеря, сачки для ловли рыбы. Если возникала необходимость обратиться к маршалу, обращавшийся ни в коем случае не должен был оставаться в седле, но следовало спешиться, выслушать ответ и вернуться на место. По команде тамплиеры вскакивали на коней, предварительно осмотрев все вокруг, дабы убедиться, что ничто не валяется, не забыта ни одна вещь, за утрату которой капитул может привлечь к ответу.

Рыцари в походе. Соблюдая полный порядок, они занимали свои места в колонне, каждый в сопровождении своего оруженосца. Их иноходцы трогались

шагом, «осторожно». Во время перехода каждый рыцарь пускал вперед себя оруженосца и сменных лошадей, чтобы иметь их всегда под присмотром. Ночной порой полагалось соблюдать полную тишину, изредка нарушаемую только необходимыми приказами. Если во время пути кто-либо из братии желал обратиться к своему спутнику, ему полагалось покинуть свое место в колонне, а вслед за ним выходил из строя и его оруженосец со сменными лошадьми. После беседы рыцари возвращались на свои места. Когда тамплиер выходил из колонны либо возвращался в нее, он придерживался подветренной стороны, чтобы пыль не летела на остальных, затрудняя им видимость и причиняя «досаду и раздражение». Под беспощадным небом Востока следовало помнить о песках пустыни, о звериных следах и о пыльных дорогах Палестины. Строжайше запрещалось вдвоем или втроем покидать строй, чтобы предаваться болтовне и «развлекаться»; этот запрет распространялся и на оруженосцев.

Кроме того, нельзя было без разрешения удаляться от колонны, даже чтобы напоить коней. Очень предусмотрительно Устав запрещал ломать строй около водоемов, чтобы не попасть в засаду, которые здесь устраивались очень часто. Только в мирное время можно было остановиться и напоить лошадей. При исполнении задания и в военное время подобные остановки запрещались, чтобы знамя тамплиеров даже не задерживалось близ водопоя. В случае объявления тревоги рыцари вскакивали на коней и, прихватив копье и щит, собирались вокруг маршала в ожидании его приказаний. Вообще они не могли обнажить меч или вложить его в ножны, сесть в седло или надеть на коня уздечку, не получив приказа, особенно если находились в карауле.

Рыцари на биваке. Каждый рыцарь должен был занимать только ту палатку, которая была ему указана: «Приютитесь здесь, сеньоры братья, во имя Божие!». Палатки располагались вокруг шатра, в котором помещалась походная часовня, и круглых шатров маршала и командора Земли, близ которых останавли-

вался и командор Провианта. Никто из рыцарей не имел права отправлять своего оруженосца на поиски фуража или за хворостом без специального на то приказа — или, по крайней мере, кричать об этом на весь лагерь. Прежде всего следовало позаботиться о седлах, прикрыв их грубой холстиной или эсклавиной (род мантии из толстой мохнатой ткани). Кроме того, с поручениями можно было посылать только одного оруженосца на двоих рыцарей. Ситуация была столь небезопасна, что в любой момент можно было ожидать неприятных сюрпризов. Слишком часто рыцари, рискнувшие отправиться в дорогу в одиночку — даже в мирное время, — подвергались неожиданным нападениям и погибали либо оказывались в плену у сарацин. Поэтому было запрещено без разрешения удаляться от крепости более чем на один лье или за пределы слышимости крика на биваках. Разбив лагерь, братия попеременно направлялась на богослужение по часам суточного цикла или на мессу. Если некий брат, исполняя какое-либо поручение, не мог присутствовать на богослужении, то вместо этого он произносил «Отче наш» во имя Бога и Девы Марии.

Когда «глашатай», занимавший палатку около знамени, возглашал «выдачу», то есть раздачу пищи, тамплиеры накидывали свои плащи и неторопливо шествовали к шатру командора Провианта. Именно он распределял еду поровну, причем Устав предписывал ему не давать в одни руки два крыла или два бедра, но разнообразить куски мяса, чтобы никого не обделить. Привилегированный режим предусматривался только для должностных лиц, больных и раненых, ежедневный рацион которых по мясу и вину возрастал на одну треть. Получив порцию, рыцарь возвращался в свою палатку, где готовил пищу вместе с оруженосцем. Походное имущество извлекалось из переметных сумок, в которых оно обычно перевозилось: котел, топор для рубки дров, скребок, миски, ножи и фляги. Запрещалось принимать иную пищу, кроме предложенной командором Провианта, за исключением рыбы, пойманной «черпаком», или дичи,

добытой с помощью силков, то есть не охотничьей добычи, ибо охота была под запретом. Если кто-то из мирян приносил тамплиерам что-либо съестное, это полагалось предъявить командору, который обычно милостиво отдавал это брату, доставившему ему принесенное, если только время не было голодным.

Лошадей содержали по Уставу. С тазами одинаковой емкости тамплиеры ходили к зернохранилищу, оборудованному около шатра знаменосца в центре лагеря. Устав многократно возвращается к вопросу о кормах, заботе о здоровье коней, к проблеме ухода за этими достаточно редкими в Святой Земле животными, так что приходилось привозить их из Европы. Рыцарям запрещалось менять коней без особого разрешения: «Если какому-либо брату достанется ретивый конь, слишком норовистый, или который часто встает на дыбы, или который не тверд на ногах, тому следует показать его маршалу либо поручить другому это сделать». Если была возможность, просителю меняли коня. Но, сколь ни странно, если маршал отвечал отказом, то тамплиер мог отказаться садиться на чересчур ретивого коня, не подвергаясь за это наказанию, — правда, в таком случае ему ничего другого не оставалось, как ходить пешком. Невозможно представить красоту лошадей Ордена, не приведя краткой зарисовки, почти моментальной фотографии, оставленной Имад ад-Дином: «Кони серой масти в яблоках, которые вместо корма получали жестокую погибель; кони с рыжими крапинами, которые в сумерках выступали впереди отряда; рыжие кони, самые выносливые; пегие кони...»

Битва. Незадолго перед атакой маршал, помолившись, принимал знамя тамплиеров из рук младшего маршала. Он подзывал к себе шестерых или десятирых рыцарей. Это были испытанные бойцы, известные своей храбростью и подвигами. «Их задача — не подпускать врагов к знамени, не удаляясь от него, не давая врагу возможности захватить знамя, держась к нему как можно ближе и обороняя его всеми способами». Около маршала останавливался командор рыцарей, который также держал знамя, свернутое во-

круг своего копья, — другим десяти тамплиерам предстояло охранять его. Это было знамя подкрепления, если можно так выразиться. В том случае, если знамя маршала пропадало в ходе сражения, командор подкрепления разворачивал свой стяг и вступал в бой.

Ни один тамплиер ни под каким предлогом не мог покинуть отведенное ему место в строю. Каждый командор эскадрона (подразделения) имел флаг цветов Ордена, свернутый вокруг копья и находившийся под охраной десяти рыцарей.

В случае гибели маршала командор рыцарей принимал на себя общее командование. Если и он оказывался раненым или убитым, то один из командоров эскадрона распускал свое знамя и занимал его место.

В пылу и суматохе схватки знамя тамплиеров служило местом сбора. Долг рыцарей и братьев-служителей состоял в том, чтобы не удаляться от него и пробиваться к нему, откуда бы его ни заметили, в противном случае грозило суровое наказание. Если во время сражения конь увлекал тамплиера в ряды сарацин, он должен был устремиться к ближайшему флагу своего Ордена, который был виден на поле битвы, вне зависимости от того, принадлежал рыцарь или нет к его эскадрону. Даже в случае полного поражения, под угрозой навсегда оказаться исключенным из орденских рядов нельзя было бросать знамя. Если в суматохе проигранного боя тамплиер не видел ни одного флага или штандарта своего Ордена, то он направлялся к стягу госпитальеров, если же кругом не было ни одного знамени христиан, он следовал «туда, куда подскажет ему Господь».

Никто не имел права обращаться в бегство при столкновении с противником или покидать поле битвы без разрешения. Следовало держаться до последней капли крови и пасть в предвкушении вечно-го блаженства!

Тот, кто, будучи раненым или выбитым из седла, попадал в плен к сарацинам, не имел права ни предлагать за себя выкуп, ни отрекаться от своей веры ради спасения жизни. Сарацины обезглавливали плен-

ников, часто после жестоких пыток. Кого щадили, тот становился рабом, под ударами бича ожидая сомнительного освобождения и сожалея о том, что не погиб с оружием в руках среди своих более счастливых собратьев. Вот каковы были тамплиеры!

Выборы Великого магистра

Остается рассказать, как проходили выборы Великого магистра, что за церемония имела место во время выборов и после них и каким образом новый магистр получал инвеституру от членов Ордена. Наш юный брат Жослен, с течением времени и в силу своей исключительной храбрости сделавшийся командором рыцарей, стал внимательным свидетелем и активным участником этой торжественной церемонии. Именно его глазами мы попытаемся взглянуть на свечи, зажженные вокруг покойного магистра, на великого командора, который замещает умершего до выборов нового магистра, на серьезные и суровые лица братии. Это очень важный момент в жизни Ордена, ведь от нового магистра зависит, несмотря на сдерживающую силу капитула, судьба каждого, а кроме того, для Святой Земли сейчас настали трагические времена.

Бог, как выражались в те времена, дал свою заповедь магистру. Усопший, облаченный в тунику и плащ с алым крестом, покоился на катафалке в капелле. Вокруг него распространялось «яркое сияние сальных и восковых свечей». В полном вооружении, чопорные и белые, словно каменные изваяния, стояли тамплиеры в почетном карауле у тела. Капелланы и коленопреклоненные члены Ордена молились о душе новопреставленного. Предстояли торжественные похороны, после чего покойный обретал вечный покой на кладбище храмовников в анонимной могиле среди других братьев. На кладбище собирався весь клир, прелаты, бароны и светские рыцари, стекался народ. Устав неумолимо напоминал, что погребальные почести воздаются не человеку, а занимаемой им должности. Как и в случае с любым рядо-

вым тамплиером, все, что принадлежало усопшему магистру, возвращалось Ордену, кроме его погребального облачения. Орден наследовал его оружие, подарки, которые он получал и хранил в своем сундуке запертыми на ключ. Помимо обычных молитв, братия должна была в течение семи дней после кончины магистра читать за упокой его души по двести молитв «Отче наш»; кроме того, монастырь должен был в течение этого срока кормить по сто нищих в обед и ужин.

Но Орден не мог оставаться без руководства ни одного дня. Временное исполнение обязанностей верховного главы возлагалось на маршала. Вокруг него объединялись представители орденой вер-хушки, наиболее значительные командоры и члены капитула. Эта коллегия выдвигала великого коман-дора, который заменял покойного Великого магистра вплоть до выборов его преемника. Если магистр встречал свою смерть не в королевстве Иерусалим-ском, а в Триполи или Антиохии, роль маршала ис-полнял командор одной из этих территорий.

Великий командор формировал узкий совет, со-стоявший из маршала и командоров Иерусалима, Антиохии и Триполи. Этот совет после зрелых раз-мышлений назначал день выборов и осуществлял приготовительные меры. Он также помогал велико-му командору, временно исполнявшему роль главы Ордена, в делах управления, ибо с момента начала несения новых обязанностей тот получал в свое рас-поряжение печать Ордена и право отдавать распоря-жения по обе стороны моря, словно полновластный Великий магистр, дабы не было ни малейшего пере-рыва в делах. Вплоть до дня выборов вся братия по пятницам соблюдала пост, вкушая только хлеб и воду.

В день выборов после заутрени великий командор собирал совет монастыря, но не всю братию. Под его председательством этот малый капитул выбирал двух или трех человек, пользовавшихся безупречной репутацией, и их просили покинуть зал. Один из них избирался командором выборов. Обычай требовал,

чтобы этот человек славился благочестием, знал несколько языков, пользовался всеобщим уважением, стремился к миру и согласию среди братии и не принадлежал ни к какой группировке. Затем капитул выбирал его помощника, который непременно должен был иметь ранг рыцаря.

Командор выборов и его помощник до восхода солнца шли в капеллу вознести молитву Господу и испросить его совета. По дороге они не должны были ни с кем разговаривать и никто не смел к ним обращаться. Во время их молитвы остальная братия читала часы и предавалась размышлениям, умоляя Всевышнего, чтобы он просветил их, коли будет на то его воля. Затем сокрушающиеся тамплиеры возвращались в свои постели.

Рано поутру колокол звонил к первому часу. Тамплиеры поспешно накидывали свои плащи. Они степенно и чинно вступали в часовню, чтобы благочестиво прослушать мессу во имя Святого Духа, а потом третий час и полдень.

Наконец, великий командор созывал весь капитул. Он призывал братию с помощью Святого Духа избрать магистра и пастыря, чтобы он повел их по пути добра и наставлял их всюду, где у Ордена имеются командорства. Братия преклоняла колени и возносила к небесам горячие молитвы.

Великий командор подзывал к себе командора выборов и его товарища и обращался к ним со следующей речью:

«Прекрасные сеньоры братья, именем Бога приказываю вам, ради спасения души и достижения райского блаженства, назначить избирателей, которые будут вам помогать. Прошу вас отринуть личную приязнь, дружбу или ненависть, но избрать достойнейшего среди тех, кто принесет Ордену мир и согласие».

После этих слов командор выборов и его товарищ удалялись в другую комнату. С общего согласия они называли двух других братьев, которые присоединялись к ним. Четверо выбирали еще двоих, и их становилось шестеро. Шестеро выбирали еще двоих, и их

становилось восьмеро, и так далее, пока число избранных не возросло до двенадцати, по числу апостолов. Двенадцать братьев называли тринадцатого — обязательно из среды капелланов Ордена. Капеллану предстояла почетная миссия представлять на выборах Иисуса Христа, присутствие которого должно было удерживать избирателей от раздоров. Среди этих избирателей, составляющих почетный капитул, должно было быть, помимо капеллана, восемь рыцарей и четыре брата-служителя. Устав резонно рекомендовал включать в их число выходцев из разных стран.

Но вот наконец все формальности выполнены, и тринадцать избирателей предстают перед собравшимися членами своего монастыря. Командор выборов, который руководит ими, обращается к великому командору и ко всем присутствующим, предлагая им помолиться за них, ибо трудна задача, которая им предстоит, и тяжела ответственность, возложенная на их плечи. Вся братия простирается ниц и громко обращается к Господу, ко всем святым мученикам и мученицам, умоляя, чтобы выбор пал на самого достойного.

Затем все поднимаются на ноги, и великий командор говорит, обращаясь к тринадцати: «Теперь, прекрасные сеньоры братья, мы призываем вас во имя Господа, Пречистой Девы Марии, святого Петра, ради всех святых мучеников и мучениц и ради всей нашей братии, дабы не лишиться Божьей милости, выполнить свой долг и избрать того, кого вы сочтете наиболее полезным для Ордена и для вящей его славы».

Командор выборов отвечал на это: «Командор и вы, прекрасные братья, помолитесь, чтобы Господь вразумил нас».

Тринадцать избирателей удалялись, а в это время весь монастырь молился, простершись ниц. В специально подготовленном зале все двери запирались на замок, ибо Устав предписывал соблюдать строжайшую секретность. Избиратели сравнивали достоинства представителей орденской верхушки, способ-

ных исполнять высшую должность Верховного магистра. Каждый высказывал свое мнение сдержанно и мирно. Если один из присутствующих чрезмерно возвышал голос и позволял увлечь себя личным пристрастиям, в дебаты вмешивался капеллан и успокаивал его. Высказывать свое отношение к тому или иному кандидату следовало со всей ответственностью и сдержанностью, ставя превыше всего интересы Ордена и только Ордена! Когда избиратели сходились на двух кандидатурах, председатель ставил вопрос на голосование, обратившись к своим товарищам с последним увещанием. Избранным считался тот кандидат, который набирал большинство голосов. Предпочтение отдавалось обитавшим в Святой Земле, но можно было отдать свой голос и брату с Запада, если он считался достойнейшим.

Случалось, что избиратели не могли прийти к согласию, и их голоса разделялись между тремя и даже четырьмя именами, несмотря на вмешательство командора выборов и советы капеллана. Каждая сторона отстаивала своего кандидата. В этом случае командор и один из его помощников вновь зывали к монастырской братии:

«Командор и вы, прекрасные сеньоры братья, молитесь Господа, чтобы он просветил и направил нас...»

Командору выборов было строжайше запрещено демонстрировать перед капитулом малейший намек на существующие разногласия. Разрешалось лишь просить у братии и у присутствующих сановников духовной поддержки. Снова все преклоняли колени и простирались ниц. Они умоляли Святого Духа направить капитул. И вновь командор выборов удалялся вместе со своими помощниками. Если разногласия сохранялись, Великим магистром избирался набравший большее количество голосов, даже если это было и не абсолютное большинство. Однако, по общему мнению, лучше всего, если магистр избирается единогласно.

Если вновь избранный Великий магистр принадлежал к братии Святой Земли и посему находился среди присутствующих, то начиналась любопытная

и вместе с тем очень показательная церемония, которую должен был проводить командор выборов. От лица своих товарищей-избирателей он обращался к братии со словами:

«Прекрасные сеньоры братья, воздайте хвалу и благодарность Господу нашему Иисусу Христу, Пречистой Деве Марии и всем святым мученикам и мученицам за то, что мы пришли к согласию. С Божьей помощью и вашими молитвами мы обрели Магистра Ордена Храма. Довольны ли вы нашим выбором?»

Заметим, что, задавая этот вопрос, говоривший еще не называл имени избранного. И тем не менее братия дружно отвечала:

«Да, слава Богу!»

Тогда он подходил к великому командору и спрашивал его:

«Командор, если Бог и мы избрали вас Магистром Ордена Храма, обещаете ли вы повиноваться Ордену во все дни вашей жизни и соблюдать наши добрые обычаи и установления?»

И великий командор отвечал:

«Да, коли будет на то воля Божья!»

Это отнюдь не означало, что выбор пал именно на великого командора. Далее командор выборов задавал тот же вопрос присутствующим должностным лицам и членам совета Ордена, которые могли оказаться избранными, и каждый спрошенный отвечал в свой черед:

«Да, коли будет на то воля Божья!»

Это была своего рода предварительная присяга. Магистр с момента своего провозглашения принимал присягу, но сам не должен был присягать никому из братии. Среди должностных лиц и членов совета Ордена, к которым обращался командор выборов, находился и новый магистр, еще не знавший о своем избрании. Наступал торжественный момент. Командор приближался к избранному и объявлял ему:

«Брат N..., во имя Отца и Сына и Святого Духа, мы избрали вас и признаем вас магистром».

Обращаясь ко всем присутствующим, он продолжал:

«Прекрасные сеньоры братья, воздайте хвалу Богу — вот наш новый магистр!»

После этого капелланы затягивали «Te Deum laudamus»²⁰. Тамплиеры поднимались с пола, подходили к новому магистру с изъявлениями радости и великого благоговения и торжественно несли его в часовню. Действуя подобным образом, они представляли своего нового господина Распятому, чтобы поблагодарить за избрание.

Магистр преклонял колени перед алтарем.

«*Kyrie eleison! Christe eleison! Kyrie eleison!*» — монотонно повторяли капелланы и приступали к чтению псалмов. Церемония заканчивалась молебствием. Тамплиеры зывали к Господу, чтобы он направил нового магистра по доброму пути...

Устав рекомендовал избирателям не разглашать столкновений и споров на собрании капитула, произносившихся там речей и не открывать имен ни отвергнутых кандидатов, ни их сторонников, «чтобы не проистекло из этого великого скандала и великой неприязни».

Последние магистры Ордена тамплиеров на Западе

Выборы, в которых принял участие и брат Жослен, закончились 13 мая 1273 года избранием Гийома де Божё. Он стал преемником Великого магистра Тома Берара, скончавшегося в марте того же года. На заключительном этапе выборов, как сообщают источники, Божё все еще был далек от победы, поскольку он находился не в Святой Земле, являясь в то время магистром провинции Апулии. Только прибыв в Святую Землю, он смог получить инвеституру. Было необходимо, чтобы весь ход и ритуал выборов был полностью соблюден.

В конце правления Тома Берара в Ордене царила растерянность. Этот период был отмечен сокрушительными поражениями и ознаменовался трагическими событиями. Все усилия, дипломатические ма-

²⁰ «Тебя Бога славим».

невры и мужество Берара и его советников не принесли положительного результата. Святая Земля была обречена, и ничто не могло уже исправить ситуацию. Требовалось немедленное и мощное подкрепление, сравнимое с тем порывом, который позволил завоевать Иерусалим во времена Готфрида Бульонского и его храбрецов. Но на Западе трагедия Совершенной Земли встречала только равнодушие. Туда ушло столько подкреплений и денег. Эта далекая страна превратилась в настоящую бездну, в которую проваливались сокровища и цвет западного рыцарства. И напрасно теперь патриарх Иерусалимский, магистр и верхушка Ордена тамплиеров — все те, кому приписывались ответственность и верное знание ситуации, — множили призывы о помощи и направляли послание за посланием папе и королям. Напрасны были их усилия. Доходы духовно-рыцарских орденов более не покрывали расходов на туркополов, которые до сих пор хоть как-то компенсировали недостаток личного состава. Напрасно прозвучало обращение патриарха: «Во имя любви к Богу, помири́те Геную с Венецией, помогите бедным пилигримам свершать паломничество на Восток, соберите для нас десятину с Кипра и Иерусалима, дабы потратить ее на оборону Акры и Яффы, и поспешите отправиться в новый Крестовый поход...» Кто же еще, кроме благочестивого французского короля, пожелал принять на себя крест? Прежде чем отправиться в Тунис, где ждала его гибель, он финансировал деятельность в Святой Земле Жоффруа де Сержина с его контингентом добровольцев, что стоило королю недешево. Мог ли он решиться на большее на фоне все возраставшей враждебности общественного мнения к этим авантюрам в дальних краях? Отголоски этого мнения мы находим у Рутбефа, воспевшего в стихах дух своего времени. Его перу принадлежат не менее одиннадцати крупных поэм, бичевавших равнодушие, эгоизм и легкомыслие современников, побуждавших их отправиться за море. Самой известной в его творчестве стала поэма под названием *«Спор крестоносца с сомневающимся»*. Это дебаты

между человеком, отправляющимся в Крестовый поход, с тем, который не желает последовать его примеру и предпочитает «подождать и поразмыслить». Он заявляет без обиняков:

Прелаты и монахи отомстить решили
За поношение креста — да будет эта ноша им не в тягость,
Чтоб голодом и жаждой не томились,
Чтоб не коснулись их ни зной, ни шторм, ни слякоть.

Есть и такие строки:

Я не делал вреда никому,
И никто не чинил мне дознанья.
Я встаю с петухами и воз свой тяну,
У соседей снискал я признание.

На смену эпикурейству приходит скептицизм:

Если Бога в землях нет иных,
Во Франции он есть — в том нет сомненья,
Что делать Господу среди живых,
Которые его не любят ни мгновенья.

Между тем Земля обетования, столь дорогая сердцам века предыдущего, превращалась, по словам того же поэта, в Землю терзания. В 1257 году появилась некоторая надежда. Монголы, словно поток, наводнили Малую Азию и приблизились к сирийским границам. Было весьма сомнительно, что западные государи и византийский император согласятся вмешаться. Еще менее можно было ожидать, что бароны Святой Земли объединятся и будут проводить единую политику в отношении как монголов, так и арабов. Верные самим себе, они продолжали ссориться. Вторая волна монголов под предводительством внука Чингисхана, Хулагу, опустошила мусульманскую Сирию и при поддержке Боэмунда Антиохийского и латинских баронов накрыла Дамаск. Другие представители знати, чтобы противостоять Боэмунду, встали на сторону султана Бейбарса и его мамелюков, совершив столь большую по своим последствиям ошибку, что это было равносильно предательству и даже хуже: они подписали смертный приговор королевству Иерусалимскому. Ибо перед лицом опаснос-

ти арабы в который раз оказались на высоте: они прекратили раздоры и объединились под командой Бейбарса. Последний напоминал Саладина, но, будучи столь же непримиримым, он был начисто лишен его рыцарского характера. 3 сентября 1260 года Бейбарс разбил монголов у Айнжалуда, навсегда остановив их продвижение. Он распорядился убить султана Раира и после его смерти стал единственным авторитетом среди мусульман, что невероятно подняло его и без того высокий престиж. Теперь ничто не препятствовало ему отвоевать королевство Иерусалимское, разве что Крестовый поход, впрочем, весьма маловероятный. Бейбарс не проявил ни малейшей поспешности; напротив, он тщательно подготовился к задуманному шагу, обстоятельно взвесил свой план, стянул войска, орудия и боеприпасы.

Лишь в начале 1265 года он предпринял внезапную атаку. В ходе сокрушительного нападения он занял Кесарию (27 февраля), Арсуф (26 апреля) и многочисленные менее важные опорные пункты противника. В следующем году он овладел замком тамплиеров в Сафете, где перерезал всех защитников. В 1268 году под его ударами пали Яффа (7 марта), Бофор (5 апреля), Баньяс (26 апреля) и Антиохия (15 мая). Маневренность его войск и их численность позволяли ему одновременно осуществлять операции на севере и на юге. К этому периоду относится случай с Гастейном, отраженный во французской и каталонской версиях Устава. Небольшая крепость Гастейн относилась к Антиохийскому бальяжу и находилась в начале долины Оронта. Антиохия пала, и тамплиерам Гастейна неоткуда было ожидать помощи. Одного из них, брата Ги д'Ибелина, до того охватило отчаяние, что он тайно покинул крепость и предложил Бейбарсу капитуляцию. Однако и после подобной измены тамплиеры решили сопротивляться, но наемники, не принадлежавшие к Ордену, отказались жертвовать собой. Рыцари остались лицом к лицу с приближающейся армией султана. Они поспешно разрушили крепость, постарались, на-

сколько смогли, уничтожить запасы продовольствия и отступили в замок Ла Рош-Гийом, где было менее опасно. Магистр Тома Берар в это время находился в Акре. Узнав о падении Антиохии и не имея возможности оказать помощь Гастейну, он отправил туда брата Пельпора передать приказ об отступлении. Пельпор застал беглецов в Ла Рош-Гийоме и препроводил их в Акру. Они умоляли простить им их оплошность, учитывая драматическую ситуацию, в которой оказались. Мнение капитула по поводу санкций в отношении их разделилось. Одни считали, что следует исключить их из Ордена, поскольку они без приказа магистра оставили вверенную им крепость. Другие предлагали простить виновных, учитывая их намерения и сложные обстоятельства. Вопрос оставался нерешенным. Возможно, магистр, руководствуясь мотивами, которые нам неизвестны, запросил мнение капитула Запада — простая юридическая консультация. И мнение сложилось такое, что, хотя тамплиеров Гастейна и можно извинить за утрату крепости, их все же следует считать виновными, поскольку они не до конца ее разрушили и уничтожили не все хранившиеся в ней запасы. Вследствие этого их лишили, согласно Уставу, орденского облачения сроком на один год и один день. Эта мера была избрана неслучайно. Она свидетельствовала о том, что магистр Тома Берар не терпел послаблений и был поборником жесткой дисциплины. В то время как вокруг них все рушилось, тамплиеры оставались верны себе, сохраняя чистоту и твердость. Но под маской внешней суровости, несмотря на самую пылкую убежденность, — сколько невысказанной скорби и какое чувство собственного бессилия! Один из них, чье имя неизвестно — иногда его называют Оливье Тамплиер, — излил свой гнев и боль в поэме, написанной на провансальском языке, которая сохранилась до наших дней:

«Гнев и боль давят мое сердце, они овладели мной с такой силой, что я с трудом заставляю себя жить дальше. Ведь подвергается поношениям Крест, который мы несем во имя Распятого. Ни Крест, ни закон

более ничего не значат, они более не могут защитить нас против неверных турок, проклятых Богом. И кажется вдруг, что Господь на их стороне, нам на погибель. Сначала они завоевали Кесарию и взяли штурмом крепость Арсур. Эй, Господь Бог, куда подевались слугители и миряне, которые сражались на крепостной стене Арсура? Увы, Восточное королевство потеряно, и, по правде говоря, оно никогда не сможет возродиться. Не надейтесь, что Сирия печалится об этом, ведь она объявила и поклялась, что ни одного христианина, насколько это в ее власти, не останется в стране. Они переделали в мечеть церковь Святой Марии, а так как ее Сын, который должен был бы скорбеть об этом, витает в облаках, мы вынуждены вместе с ним мириться с таким положением! Истинные глупцы те, кто собирается сражаться с турками, потому что Иисус Христос не имеет к ним претензий. Они побеждали и будут побеждать, как ни тяжело в том признаться, французов и татар, армян и персов. Они знают, что каждый день готовит нам новые унижения, ибо Господь бодрствует в другом месте, а Магомет красуется своим могуществом и умножает блеск египетского султана. Папа оказал великодушные французам и провансальцам, которые помогли ему одолеть немцев. Он демонстрирует великую ревность, ибо наш Крест не ровня турецкому, и он радуется за Крестовый поход на Ломбардию...»

Вот так-то! Хотя это еще не конец. К несчастьям Святой Земли добавилась война гвельфов и гибеллинов в Ломбардии. Папа действительно выдавал те же самые индульгенции добровольцам, сражавшимся за него против немцев. Он забыл, как призывал к Крестовому походу в Святую Землю. Он даже подверг отлучению маршала Ордена тамплиеров (Этьена де Сиссея), обвиненного в том, что воспрепятствовал папскому легату вербовать солдат для отправки якобы в Святую Землю. Можно представить, насколько глубоки были смятение и боль рыцарей Храма, покинутых и даже преданных их покровителем! Это позволяет острее ощутить горечь поэмы *Ira et Dolor* («Гнев и боль»), процитированной выше.

Когда Гийом де Божё после десяти лет странствий по Европе, ходатайств перед государями и безответных просьб вернулся в Акру, он обнаружил следующую картину: Иерусалимское королевство после победоносных кампаний Бейбарса сократилось до территории городов Акры, Триполи, Тортосы, Бейрута (Барута) и прибрежных крепостей Атлита и Сайеты. Княжество Антиохийское перестало существовать. Южные опорные пункты — Кесария, Яффа, Арсуф попали в руки мусульман. Замки тамплиеров Бофор, Шастель-Блан и Сафет пали вместе с замком госпитальеров, считавшимся неприступным. Госпитальеры еще удерживали Маргат, а немцы Монфор. Однако было очевидно, что они долго не продержатся. К счастью, смерть Бейбарса в 1277 году и распри его наследников отсрочили неизбежный конец. Исламский мир распался на части, лишившись настоящего лидера, что, впрочем, не мешало мусульманам совершать рейды вокруг городов, все еще находившихся во власти христиан. Великий магистр Ордена Храма, равно как и Великие магистры госпитальеров и тевтонских рыцарей позабыли про свою спесь и объединили усилия, хотя спасти положение могло лишь чудо, ведь помощи ждать было неоткуда. Второй Крестовый поход Людовика Святого, даже окольным путем на Тунис, мог бы спасти Святую Землю или, по крайней мере, обеспечить некоторый период затишья. Смерть Святого короля перечеркнула эти надежды. Оставалось только ждать и постараться удержать то, что удалось спасти после разгрома. Но во имя чего? Куда делись смельчаки, готовые пуститься в паломничество по святым местам? И кто кроме рыцарей-монахов решился бы теперь воевать за Святую Землю ради христианства? Они одни продолжали считать себя хранителями этой земли и в своем химерическом упорстве настаивали на спасении чести Церкви, когда она сама отступилась, отвернулась, избрала иной путь.

Что до баронов, то они продолжали танцевать на вулкане, неудержимо предаваясь роскоши, удовольствиям, устраивая бесконечные пиры и в доверше-

ние этого разбившись на две враждующие группировки. По случаю коронации Генриха II Кипрского в Акре они окунулись в празднества и турниры на пятнадцать дней, когда враг стоял у ворот! Если бы эта коронация положила конец раздорам, можно было бы извинить подобное легкомыслие, но едва погасли свечи и закончились состязания, как возобновившаяся борьба между группировками и даже внутри них вырвала лучших из их рядов. Зримо нарастала анархия, подтолкнув жителей Триполи к объявлению своего города независимой республикой. Напрасно Гийом де Божё склонял группировки к примирению, стараясь не давать никаких обещаний, чтобы сохранить нейтралитет Ордена. По свидетельству автора одной хроники, — его обычно называют Тирским Тамплиером — магистру были присущи возвышенные взгляды, объективность и влияние истинного государственного мужа. Не будет преувеличением назвать его последним королем Иерусалимским — королем без короны, без будущего, без денег и без армии, но все еще внушающим уважение.

Прощание с братом Жосленом

Командор рыцарей, он видел, как таяли эскадроны, истреблялись прибывшие с Запада контингенты, снаряженные на скорую руку, как рушились крепости, гибли христиане, и даже не знал, сколько дорогих его сердцу братьев ушло из жизни. Он выжил, хотя срок его службы в Святой Земле перевалил за тридцать лет, — выжил наперекор усталости, полученным ранениям и позору поражений. Никогда он не отступал, не уклонялся от боя, не пытался избежать смерти мученика, которая ходила близко от него и которую он ввиду крушения надежд счел бы за счастье. Он преждевременно состарился, кожа загорела на солнце, черты лица приобрели резкость, борода и волосы на голове побелели. Куда исчез высокий юноша с персиковыми щеками и алыми губами из командорства Куломьер, с горячим сердцем, пылки-

ми надеждами и жаждой подвигов? Все это время на его долю выпадали только молитвы да сражения, сражения да молитвы, то в чистом поле, то в орденовских замках или на городских укреплениях, то в разведывательных поездках с горстью рыцарей по враждебной стране, то по дороге в главную резиденцию, куда его вызывали для выполнения какого-либо поручения. Провидение хранило его, словно берегая для высокого предназначения, — он никогда не задумывался, для чего именно, не искал славы, он просто исполнял приказы своих начальников. Со стороны могло показаться, что брат Жослен окружен особым ореолом, который хранит его от самого худшего: дважды его посылали в Акру накануне разгромного поражения — и он спасся. Дважды он оплакивал своих друзей, обезглавленных или повешенных арабами. Но однажды во время патрулирования вокруг Акры на исходе ночи стрела попала ему в спину, вонзившись под лопатку. Он вернулся в город, лежа на шее своего коня, поддерживаемый товарищами по оружию. Его отправили в лазарет, где лекари извлекли железный наконечник и остановили кровотечение. Но возраст и накопившаяся усталость сделали свое дело: рыцарь, славившийся несокрушимым здоровьем, изнемогал от слабости и никак не мог пойти на поправку. Чтобы побороть вялость, охватившую его члены и выводившую его из равновесия, он, вопреки предостережениям докторов, решил приступить к службе. За неделю он трижды падал с лошади, а на следующей неделе, упорствуя в своем исступлении, довел себя до обморока. Пришлось задержаться в лазарете еще на три недели, питаясь отборными яствами и запивая их хорошим вином. Но однажды вечером кашель до того одолел его, что кровь выступила на губах. Он взглянул на свои трясущиеся руки, пощупал дряблую плоть на ногах и руках, и слезы бессилия потекли по его лицу. Всю ночь, не в силах сомкнуть глаз, он размышлял, лежа на своей бедной солдатской постели. А наутро, облачившись как можно опрятнее, затянув на талии черный кожаный пояс, он предстал перед магистром Гийомом де Божё,

ибо маршал тогда отсутствовал. Он преклонил перед магистром нетвердые колени, и тот, видя его смертельную бледность, обратился к нему ласково, любезно помог подняться и повелел сесть. Брат Жослен хотел сдержать слезы, но не смог.

— Во имя Бога, сеньор магистр, — заговорил он, — я ранен и болен. Я не могу вновь обрести здоровье и против своего желания падаю с лошади. Согласно нашему Уставу соблаговолите передать мои доспехи тому, кто способен лучше меня служить Ордену. Но, с вашего позволения, сеньор магистр, я мог бы, если это будет во благо Ордену, служить писцом в канцелярии... Я постиг язык и грамоту сарацин...

— Прекрасный брат командор, — спросил магистр, — сколько лет вы носите доспехи послушания?

— Тридцать семь лет.

— А сколько лет вы служите в Святой Земле?

— Тридцать два года... Сир магистр, отказ от службы — худшая беда для старого тамплиера.

— Подумайте, прекрасный брат, о наших товарищах, томящихся в плену, или о тех, кого поразила проказа, и они влачат жалкое существование — живые мертвецы!

— Худшее наказание — вложить меч в ножны в минуту опасности, это самый тяжкий крест для старого солдата...

В то время один сановник Ордена собирался на Запад для сбора средств и вербовки добровольцев, если найдутся таковые. Из милосердия и потому, что больному рекомендовалась смена климата, а также не желая оставить досточтимого Жослена в беде, начальники Ордена назначили его помощником к этому сановнику. Брат Жослен сел на галеру тамплиеров и тридцать два года спустя вновь пересек, в обратном направлении, Средиземное море. На Востоке он оставил свою молодость, свое прошлое, свои надежды, но ни одного светлого или волнительного воспоминания не сохранилось в его душе после долгой и бурной карьеры, битв с сарацинами, дозоров на дорогах или ночей на биваках, когда серп луны мерцает среди созвездий. Он высадился в Коллиуре столь утом-

ленный плаванием, что спутник препроводил его в командорство Дузан, где лекари окружили страждущего вниманием и заботой. Вокруг резиденции расстилались пустоши. Гора Алариха возвышалась над белесоватыми вершинами холмов, поросших соснами и тощим кустарником. В долине Оды с той и с другой стороны реки виднелись перемежавшиеся друг с другом виноградники и нивы и серые листья оливковых деревьев трепетали на солнце. Невыразимый свет делал прекрасным этот пейзаж, напоминавший Иудею. Именно здесь угас брат Жослен, без единой жалобы, — как говорили тамплиеры, «там, где призвал его Господь». Поскольку у него не было смены одежды, кроме носильного платья, в нем его и оставили, а скромный багаж и доспехи вернулись Ордену. В капелле отслужили мессу, а потом погребли его среди братьев, в красноватой земле, внутри орденской ограды. Братия Дузана почтила память покойного сотней молитв «Отче наш», прочитанных в течение недели, протекшей с его кончины. Согласно Уставу в течение сорока дней кормили нищего, словно Жослен был еще жив. Все было сделано, как должно, ибо Жослен жил и умер, как полагалось и как учили молодых рыцарей: «Днем и ночью старательно исполняя свои обязанности, руководствуясь изречением мудрейшего из пророков, который сказал: *«Calicem salutarem accipiam»*. Это означает: «Приму я чашу спасения». Иными словами, отомщу за смерть Иисуса Христа собственной смертью. Ибо как Иисус Христос не пожалел своей плоти за меня, так я обязан отдать душу за братьев своих. Именно эта жертва угодна Господу».

МУЧИТЕЛЬНЫЙ КОНЕЦ ОРДЕНА ТАМПЛИЕРОВ

*Ха! Французский король, французский король!
Вечно колеблется акр — убедиться изволь,
Выровняй меру, коль такое твое ремесло,
И Господу послужишь верней всего.*

Рутбеф

И действительно, Провидение, пославшее Жослену смерть в Руссильоне, в очередной раз его уберегло. Верховный магистр отдал ему свое распоряжение еще до того, как началась агония Ордена. Жослен никогда не узнал, что в Акре сарацины учинили массовую резню и что уцелевшие тамплиеры покинули Святую Землю. И тем более он не узнал, как ловко король Франции и папа сумели опозорить и в конце концов уничтожить святое общество рыцарей Христовых. Его недавние товарищи, которые знали и любили его как брата, могли бы и позавидовать его участи, и пожалеть, что сами остались живы. По крайней мере, он почил тихо и мирно, удостоился приличествующего рыцаря погребения, и его брэнная плоть была опущена в достойную могилу. Ибо избегнувших смерти ожидали бесчестье, муки и публичный позор...

Истинный муж

В 1289 году вольная община Триполи, несмотря на подкрепление, подоспевшее в последний момент, была захвачена султаном Келауном. Келаун велел уничтожить воинов-защитников и местное население и срыть крепостные стены. Отныне ему оказыва-

ли сопротивление только Акра и крепости тамплиеров Сайета, Барут и Шастель-Пелерен (Атлит). Между султаном и псевдокоролем Иерусалимским существовало перемирие, но христиане нарушили его. Папа решил выслать двадцать галер на помощь христианам. Когда эти новые крестоносцы — которым предстояло стать последними! — высадились на берег, они принялись убивать бедных феллахов, мстя за жителей Триполи. Султан с полным основанием потребовал наказать новоприбывших. Христианская сторона, как обычно, принялась вилять и в конце концов направила Келауну извинения, которые тот не принял. Тем не менее он не расторгнул перемирия немедленно, поскольку хотел предварительно закончить все приготовления. Келаун умер, но магистр Ордена тамплиеров Гийом де Божё узнал от одного эмира, своего друга, что сын Келауна, султан Малек эль-Эссераф, набирает войско и стягивает осадные машины. Наконец, он получил официальное объявление войны, ибо отныне магистр Ордена тамплиеров в глазах сарацин воплощал единственную реальную власть:

«Султан султанов, король королей, государь государей Малек эль-Эссераф, державный, грозный, победитель мятежников, победитель франков, татар и армян, исторгающий крепости из рук неверных, вам, магистр, благородный магистр ордена Храма, достойный и мудрый, шлет привет и благие пожелания. Поскольку вы проявили себя истинным мужем, мы уведомляем вас о нашей воле и сообщаем, что движемся походом на вас, чтобы исправить допущенное зло, поэтому впредь не желаем, чтобы община Акры направляла нам свои послания, ибо мы более не будем их принимать...»

Малек эль-Эссераф со своей армией появился под стенами Акры 5 апреля 1291 года. Неравенство сил было огромно, хотя и есть основания не доверять преувеличениям сарацин. Акру защищали восемьсот рыцарей и около десяти тысяч пехотинцев, в том числе тамплиеры де Божё и его туркополы. В распоряжении же султана было сто тысяч воинов, хотя

арабские хронисты сообщают о двухстах тысячах всадников и пехотинцев. В течение недели, казалось, ничего не происходило, и подобное бездействие должно было усилить тревогу защитников города. В действительности же предусмотрительный Малек эль-Эссераф выбирал позиции для стенобитных машин, вместе со своими инженерами занимался расчетами, под каким углом лучше вести обстрел, а в это время главные силы армии воздвигли множество шатров. Шатер Малека, самый большой, был алого цвета. Наконец были приведены в действие четыре крупные баллисты и огромное количество более легких и маневренных метательных орудий. Каждая зона обороны обстреливалась каменными ядрами различного размера. Одновременно подразделения саперов приступили к рытью подкопов. Тамплиеры, госпитальеры, тевтонские рыцари, пизанцы и местные бароны с крепостных стен следили за действиями врагов. Для удобства и во избежание раздоров защитники разделили город на четыре квартала. Чтобы уничтожить вражеские орудия, тамплиеры решили предпринять вылазку. Она едва не увенчалась успехом. Закованные в железо рыцари под предводительством Гийома де Божё прорвали полосу укреплений противника и, увлекаемые разбегом своих коней, оказались среди шатров, но кони начали спотыкаться среди веревок и кольев. Под ударами контратаки султана Хамы тамплиеры вынуждены были повернуть поводья и вернуться в Акру. Ночью рыцари Храма повторили вылазку, но как только они оказались за пределами городских стен, лагерь осветился огнями, и тамплиеры вынуждены были отказаться от продолжения своей попытки. Рытье встречных подкопов ничуть не мешало саперам Малека. Башня «Модит», под основание которой был подведен подкоп, дрогнула от ударов метательных орудий и рухнула. Другие укрепления покрылись широкими трещинами и также грозили обрушиться... Однако Малек не спешил отдавать приказ о штурме. Тем временем «король Иерусалимский» Анри де Лузиньян

высадился на Кипре с запасом продовольствия и подкреплением. Рассудив, что ситуация безнадежна, он вступил в переговоры с султаном. Переговоры провалились. 16 мая рухнула башня «Нёв». Защитники города силились заткнуть гигантскую брешь в стене досками и сваями. А султан все не отдавал приказа к атаке, словно предоставляя осажденным время эвакуировать население города. Но море штормило, и это затрудняло посадку на суда. В пятницу 18 мая прозвучал сигнал к атаке. Штурм велся тремя линиями, первая из которых двигалась под прикрытием больших щитов, вторую составляли поджигатели (воины несли горшки с зажигательной смесью и пороховые снаряды), третью образовали лучники. Последние посылали тучи оперенных стрел. Внезапно нападающие разделились на две части: одна двинулась к Сент-Антуанским, а другая — к Сент-Романским воротам.

Услышав шум, Гийом де Божё взял с собой двенадцать рыцарей и, следуя за магистром госпитальеров и несколькими его спутниками, устремился к Сент-Антуанским воротам, чтобы попытаться сдержать гигантский натиск нападающих. Но чуда не произошло. Когда он поднял левую руку, готовясь отдать приказ, ему в подмышку вонзилась стрела:

«И когда он почувствовал, что рана его смертельна, он направил своего коня шагом в сторону, и можно было подумать, что он удаляется, чтобы спасти себя. Знаменосец последовал за ним, а следом устремились и все сопровождавшие магистра тамплиеры. Тогда крестоносцы из Сполето, находившиеся там, закричали:

— Эй! Во имя Бога, сир, не уезжайте, иначе мы потеряем город!

А он ответил им:

— Сеньоры, я не могу более участвовать в битве, ибо я уже мертв, посмотрите на рану...

И тут мы увидели рану на его теле. Он же, произнеся эти слова, уронил на землю свое копьё, обвинил руками шею коня и начал сползать с седла, но его спут-

ники приблизились к нему, поддержали его, сняли с лошади и положили его на щит, который обнаружили там брошенным и который оказался достаточно-го размера по ширине и длине».

Магистра отнесли в крепость тамплиеров, где он отдал Богу душу, не произнеся ни слова. Наступила катастрофа. Все бежали: воины, купцы, женщины с детьми на руках. Десять тысяч беженцев нашли убежище в главной резиденции. Как потом вспоминали, она была обращена в сторону моря и называлась «Свод Акры». Маршал Ордена Храма Пьер де Севри принял на себя командование. Он посадил на имевшиеся в наличии суда столько народу, сколько они могли вместить. В течение десяти дней рыцари отражали неистовые атаки сарацин. Видя это, султан предложил им почетную капитуляцию. Маршал принял предложение. Но как только первые сарадины вступили на территорию крепости, они набросились на женщин, которые не сумели уехать. Тамплиеры убили этих сарацин и подняли подъемный мост. Султан скрыл охватившую его ярость и предложил возобновить переговоры. Когда маршал и его свита прибыли к нему, положившись на данное им слово, султан приказал их обезглавить. Оставшиеся в крепости тамплиеры решили защищаться до последнего и быть, с Божьей помощью, погребенными под руинами командорства. Нападающие подрыли стену и ринулись в образовавшуюся брешь, но земля просела под их тяжестью, вызвав мощный обвал крепостных стен. Во исполнение своего обета тамплиеры Акры нашли смерть под руинами, но вместе с ними погибли и две тысячи неверных.

Это случилось 28 мая 1291 года. Падение Акры неотвратимо повлекло за собой гибель Иерусалимского королевства (как его все еще называли) и сдачу последних позиций. Тамплиеры Сайеты выбрали магистром Тибо Годена, брата-капеллана, и затем переместились на Кипр. Тамплиеры Шастель-Пелерена добровольно покинули свою крепость и также отправи-

лись на Кипр. Защитники Барута, слишком доверчивые, предпочли почетную военную капитуляцию. Сарацины разоружили их и повесили — всех.

Жак де Моле

Тибо Годен умер в 1293 году и преемником его стал Жак де Моле. Он получил белый плащ в командорстве Бон в 1267 году из рук прибывшего туда с визитом Гуго де Перо. К моменту избрания Великим магистром ему исполнилось пятьдесят лет. Какая судьба ожидала при нем Орден тамплиеров? И что можно сказать о положении храмовников сравнительно с положением госпитальеров и тевтонских рыцарей? Оно было самое неблагоприятное. Госпитальерам принадлежали значительные владения на Кипре. За отсутствием военных действий они могли продолжать заниматься лечением больных и раненых в своих госпиталях, а также предоставлять приют беженцам из Святой Земли. Тевтонские рыцари еще задолго до падения Акры большей частью перебравшись в Пруссию, где их ожидала величайшая удача: можно считать, что именно они заложили основы и Прусского королевства, и Германской империи. Тамплиеры же на Кипре оказались не у дел: их преимущественно военное призвание было здесь бесполезно, не нужно и даже навлекало на них подозрения. Возможно, Жак де Моле это понимал, но тщетной оказалась его попытка в 1303 году вернуть остров Тортосу с целью обустройства там надежной базы для предполагаемого — иллюзорного! — отвоевания Святой Земли. Перед ним были два пути решения проблемы: либо вернуться на Запад (но с какой целью?), либо вступить в переговоры с киприотами и госпитальерами о выделении тамплиерам достаточной территории, чтобы выстроить на Кипре главную резиденцию и готовить будущий реванш. Он выбрал первое и возвратился во Францию во главе истинно княжеского кортежа, абсолютно не подбовавшего этому магистру, без сомнения, оваянному славой, но побежденному.

Жак де Моле был далеко не гениальным человеком, и не будет преувеличением сказать, что в двух чрезвычайно важных для судьбы Ордена случаях тамплиеры сделали неправильный выбор: когда накануне сокрушительного поражения при Хаттине (1187) они избрали Великим магистром темного авантюриста Жерара де Ридфора и когда они оставили свой выбор на Жаке де Моле. Нужен был человек, наделенный твердым характером и острым умом, вроде Пьера де Краона. Но Жак де Моле, несомненно, обладавший похвальным мужеством — хотя это и не пошло на пользу Ордену, — был начисто лишен рассудительности и воображения. Подобного сорта люди, поднявшись на более высокую ступень после того, как долгое время находились в подчинении и ожидании, устраиваются с комфортом и чванятся, не замечая подстерегающей их опасности и не задумываясь над тем, что существующие порядки не вечны. Образцово-героическая смерть, принятая им перед лицом своих палачей, свершившийся в нем возвышенный переворот несомненно искупают его промахи, но не могут скрыть его интеллектуального убожества. Убожества истинного, а не мнимого, со всей отчетливостью проступающего, по крайней мере, в одном документе: докладной записке, в которой он представил папе проект слияния орденов тамплиеров и госпитальеров.

Первая мысль о таком слиянии возникла еще до падения Акры. В нем видели средство погасить соперничество и скоординировать усилия двух орденов, направленные на спасение Святой Земли. Этот проект, обсуждавшийся на Лионском соборе (1274) при папе Григории X, а затем и при его преемниках Николае IV и Бонифации VIII, был отвергнут, но затем Филипп Красивый вновь предложил его Клименту V. Демарш французского короля имел поводом гипотетическую надежду на возвращение Святой Земли, а в качестве истинной цели — стремление отдать духовно-рыцарские ордена под начало одного из своих сыновей, иными словами, поставить под свой контроль. Папа Климент V консультировался по это-

му поводу с Жаком де Моле, докладная записка которого, направленная в качестве ответа, свидетельствует о его большой умственной ограниченности, даже мелочности. Он счел подобное намерение недостойным двух столь славных орденов и опасным для рыцарских душ, ибо дьявол не преминет посеять раздор между ними. Слишком неравны они по своему благосостоянию, и дележ был бы несправедливым. Их уставы различались, и было бы очень сложно принудить братию изменить свои привычки. Бедняки, например, ничего не выиграли бы от этого проекта, напротив, они могли лишиться пищевых раздач, практиковавшихся тамплиерами. Невозможно было бы допустить существования в одном городе двух командорств, между ними непременно сложились бы натянутые отношения, отсюда сокращение числа командоров — другой источник серьезных раздоров; то же самое ведь касалось и высших орденских лиц! Предполагалось, что слияние двух орденов положит конец их соперничеству, но такой шаг, по его мнению, нанес бы вред Святой Земле, «ибо это соперничество всегда служило источником чести и благополучия для христиан, для сарацин же наоборот, потому что, когда госпитальеры предпринимали поход против сарацин, тамплиеры не успокаивались, пока не совершали подобное или даже большее, и те поступали так же». По мнению Жака де Моле, если бы не подобное соперничество, тамплиеры и госпитальеры не прилагали бы столько усилий. Паломники не находили бы приюта, братья-служители не имели бы прибежища в столь большом количестве. Словом, единственное удобство, которое сулило слияние, — уменьшение расходов. Возможно, стало бы проще защищать свои права и имущество в случае спора. «Всем известно, — писал Великий магистр, — что некогда народы проявляли великое рвение к делам веры, однако ныне это совершенно перевернулось, ибо большинство людей скорее расположено брать от религии, чем отдавать ей...» Аргументация слабая, следует признать! Словно Святая Земля все еще принадлежала христианам и духовно-ры-

царские ордена по-прежнему конвоировали паломников и рекрутировали братьев-служителей или туркополов! Но магистр Ордена тамплиеров сочинил свою странную записку спустя годы после злополучной высадки на остров Тортосу, он же понимал, что партия безвозвратно проиграна. Вследствие этого стоило задуматься, как использовать военную силу и богатства Ордена. С другой стороны, если он был искренен, действительно намереваясь вернуться в Святую Землю и возвратить потерянные замки, то какое отсутствие здравого смысла! Возможно, этот несчастный в своем тщеславии просто не хотел уступить дорогу магистру Ордена госпитальеров. Другой на его месте, отождествляя себя с Орденом, постарался бы красноречиво выразить всю безмерность подобной жертвы. Или же, помня о предназначении Ордена Храма, постарался бы разобраться, соответствует ли слияние двух орденов интересам христиан в Святой Земле. Но Жак де Моле не отличался ни глубиной мышления, ни красноречием. Захваченный врасплох демаршем Климента V, он упирался, лукаво копаясь в мелочах и обходя молчанием главное.

Ордер на арест

Филипп Красивый, к сожалению, узнал об этом послании. Он прекрасно понимал, с каким человеком имеет дело, и действовал, сообразуясь с обстоятельствами, при этом сохраняя напускную добродетель. Хотя общественное мнение было не столь благожелательно к тамплиерам, как до потери Святой Земли, оно в целом не было враждебным. На Орден еще не возлагали прямой ответственности за случившееся несчастье. Смерть Гийома де Божё и жертвы храмовников в Акре были известны. Тем людям не вменяли в вину неуспех. Представители из народа несколько перебарщивали, повторяя, что король Франции и прелаты не исполнили своего долга полностью. Если бы удалось доказать, что храмовники были виновны, то ничего не стоило бы возложить на них ответственность за поражение. И вот на конкла-

ве в Перусе (близ Ажена) один предатель выдвинул страшные обвинения против Ордена. Его звали Экьо де Флуаран. До того он поделился своими соображениями с королем Хаймом II Арагонским, но тот его выгнал. Филипп Красивый, напротив, внимательно выслушал его. Он сразу понял — ибо отличался острым умом и дьявольской изобретательностью — все преимущества, которые можно было извлечь из этих обвинений, если придать им видимость истины. Юристы его Совета, и особенно Гийом де Ногаре, взялись подобрать свидетелей среди братьев, исключенных из Ордена. Их клеветническую информацию король представил папе Клименту V, который проживал не в Риме, а в Пуатье — существенная деталь. Климент V признал обвинения лживыми или, по крайней мере, преувеличенными. Однако испытывая сильное давление со стороны французского короля, которому он был обязан своим избранием, папа все время пребывал в нерешительности, к тому же совершенно теряясь перед этим государем, достаточно дерзким и циничным, чтобы распорядиться наградить пощечиной папу Бонифация, который после этого умер от позора и огорчения²¹. Папа был способен лишь на слабые попытки сопротивления, вроде мелких бунтов, не получавших дальнейшего развития. Он бесконечно вилял, трясясь за свое место и предпочитая праздные разговоры с кардиналами решительным действиям. Он не мог определиться, к какой стороне ему лучше примкнуть, поскольку магистр Ордена Храма в свою очередь тоже доставлял ему беспокойство. Видя, как волны клеветы накатывают, словно по волшебству, на его Орден, Жак де Моле потребовал у папы учинить расследование. Само по себе это требование предполагало его невиновность, но при данных обстоятельствах оно было непростительной ошибкой. 24 августа 1307 года Климент V объявил Филиппу Красивому, что желает начать расследование, и просил кое-что уточнить. Король посчитал, что Климент V хочет его обмануть,

²¹ Пощечину ему дал Гийом де Ногаре (*прим. пер.*).

что расследование, если оно и состоится, станет пустой тратой времени и не приведет ни к чему, кроме нескольких поверхностных реформ. Король мог даже опасаться, что результат проводимого Климентом следствия поставит Орден в большую зависимость от папства, даст Святому престолу военную силу, в которой тот всегда нуждался. Филипп Красивый не мог не учитывать, что в таком случае Климент V вырвется из-под его контроля. Стремясь упрочить свою власть над всеми институтами королевства, он прямо вмешивался в выборы епископов, влияние которых было весьма значительным. И хотя королевский абсолютизм еще только зарождался, именно в этом направлении сосредоточил свои усилия Филипп Красивый. Ему помогали его советники Гийом де Ногаре и Ангерран де Мариньи. Они незаметно трансформировали традиционное обычное право в писанный закон и активно занимались установлением всеобъемлющей и эффективной администрации.

«Доказательства», которые они доставили королю о виновности тамплиеров, были юридически неоспоримы и позволяли без особого риска приступить к уничтожению Ордена. Ибо властолюбивый государь Филипп Красивый не мог допустить существования в своем королевстве подобной организации, тем более что Орден тамплиеров перенес «свою столицу», то есть главную резиденцию, в Париж. Храмовники образовали государство в государстве, со своей внутренней структурой, собственными доходами и вооруженными силами. Как же распорядиться этой мощью, не находившей теперь применения? На чью сторону в случае открытого конфликта с папством встанут тамплиеры, Великий магистр которых может в очень короткий срок мобилизовать их и рассчитывать на их беспрекословное повиновение? Какую роль они готовы сыграть во Франции и какие секретные планы вынашивают? И разве нет среди руководителей Ордена политических мыслителей? Подобно своим предшественникам, Филипп Красивый пока что пользовался услугами Ордена, и с выгодой для себя. Разве он не нашел убежище в квартале

храмовников в Париже во время народного мятежа? Разве тамплиеры не пополняли исправно королевскую казну? Если бы реализовался проект о слиянии двух орденов и если бы сын Франции²² сделался магистром сразу и тамплиеров, и госпитальеров, никогда бы не разразился скандал 1307 года, потому что обвинения просто не были бы выдвинуты. И если бы Орден Храма, подобно госпитальерам, имел свою главную резиденцию вдали от Парижа, например на Кипре, процесс был бы невозможен. Следовательно, надо было поставить Орден под контроль короля посредством каких-нибудь юридических уловок либо уничтожить его, тем более что это давало возможность присвоить его богатства. Ибо к властолюбию Филиппа добавлялась его алчность! Король умножал количество своих агентов, но не имел средств их оплачивать. Нехватка денег заставляла его жестоко грабить евреев и ломбардцев и привела к девальвации монеты. И громадные доходы рыцарей Храма — отныне не предназначенные для конкретной цели — следовало прибрать к рукам. Не важно, что Филипп Красивый подтвердил привилегии тамплиеров и за несколько лет перед тем пел им хвалы и укрепил связи между Орденом и короной посредством своего рода договора о сотрудничестве. Это не решало проблему, но двурушничество не смущало короля. И все же это было опасное предприятие — задевать храмовников в политико-религиозном контексте той эпохи. Для этого требовалась недюжинная дерзость и полное отсутствие совести. Юристы королевского Совета знали, какого пути стоит придерживаться, начиная с лживых показаний Экьо де Флуарана и его соучастников. С редким искусством они сумели облечь неуклюжую ложь подлых мерзавцев в юридические формы — и ведь все понимали, в чем тут дело! Но когда наступил момент дать делу ход, то есть поднять шум, дабы поставить папу перед свершившимся фактом, возникло неожиданное препятствие со стороны Великого канцлера

²² То есть один из сыновей Филиппа Красивого.

Франции, хранителя королевской печати, архиепископа Нарбонны Жилья Аслена. Он, обуреваемый сомнениями, предпочел отказаться от выполнения своих функций. Гийому де Ногаре пришлось его заменить. С тех пор никто более не противодействовал тому, чтобы ордер на арест тамплиеров был разослан сенешалям и бальи королевства. Действуя подобным образом, король подменил собой церковные власти, поскольку почти все главные обвинители состояли у него на службе. Более того, в соответствии с каноническим правом Орден тамплиеров подлежал юрисдикции только самого папы, его верховного главы и покровителя. Легисты Филиппа Красивого отвели это возражение. Согласно выдвинутому ими тезису король нисколько не покушался на церковную юрисдикцию; он руководствовался лишь благочестием и религиозным рвением и требовал того же от других. Они утверждали, что тамплиеры, ощутив угрозу, приготовились бежать, прихватив с собой свои сокровища.

Ордер на арест, выписанный 14 сентября 1307 года в аббатстве Мобюиссон, где находился в то время Филипп Красивый, состоял из двух частей: обвинительного акта и предписания.

Обвинительный акт служит памятником лицемерия. Он начинается следующим образом:

«Дело горестное, дело прискорбное, которое воистину повергает в ужас и о котором страшно слышать, отвратительное преступление, гнусное деяние, ужасное бесчестье, полное бесчеловечной жестокости, более того, чуждое всякому человеколюбию, *через донесения множества людей, достойных доверия*, было доведено до нашего слуха, повергнув нас в глубокое изумление и заставив трепетать от охватившего нас сильного отвращения. Взвесив тяжесть свершенного, мы преисполняемся все возрастающей скорбью, тем более неодолимой, что не остается сомнений, что гнусность этого преступления переходит все границы, нанося оскорбление Господу нашему и бесчестье всем людям, являя собой пагубный пример зла и вселенского скандала...»

После такого вступления, задающего тон всему обвинению и призванного по меньшей мере поразить читателя, автор этого поношения переходит к конкретным обвинениям:

«Недавно по переданным нам донесениям лиц, достойных доверия, выяснилось, что братья Ордена воинства Храма, *эти волки в обличье агнцев*, монашеской одеждой злостно порочат религию, заново распиная в наше время Господа нашего Иисуса Христа, который претерпел крестные муки во имя спасения всего рода человеческого, и подвергают его поруганию более тяжкому, чем то, что он перенес на кресте, а именно: при вступлении в орден, когда они дают обет, им представляют святой образ Божий, а они, одержимые злобной лютостью, трижды плюют в его лицо. После чего, совлеки с себя одежды, которые носили в миру, они нагишом приходят пред лице того, кто принимает их в лоно ордена, или того, кто его замещает, и тот целует их, в соответствии с гнусным обрядом этого ордена, сначала в низ позвоночника, затем в пупок и, наконец, в губы, к поношению достоинства человеческого. Нанеся же оскорбления Божественным установлениям поступками столь отвратительными и действиями столь скверными, они берут на себя обязательства, принимая монашеский обет и не страшась попраения человеческих законов, отдаваться друг другу безотказно, по первому требованию, ради самого разнузданного и безобразного распутства. Вот почему гнев Господень обратился на этих сыновей греха. Эта нечистая порода оставила источник живой воды и променяла свет Господень на статую золотого тельца и приносит жертвы идолам...»

В ту эпоху, поглощенную идеями религиозности, таких обвинений было вполне достаточно, чтобы отправить на костер: ересь, поклонение золотому тельцу, содомия! Однако обвинение было столь неожиданным и чудовищным, даже невероятным, что требовалось принять меры предосторожности. Сам король сомневался в правдивости столь зловещей молвы. Он полагал, что она основана скорее на «чер-

ной зависти, злобной ненависти и корыстолюбии, чем на религиозном рвении, стремлении к истине или чувстве милосердия». Обратили ли внимание современники на мрачный юмор, которым пронизаны эти строки? Добрый король, продолжая свое расследование, поделился собственными сомнениями со «своим святым отцом в Господе Климентом, по воле Божественного Провидения верховным понтификом святейшей Римской и Вселенской Церкви». Однако чем дальше продвигалось расследование, тем больше открывалось новых мерзостей... Перед лицом этой очевидности у короля не было иного выбора кроме как исполнить свою традиционную миссию первородного сына Церкви: «Следовательно, мы, поставленные Богом воплощать королевское величие, дабы защищать права Церкви... обязываем вас и строго предписываем вам в том, что касается округа... отправиться в... одному или двум из вас, *чтобы там арестовать всех членов вышеозванного ордена, не делая никаких исключений*, заключить их в темницу в ожидании церковного суда, *наложить арест на их имущество, движимое и недвижимое*, и рачительно удерживать в своих руках все это имущество, не посягая на него и не разбазаривая его никоим образом...» Дополнительная предосторожность: руководил предварительным следствием и настоял на аресте дражайший брат во Христе Гийом Парижский, инквизитор. Филипп, таким образом, выступал в данном случае не столько в роли монарха, сколько в качестве мирского исполнителя воли Церкви и помощником инквизитора. Но ведь Гийом Парижский был не кем иным, как его личным капелланом!

Инструкция, доставленная комиссарами бальи и сенешалям, не содержала ни дополнительных деталей, ни разъяснений. В первую очередь от комиссаров — отбравшихся, без сомнения, очень тщательно — требовалось сообщить бальи и сенешалям основное содержание своей миссии, затем осторожно провести опрос мнений о местных тамплиерах, привлекая к нему и иные монашеские ордена, под пред-

логом сбора десятины (налог, введенный в 1307 году) или под иным благовидным предлогом.

Во-вторых, сенешалю или бальи предписывалось подобрать людей, на которых можно было положиться, в соответствии с количеством и положением обитателей и имений тамплиеров. Эти люди должны были быть «из числа благочестивых вельмож страны, не вызывающих подозрений, — рыцари, старшины, советники». Только в последний момент, по секрету, взяв с них клятву молчать, следовало объявить им о том, что хотел от них король во имя папы и Церкви. Сразу же после этого им надлежало прибыть с достаточными силами к местам ареста.

В-третьих, после ареста тамплиеров полагалось в присутствии слуг описать все их имущество, которое было в командорствах. Для сохранения этого имущества должны были назначаться «честные и богатые люди края», которые бы впредь заботились о том, «чтобы поля и виноградники обрабатывались и засеивались должным образом».

В-четвертых, поместив тамплиеров «под надежную стражу», полагалось приступить к их допросам, а *потом* привлечь местных инквизиторов. Признания, *при необходимости полученные под пыткой*, велено было записывать.

Указывалось также, как надо было вести это следствие, predetermined результат которого формулировался со всей определенностью:

«К ним следует обращаться с увещеваниями касательно догматов веры, сообщая им, что папа и король узнали от многочисленных достойных доверия свидетелей, *являвшихся членами Ордена*, о греховных ритуалах и содомии, которым предаются при вступлении в Орден и принятии обета, *и что им будет даровано прощение*, если они сознаются и возвратятся в лоно Святой Церкви, *в противном случае они будут преданы смерти*».

Наконец, были перечислены все пункты «заблуждений» тамплиеров:

«Новичок, вступающий в Орден, сначала получает хлеб и воду, затем командор или магистр, который

его принимает, ведет его тайно за алтарь, или в ризницу, либо в иное место, и показывает ему крест и изображение Господа нашего Иисуса Христа, и заставляя его трижды отречься от Спасителя, то есть от Господа нашего Иисуса Христа, изображение которого там помещено, и трижды плюнуть на крест. Затем он заставляет его совлечь с себя платье, и тот, который его принимает, целует его в низ позвоночника, в пупок и в губы. После чего сообщает ему, что если кто-нибудь из братьев Ордена пожелает переспать с ним плотским образом, то не следует противиться, потому что согласно орденскому Уставу нельзя причинять страдания человеку, и что многие из них совокупляются друг с другом на манер содомитов, и каждый опоясывается поверх сорочки пояском, который должно носить на себе постоянно во все дни жизни. Затем он говорит новичку, что эти пояса до того, как их надевают тамплиеры, повязываются вокруг шеи идола, который имеет форму мужской головы с длинной бородой, и что эту голову они целуют и поклоняются ей во время заседаний своих провинциальных капитулов, хотя об этом и неизвестно всей братии, но лишь Великому магистру и старшим членам Ордена. Кроме того, священники их Ордена не причащают телом Господа нашего, и поэтому следует провести особое расследование деятельности священников Ордена тамплиеров».

Да простят мне пространность этой цитаты. Но она очень точно передает все так называемые признания тамплиеров, заранее приговоренных к смерти, в случае же если они будут упорствовать — обреченных на пытку. Эти признания сочинялись загодя, одно за другим, начиная с доноса *членов Ордена*, которые в действительности уже лишились своих белых плащей по причине собственных прегрешений или преступлений. Но это еще не все. Комиссарам предложили отослать королю письменные свидетельства тех, «кто признает вышеуказанные заблуждения или отречение от Господа нашего Иисуса Христа». Что же именно это означает? Что королевские комиссары должны были опираться только на при-

знания обвиняемых и не учитывать их запираательство. В Париж отправлялись лишь позитивные документы, то есть ориентированные в том направлении, которое желательно было придать процессу.

Пятница 13 октября 1307 года

По-настоящему удивительно то, что эта широко-масштабная карательная операция превзошла все ожидания, особенно если принять во внимание возможности той эпохи. Не только все королевские комиссары с полной готовностью приняли участие в деле, но даже никто из них не проболтался. Бальи, сенешали, их посланцы — все держали рот на замке. Чтобы обложить каждое командорство королевства, удалось стянуть большое число необходимых людей, не привлекая внимания к этим странным приготовлениям и сборам. Если даже цель подобного мероприятия была рассекречена в последний момент, невозможно представить, чтобы тамплиеры тем или иным образом не были предупреждены о нем заранее. Они не поверили своим информаторам или пренебрегли их сообщениями, и такое поведение еще раз свидетельствует в их пользу. Ибо, почувствовав себя в опасности, разве не приняли бы они необходимых мер, если бы действительно сознавали свою вину? Ошибочно утверждать, что они ставили себя превыше всех законов, кроме церковных. Их поведение во время процесса свидетельствует об обратном. Истинные сыны Церкви, они в то же время были верными подданными короля Франции и хотели таковыми оставаться. Что до Жака де Моле, невольного орудия разразившейся катастрофы, то он совершенно не признавал происходящего, несмотря на полученные предостережения. 12 октября он присутствовал на похоронах зловки короля, поддерживая гробовой покров вместе с принцами крови. Если король так почтил его и столь явно отметил княжеский ранг магистра Ордена тамплиеров, то разве возможно было помыслить, что он собирается его уничтожить? Разве мог вообразить Моле, что на следующий день

его закует в цепи и унизит тот, кто относился к нему, как к близкому родственнику?

Между тем на рассвете в пятницу отвратительный Ногаре, не решившись никому другому доверить проведение операции, приказал окружить ограду резиденции Ордена в Париже и захватить знаменитый донжон, который никто и не думал оборонять против людей короля. И повсюду во Франции — в Пуату и в Оверни, в Аквитании и в Бургундии, в Дузанае и в Ренвиле, в Монсоне и в Пайене близ Труа — в то трагическое утро 13 октября пришли в движение небольшие отряды, окружая командорства, чтобы никто не мог оттуда вырваться. Пришедшие именем короля требовали открыть ворота. И нигде тамплиеры не оказали им ни малейшего сопротивления по двум причинам: с одной стороны, они считали, что нечего бояться людей короля, а с другой — формально их Устав запрещал им обнажать оружие против христианина. Это был исключительный случай, который невозможно ни смягчить, ни извинить, каковы бы ни были обстоятельства. Они дали себя сожрать, как агнцы в овчарне. Кроме того, они, даже если бы и захотели оказать сопротивление, не смогли бы этого сделать! Командорства были рассеяны по стране и лишены контактов друг с другом. Цвет рыцарства погиб во время последних столкновений в Святой Земле, и теперь в командорствах можно было встретить либо очень старых братьев, либо чересчур юных, либо братьев-хлебопашцев, которые по рангу не превышали слуг, даже если были командорами. Орден тамплиеров представлял собой реальную военную силу, но лишь при условии мобилизации своего рассредоточенного личного состава. Более того, командовавшие людьми короля оказались знакомцами тамплиеров — это была местная знать, часто даже соседи. Так о чем же следовало тревожиться храмовникам, когда те потребовали впустить их ради банальной проверки, простого фискального контроля? В Пайене в подобной роли выступил рыцарь Жан де Вилларсель, ближайший сосед командорства, который был направлен бальи города Труа.

Его сопровождали сорок вооруженных людей, пеших и конных... и он представил счет, включавший в себя восемнадцать пунктов, «на хлеб, вино, рыбу и прочие вещи». Затем прибывшие начали описывать имущество, во исполнение приказа короля, а пленников-тамплиеров, рыцарей и братьев-служителей, препроводили в тюрьму. Это происшествие было подобно грому среди ясного неба. Анонимный поэт писал:

В год тысяча триста седьмой — известно всем время сие —
Повержены в прах тамплиеры, чья слава гремела в стране,
И вмиг храбрецов вынуждают безвременно пасть.
Чуть меньше доверья — и им не пришлось бы пропасть.

В год тот повсюду,
Врать вам не буду,
Тамплиеров, не жалея,
Приговаривали к пене.
В октябре, в рассветный час,
В пятницу беда пришла...

Шахматная партия

К общему изумлению тамплиеры признали все, что им инкриминировали. Уже в ходе предварительных допросов они сознались в отречении от Христа, в том, что плевали на крест, в содомии (если и не в предписанной, то разрешенной). И никаких следов запирательства или выступлений в защиту Ордена на этой стадии следствия, пусть даже подобные попытки пресекались бы сверху или подсудимых сдерживали королевские инструкции. Если судить по тому, как развивались события дальше, то следует заключить, что не признавшихся все же было много, и они страстно настаивали на своей невинности. Некоторые уступили, а другие умерли под пытками. Хуже всего было то, что созналась верхушка: Жоффруа де Шарне, приор Нормандии, Гуго де Пейро, досмотрщик по Франции, и сам Великий магистр Жак де Моле. Он не только признал преступления Ордена против закона, но и заверил, что говорит правду ради спасения своей души, а не вследствие насилия

или из страха перед казнью или тюремным заключением. Это признание, вырванное под страшным моральным нажимом (если только моральным), вызвало грандиозный скандал и повергло братию в полное замешательство. Лучшие из тамплиеров задавались вопросом, за что им выпала доля принять муки и смерть: разве Орден не отличался подлинной чистотой и святостью, как о нем шла молва и как считали они сами и некоторые из их товарищей? У них зародилось сомнение, подталкивавшее их к сопротивлению.

До чего же малодушным оказался Жак де Моле, склонивший голову перед палачами Филиппа! Отказавшись от жертвы, принесенной наиболее отважными братьями, он в действительности принес в жертву самого себя. Каким легковым он выказал себя, каким безвольным, позволив себя обмануть угрозами и обещаниями! На какой поворот фортуны, на какой выход из этой катастрофической ситуации надеялся он? Как он не понял, что советники Филиппа Красивого произвольно манипулируют им, как они манипулировали несчастным папой и общественным мнением? Какую перспективу восстановления честного имени они вероломно пообещали ему, чтобы он 25 октября 1307 года согласился повторить свои ложные признания перед Парижским университетом, который счастлив был досыта насладиться падением Великого магистра надменных белых плащей? И зачем в последующие дни он отправил письмо заключенным тамплиерам, призывая их последовать его примеру, признав свою вину? Из этого можно заключить, что Филипп и его легисты приняли надлежащие меры. Они не колебались в выборе средств, чтобы уронить рыцарей Храма в общественном мнении, и конечно же принудили папу одобрить эту кампанию!

Вопреки всем ожиданиям Климент V запротестовал. Собственно говоря, он не выступил в защиту тамплиеров, но выразил протест против узурпации Филиппом прав Церкви и против той стремительности действий, которую тот проявил. Это случилось

27 октября. А 22 ноября он изменил свою позицию и предписал всем государям арестовать тамплиеров и секвестрировать их имущество. Это предписание имело более глубокий подтекст, чем могло показаться на первый взгляд, ибо оно выводило тамплиеров из сферы компетенции светского судопроизводства и передавало их суду церковному. Это был опасный для Филиппа Красивого шаг, ибо вырывал у него добычу, а он даже не мог открыто возразить: разве он действовал не от имени папы и Церкви? Папа поддержал инициативу короля, но вновь взял на себя контроль за всеми действиями. Но это было лишь началом сей злополучной шахматной партии.

Филипп Красивый нехотя препоручил тамплиеров кардиналам, указанным Климентом V, — Беранже Фредолу и Этьену де Сюизи. И руководители Ордена, как только предстали перед посланцами папы, тут же отказались от своих показаний. Жак де Моле осмелился даже вновь письменно обратиться к братии, призывая их мужаться. Папа, убедившись в лживости признаний, о которых ему услужливо сообщили, и в коварстве Филиппа Красивого, аннулировал полномочия инквизиторов и решил пересмотреть дело самолично и с самого начала.

Ему до крайности было необходимо действовать быстро, ибо все это время тамплиеры содержались в застенках Филиппа и его агентов, подвергаясь обращению, которое могло оказаться для них фатальным. Климент V слишком замешкался, набирая членов комиссий, которые он решил учредить. Как и следовало опасаться, король опередил его. Скрыв свой гнев, он не выразил никакого протеста против прекращения деятельности судей, которые были преданы ему. Но, верный своему характеру, он нашел другой путь к поставленной цели, хотя и коварный, запутанный, но зато совершенно оригинальный. Так как папа оспаривал законность признаний, вырванных у тамплиеров, и, казалось, решил позволить им оправдать себя, другими словами, спасти Орден, нужно было, чтобы вся страна поддержала

короля, требовавшего их наказания. Он решил посоветоваться со знатоками права — и не потому, что ему действительно важно было их мнение, но чтобы польстить их тщеславию и привлечь на свою сторону. Один из этих юристов угодливо подсказал, что только первые признания следует считать истинными, а все последующие опровержения не имеют юридической силы. Доктора университета внесли дополнительные уточнения: по их мнению, суд над тамплиерами распространялся и на папу, поэтому с его стороны было неразумно вмешиваться в него столь активно. Что касается имущества заключенных, то добрые доктора, не упуская из виду интересов Церкви, постановили, что его следует употребить на защиту Святой Земли, что, собственно, и являлось изначальным предназначением тамплиеров.

Такие тонкости развлекли Филиппа Красивого, который смеялся над идеей нового завоевания Святых мест, но усматривал в конфискации имущества Ордена средство пополнить государственную казну. И он приказал одному из своих подручных, Пьеру Дюбуа, сочинить подложное «предостережение французского народа». Что же писал Дюбуа от имени народа? Он подстрекал христианнейшего короля незамедлительно покарать тамплиеров с соизволения папы, своего соучастника. Он ссылался на прецедент Моисея, велевшего перебить двадцать две тысячи почитателей золотого тельца, не считаясь с мнением своего брата Аарона, бывшего верховным первосвященником. Последний, находясь в вышеуказанном сане, не мог приказать учинить резню, а Моисей мог, поскольку был мирянином. Разве не обязанность христианнейшего короля бороться с антихристом? «Разве все эти тамплиеры не являлись душегубами либо приверженцами, опорой, сообщниками и укрывателями душегубов, сносившихся преступным образом с вероотступниками и убийцами?» Второй пасквиль, еще более ядовитый, непосредственно задевал лично Климента V, резко обвиняя его в том, что он раздает кардинальские шапки своим племянни-

кам²³ и принимает денежные подношения, чтобы спасти богатых тамплиеров от правосудия.

Призванный, таким образом, французским народом к «исполнению своего долга», Филипп Красивый не мог больше медлить. Но дабы разделить ответственность с другими и подтолкнуть слабого Климента, он созвал Генеральные штаты. Они собрались в Туре в мае 1308 года. Искусный советник короля Гийом де Плезьян произнес две торжественные речи, которые сохранились: «Святой отец, мы собрались здесь ради рассмотрения дела тамплиеров. Громкий вопль возносится к Богу и к вам, являющемуся его наместником...» Все депутаты, заранее знавшие, что от них требуется, высказались единогласно. Отныне Филипп Красивый получил право говорить и действовать от имени народа.

Но Климент V не сдался... по крайней мере сразу. Король направился на встречу с ним в Пуатье. Состоялись заседания папской консистории, в ходе которых Плезьян вновь творил чудеса. Был торг. Потом, как обычно, стороны пошли на мировую. Комиссии, составленные исключительно из духовных лиц, названных папой, руководили углубленным разбирательством деятельности Ордена тамплиеров как такового. Одновременно комиссии диоцезов начали суд над личным составом Ордена: не над Орденом в целом, а над отдельными лицами. На этих заседаниях председательствовали епископы, присутствовали доминиканцы, францисканцы, каноники и, очевидно, инквизиторы. Надзор за имуществом тамплиеров осуществлялся сообща — церковными и светскими представителями.

В 1309 году проводилось два вида допросов одновременно и разными комиссиями. По всей видимости, такой порядок предполагал предоставить тамплиерам серьезные гарантии. В действительности же степень терпимости комиссий варьировалась от одного диоцеза к другому — слишком многие епис-

²³ Климент V действительно произвел в кардиналы пятерых членов своей семьи.

копы были обязаны королю своим назначением. Например, епископ Парижский старался подправить инструкцию в ходе проведения допросов, которые, вне всякого сомнения, отличались большой строгостью по отношению к несчастным обвиняемым, но что касается условий их содержания в тюрьме, то, оставляя их на хлебе и воде, епископ все же допускал некоторые послабления: «...Итак, если обвиняемые испытывают страх перед пытками, орудия которых им представляют, но дух их по-прежнему не сломен, и если пытка не приводит к положительному результату, то следует придерживаться прежних указаний и применять пытки, но прежде всего — *легкие, не прибегая к ожесточению, даже если допрос оканчивается безрезультатно...*». Кроме того, обвиняемые подвергались давлению со всех сторон, и, изнуренные физически, они, разумеется, утратили волю к сопротивлению. Прево церкви в Труа написал дружеское — и страшное — письмо брату Лорану де Бону, бывшему командору Апулии:

«Уведомляем вас, что наш господин король посылает вас к епископу Орлеанскому, чтобы снять с вас церковное отлучение; также мы просим и заклиняем вас не забывать о благочестии и уважении к сану вышеупомянутого епископа и чистосердечно исповедаться ему, что мы вам и повелеваем. Пусть не будет по вашей вине повода говорить, что мы заставили его потрудиться, чтобы выслушивать ложь... *Знайте, что наш отец папа потребовал*, чтобы все те, кто будет противиться вышеупомянутой исповеди перед лицами, облеченными его доверием, *и кто откажется от нее, будут преданы проклятию и отправлены на костер*».

Но даже сами папские комиссии не действовали самостоятельно. Когда Жак де Моле в конце концов встал на защиту своего Ордена, в зал вошел «королевский рыцарь» Гийом де Плезьян. Бедный Моле затрясся, потерял нить рассуждений, с него слетела спесь, и он закончил тем, что попросил предоставить ему отсрочку для размышлений, на что ему тут же ответили согласием. Когда заседание продолжилось,

Жак де Моле заявил, что не может защищать Орден. Какие обещания давал ему Плезьян? Чем угрожал ему? Как можно было в такой обстановке установить истину?

И все же находились смелые люди — такие всегда есть, — которые не убоились угроз епископов и королевских агентов.

27 ноября 1309 года брат Понсар де Гизи, командор Пайена, объявил, что тамплиеры не осмеливаются принять на себя защиту Ордена, потому что тридцать шесть его членов погибли под пытками в одном только Париже. Он представил список первых обвинителей, исключенных из Ордена за недостойное поведение, где числился и новый приор Монфоконна Экве де Флуаран. Понсар уточнил, что его самого бросили в ров, связав руки за спиной столь крепко, что кровь прилила к ногтям. Он заявил, что готов встретить смерть под топором палача, в кипящем масле или на костре, но что в подобных муках люди признаются в чем угодно, как это случилось с его братьями.

Постепенно тамплиеры обретали мужество. Они организовали свою защиту. Они приободрились. В марте 1310 года пятьсот сорок шесть тамплиеров отказались от вырванных у них силой показаний и объявили о непричастности Ордена к преступлениям, в которых его обвиняли. Филипп Красивый не мог стерпеть подобного оскорбления. Ему не важна была истина о невиновности или виновности Ордена — ему нужно было уничтожить его. 11 мая архиепископ Санский Филипп де Мариньи (бывший брат д'Ангерран) осудил как еретиков пятьдесят четыре тамплиера, отрекшихся от прежних признаний. Тотчас они были сожжены живьем. Это событие явилось для защитников Ордена громом среди ясного неба. А 13 мая предстал перед судом брат Эмери де Вильерле-Дюк, «бледный и трепещущий». Однако «когда ему пригрозили, что он, если солжет, будет предан мучительной смерти и тут же душой и телом окажется в аду, он поклялся спасением своей души, прижав руки к груди и простирая затем их к алтарю, в подтвержде-

ние торжественности своей клятвы преклонив колени, что все обвинения, выдвигавшиеся против Ордена, были сплошной ложью...». Этот случай не имел последствий. Никого больше не вызывали на комиссию, кроме свидетелей, которые давали нужные показания.

Теперь окончательную судьбу Ордена тамплиеров предстояло решить на церковном соборе. Он собрался во Вьенне 16 октября 1311 года и изучил протоколы расследования. Вновь перед тамплиерами забрезжила надежда. От полутора до двух тысяч рыцарей Храма получили от своих тюремщиков разрешение направиться в Лион. Храмовники крепко надеялись защитить свой Орден и спасти его от роспуска. Климент V предварительно поинтересовался, предусмотрена ли защита Ордена, и ответ был положительный. Это означало возобновление процесса.

Филипп Красивый собрал в Лионе Генеральные штаты, чтобы повлиять на решение собора. Его советники Плезьян и Ногаре вступили в трудные переговоры с папой. Как всегда, они договорились. В марте 1311 года Климент V предложил собору сделку: было невозможно, по его мнению, достойно и успешно продолжать процесс, но, с другой стороны, Орден тамплиеров не мог существовать после столь громкого скандала, который разразился вокруг него, поэтому следовало ликвидировать Орден — не на основании судебного приговора, а до его вынесения. Имущество Ордена тамплиеров 3 апреля было передано госпитальерам, только в Испании другие ордена воспользовались его разгоном. Когда-то именно папа учредил и обогатил этот Орден во имя служения Богу, и теперь папа же уничтожил и ограбил его в угоду завистливому и корыстолюбивому королю.

Обманувшись в своих ожиданиях, Филипп Красивый отомстил так, как он умел это делать. Климент V воздерживался от утверждения смертного приговора орденской верхушке, и комиссия кардиналов приговорила их к пожизненному тюремному заключению. Когда обвиняемым зачитывали этот приговор, двое из них, Жак де Моле и Жоффруа де Шарне,

выразили протест. Магистр, вновь набравшись мужества, заявил, что ересь и преступления, приписываемые Ордену, являются вымыслом, что Устав Ордена свят, истинен и соответствует католической вере, но что сам он достоин смерти и готов принять ее за то, что страх перед пытками, лезть папы и короля Франции вырвали у него недостойные признания... Оцепенение охватило присутствующих, правда, очень ненадолго. Нельзя было безнаказанно бросать подобные упреки Филиппу Красивому. Кардиналы передали этих двоих «еретиков» в руки парижского прево — несомненно, с целью пересмотра дела; король приказал переправить Моле и Шарне на маленький остров посреди Сены. В тот же вечер при стечении народа они были заживо сожжены вместе с 37 членами Ордена, поспешно набранными из застенков. Они тоже защищали свой Орден, следовательно, являлись еретиками. Так король еще раз попрал права Церкви, но во вред себе. Героическая смерть Жака де Моле вернула тамплиерам народные симпатии. Анонимный автор стихотворения «Пятница, тринадцатое» выразил это следующим образом:

Бог всемогущий слишком далеко,
Сумели западню устроить без него,
В ней головы сложили кувшины, что по воду ходили,
И тамплиеры в ту же яму угодили.
Расплату понесли они за преступления,
Не получив у судей снисхожденья,
А может быть, наветы им послало провиденье...
Осуждены людьми гореть в кострах,
Чтоб удостоиться венца на небесах.

Простой люд, который, как известно, в своих суждениях переменчив и часто более проникателен и великодушен, чем сильные мира сего, склонялся к тому, чтобы считать Моле и его товарищей невинными жертвами и мучениками.

Грабеж и разгон

Совершенно очевидно, что именно Филипп Красивый явился инициатором всего этого дела, злоупотребив слабохарактерностью Климента V и прибег-

нув к лживым свидетельствам, угрозам, лести и пыткам столь суровым, что сотни тамплиеров погибали от рук палачей, а другие сотни — от болезней и истощения. Против обвиняемых были пущены в ход все средства: клевета, официальная пропаганда, поддержка Генеральных штатов, коррупция. С цинизмом, какого еще не проявлял ни один из Капетингов, на них обрушились гонения, давление, несправедный суд. Проявив чудовищную жестокость, король обрек на бесчестье этих людей, принадлежавших иному веку, умевших только сражаться и читать молитвы. Он игнорировал благоприятные для Ордена показания, запугивал защитников костром и хладнокровными убийствами их томившихся в тюрьмах братьев. Например, в тюрьме погиб Пьер де Болонь, выступивший в защиту Ордена перед комиссией Святого престола. Что могли противопоставить доблестные рыцари Девы Марии административной власти, обезличенной, бесчеловечной, неспособной на понимание каких бы то ни было чувств, слепой, желавшей только одного — выказать повиновение королю? Таким было это наследие, завещанное Филиппом Красивым грядущим векам. Папа, разумеется, мог и должен был защитить и спасти Орден от уничтожения, он был его судьей и единственным господином. Но требовалась сила духа Иннокентия III, а не малодушие Климента V, более озабоченного сохранением своей должности и обеспечением племянников, нежели защитой прав Церкви. Столкнувшись с Филиппом Красивым, Ногаре, Плезьяном и Мариньи, бедный Климент V мог только хитрить, стараясь выгадать время. Не одобряя действий Филиппа Красивого, убежденный в невинности тамплиеров и вероломстве тех, кто добивался уничтожения Ордена, папа не имел достаточной выдержки, чтобы занять твердую позицию и отстаивать ее, рискуя даже потерять тиару, но при этом поставив короля в безнадешное положение. Он не умел даже быть достаточно авторитетным для своих кардиналов, епископов и инквизиторов. Мишле был прав, когда заметил, что «самое трагическое состоит в том, что Церковь поража-

ет Церковь. Бонифаций меньше пострадал от удара рукавицей Колонна, чем от отклика французского духовенства на призыв Филиппа Красивого. А Орден тамплиеров преследовался инквизицией и был упразднен папой...». И далее он проницательно добавляет: «Легисты должны были ненавидеть тамплиеров как монахов, доминиканцы презирали их как воинов, как монахов-мирян, сочетававших выгоду от святости монашеского жития с гордыней воинской жизни».

Если остаются еще какие-то сомнения относительно истинных намерений Филиппа Красивого, то достаточно изучить образ действий, которого придерживались его агенты после ареста тамплиеров. Первое требование, предъявлявшееся синдикам, направленным в командорства, заключалось в том, чтобы заботливо управлять секвестрированными владениями, следить за тем, чтобы вовремя засевались поля, тщательно снимался урожай хлеба и фуража, подрезался и убирался виноград. Служители командорств были оставлены на своих местах, чтобы выполнять все работы. В это время Филипп Красивый с согласия Климента V решил присвоить богатые имения, предоставив некоторую компенсацию. Однако обстоятельства сложились иначе, и король изменил свои намерения. Чтобы не потерять всего, он объявил о немедленной ликвидации всего движимого имущества командорств. Так, в 1309 году командорство Пайен было лишено всего имущества. Королевский синдик Тома де Савьер распродал не только урожай на корню, но также запасы дров и продовольствия, скотину, лошадей и сельскохозяйственные орудия (плуги, телеги, упряжь, мелкий инвентарь), кухонную утварь, мебель, постельные принадлежности и даже украшения часовни. Посадив сначала местный обслуживающий персонал на хлеб и воду и скандальным образом урезав его жалованье, спустя некоторое время он уволил его. Еще один пример: в Котантене с мельницы тамплиеров Варканвиля забрали большое колесо, жернова и черепицу с крыши. Повсюду можно было наблюдать подоб-

ное разграбление, в котором нередко участвовали соседи, норовившие по дешевке приобрести хороший инвентарь, отборный скот, добротную мебель. Когда имущество тамплиеров в соответствии с решением Климента V и Вьеннского собора передали госпитальерам, от командорств остались голые, быстро ветшавшие стены. Чтобы вновь ввести в эксплуатацию заброшенные земли, требовалось заново закупать и скот, и орудия труда. Для возвращения расхищенных земель надо было начинать дорогостоящие и трудные судебные процессы, ибо после ликвидации Ордена тамплиеров потомки его благотворителей не замедлили забрать назад всё, что можно было, из прежних дарений. Агенты короля подавали пример прочим подданным. В Риё уполномоченный короля Жерар Дюфрен присвоил себе мызу Плань, построенную тамплиерами. Госпитальеры отчаянно протестовали, но им возразили, что тамплиеры заключили с королем соответствующее соглашение, и сослались на документ, якобы составленный по этому случаю. Госпитальеры вынуждены были долго судиться, чтобы доказать лживость этих заявлений и вернуть мызу.

Разумеется, Филипп Красивый неохотно согласился на передачу имущества ликвидированного Ордена госпитальерам. 24 августа 1312 года он писал Клименту V: «...Мы утверждаем вышеупомянутое решение, постановление и передачу имущества и даем на него наше соизволение — при условии, что все права на вышеназванные владения, прежде принадлежавшие нам, прелатам, баронам, дворянам и прочим подданным нашего королевства, навечно останутся в неприкосновенности».

Условие, полное угрозы! Оно дает основание полагать, что король, возможно, готовился повторить с госпитальерами операцию 1307 года. Если подобный проект действительно существовал, то королю просто не хватило времени на его реализацию. В ноябре 1314 года его постигла скоропостижная смерть на охоте, неожиданная и странная. И народ в наивном стремлении к торжеству справедливости не пре-

минул усмотреть в кончине короля небесную кару, особенно после того, как вслед за Филиппом IV ушли из жизни при трагических обстоятельствах Климент V, Ногаре и Мариньи.

* * *

Какая же судьба ждала бывших тамплиеров? Многие нашли свой конец в тюрьмах, приговоренные к пожизненному заключению непримиримыми инквизиторами, разделявшими общее заблуждение относительно злополучного Ордена и пристрастное отношение к нему. Другие, «примирившись» с Церковью, обрели приют у цистерцианцев или в монастырях иного толка, где оказали им радушный прием. Третьи, терзаемые мрачным отчаянием, превратились в странствующих рыцарей, ожидая случая вновь отправиться в предполагаемый Крестовый поход. Некоторые возвратились в свои семьи, чтобы среди близких закончить жизненный путь. И, полные горечи и сожалений об Ордене Храма, очень немногие согласились вступить в Орден госпитальеров. Я веду здесь речь только о французских тамплиерах, ибо их собратьям, говорившим на других языках, была уготована иная судьба. Ни в Германии, ни в Англии, ни в Испании и близкой к ней Португалии подозрения не коснулись тамплиеров. Государи этих стран заколебались, получив письмо от Филиппа Красивого, призывавшее их последовать его примеру. Понадобилось специальное предписание папы римского, чтобы побудить королей арестовать рыцарей, а вернее, не спускать глаз с командорств, расположенных в пределах этих стран. Тамплиеры Арагона заперлись в своих крепостях (Миравет, Монсон, Кастелло), готовые защищаться с оружием в руках. Повсюду нравы храмовников считались безупречными. Повсюду Орден Храма был выше всяческих подозрений. Во всех странах тамплиеров признали невинными и безгрешными — кроме королевства Филиппа Красивого. Так как, несмотря на подобную очевидность, папа счел необходимым ликвидировать этот Орден, благочестивые государи изыскива-

ли всевозможные средства для недопущения подобной несправедливости. Король английский назначил тамплиерам пенсию и позволил остаться в своих прежних командорствах. Испанские тамплиеры просто слились с духовно-рыцарскими орденами Монтеса и Калатрава. Что до датского и португальского королей, то они полностью сохранили структуры и собственность тамплиеров, возвратив им их доброе старое название «Рыцарей Христовых». Действительно, между португальскими тамплиерами и суверенами этого небольшого королевства всегда существовали тесные контакты, они никогда не прекращали сообща вести борьбу против сарацин, и магистр этой провинции тамплиеров приносил присягу верности королю²⁴. И тем не менее Орден Храма прекратил свое существование. Зародившись во Франции, будучи глубоко французским по духу и внутренней структуре, именно во Франции вследствие неблагоприятного поворота судьбы он встретил свой конец.

²⁴ Текст этой присяги помещен в приложениях; это малоизвестный документ.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Клятва магистров Португальской провинции (XII — XIII вв.)

Я, ..., рыцарь Ордена Храма, ныне избранный магистром рыцарей Португалии, клянусь подчиняться и вечно хранить верность Господу моему Иисусу Христу, наместнику его Верховному Понтифику и всем последующим преемникам его, жизнью клянусь защищать не только словом, но и силой оружия Таинства Веры, семь Таинств, четырнадцать статей символа Веры, Апостольский и Афанасьевский символы Веры, Священное Писание — как Ветхого, так и Нового завета — с комментариями святых отцов, принятых Церковью, единство Божие и множественность Святой Троицы, постулат непорочности Девы Марии, дочери Иоахима и Анны, из колена Иудина и из рода Давидова, как до родов, так же точно и во время родов и после оных.

Клянусь неизменно покорствоваться и повиноваться Великому магистру Ордена, во исполнение статуты, которые завещаны нам отцом нашим, святым Бернаром.

Клянусь всегда, когда потребует, переплывать моря, чтобы вступать в бой и оказывать поддержку государям и князьям против неверных; клянусь ни где не появляться без оружия и коня; *клянусь не обращаться в бегство перед тремя противниками* и не склонять перед ними своей головы, особенно если это неверные; клянусь не продавать имущество Ордена и не давать согласия на его продажу и отчуждение; клянусь неизменно хранить целомудрие.

Клянусь всегда быть верным королю Португалии, не уступать врагам городов и крепостей, принадлежащих Ордену, никогда не отказывать ни в какой помощи ни словом, ни добрым деянием, ни оружием монахам, особенно монахам Сито, и их аббатам, ибо они наши соратники и братья.

В подтверждение сказанного по моей доброй воле даю слово так поступать. Да помогут мне Бог и его святые Евангелия.

II

Показания в защиту Ордена тамплиеров

Для нас, людей XX века, переживших Вторую мировую войну, самым поразительным на процессе тамплиеров выглядит то, что повсюду, где их допрашивали объективно

и непредвзято, не прибегая к моральному нажиму или к орудиям пыток, они громко твердили о невинности Ордена, о крепости своей веры, о строгости дисциплины и величине понесенных ими жертв. Одно из свидетельств тому — протокол допроса, которому подвергли братьев обитатели Ма-Дье в Руссильоне; этот документ датируется 1310 годом.

На вопрос *о ереси тамплиеров* (отступничестве и богохульстве) ответ брата Раймона Гардиа, командора Ма-Дье:

Вопрос: Если орден Храма, как утверждается, был учрежден в святости и одобрен Апостолическим Престолом, то как же каждый его член с момента вступления или самое малое время спустя и тотчас, как найдет к тому возможность, отрекается от Христа, а порой от распятия Господа нашего Иисуса, от Девы Марии и всех святых мучеников и мучениц, следуя повелениям и предписаниям тех, кто его принимал?

Ответ: Все эти преступления ужасны и представляются мне поистине отвратительными и дьявольскими.

Вопрос: Не считаете ли вы Христа лжепророком?

Ответ: Не видать мне вечного спасения, если Господь наш Иисус Христос не прибежище всякого верующего, ибо претерпел страсти ради искупления всего человеческого рода и ради наших грехов, а не своих собственных, ибо никогда не грешил и уста его никогда не изрекали лжи.

Вопрос: Не плюете ли вы на крест и не попираете ли его ногами?

Ответ: Никогда! Ради славы и почитания Святого креста и страстей Христовых, коим соизволил он подвергнуть свое преблаженное тело за меня и всех истинных христиан, вместе с прочими братьями-рыцарями моего Ордена я ношу белый плащ, на котором изображен почетный знак красного креста в память святой крови, пролитой Иисусом Христом за верующих в него, за нас, на перекладине животворящего креста. Могу также добавить, что во все годы в день Святой пятницы тамплиеры приходят без оружия, с непокрытой головой и босыми, чтобы поклониться кресту и преклонить перед ним колени. То же самое все братья Ордена совершают ежегодно еще в два праздника Святого креста — в мае и сентябре, произнося при этом: «Тебе, Христос, поклоняемся и славим Тебя — Тебя, искупившего грехи мира на Святом кресте». Только во время этих двух праздников Святого креста тамплиеры не разуваяются.

Остальные отвечают так же горячо, выражая одинаковые чувства при одном упоминании креста. Ответ брата Беранже де Колля:

Ради почитания креста, на котором был распят Иисус, братья нашего Ордена со всей торжественностью и благоговением совершают поклонение кресту в Святую пятницу и в дни праздников креста в мае и сентябре. Когда тамплиеры поклоняются кресту в Святую пятницу, они снимают обувь, меч, льняные подшлемники и все головные уборы. Также ради почитания креста распятого Господа нашего Иисуса все братья Ордена тамплиеров носят знак креста на своих плащах. За то, что Иисус Христос пролил за нас свою пречистую кровь, мы носим кресты из красной материи на нашей одежде, чтобы пролить свою кровь в борьбе с врагами Христа, сарацинами из заморских стран и другими врагами христианства.

Брат Жан де Кома приводит еще одно убедительное свидетельство уважения, которое тамплиеры питают к кресту. Они столь трепетно относятся к его изображению, что если требуется справить нужду, скидывают плащи (*Inter honores quos faciunt ipsi cruci, deponunt mantellum ubi est crux, quando vadunt ad nature superflua onera deponenda*).

На упрек в содомии Раймон де Гардиа крайне возмущенно возражает:

Согласно Уставу Ордена, те из наших братьев, которые впадают в противоестественный грех, лишаются звания члена Ордена, им куют ноги в железо, сажают на цепь, прикрепленную вокруг шеи, одевают наручники и обрекают на пожизненное тюремное заключение, посадив на хлеб в знак раскаяния и воду в знак нравственных мук до конца их дней.

На вопрос о шнурах-поясах и идолах ответ брата Бартеlemi де ла Тур, орденского капеллана:

Вопрос: Не возлагаете ли вы на идола, обвязывая вокруг его головы, те пояски, которые затем надеваете на голое тело под одежду?

Ответ: Нет, братья носят пояски или шнуры из льняных нитей поверх сорочек.

Вопрос: Для чего они их носят?

Ответ: Я полагаю, что их носят, как и я сам это делаю, потому что в Евангелии от Луки сказано: *sint lumbi vestri*

precinti (пусть чресла ваши будут перепоясаны). Могу сказать также, что я носил и продолжаю носить такой поясок с момента вступления в Орден. Так положено нам нашими правилами, никто из братьев не должен снимать его ни днем, ни ночью, но никогда эти пояски не возлагаются ни на каких идиолов.

На вопрос об исповеди ответ того же брата Бартелеми де ла Тура:

Вопрос: Запрещается ли у вас исповедоваться где-либо, кроме как братьям своего Ордена?

Ответ: Вот что наблюдал я сам. Когда какие-либо братья хотят исповедаться в своих грехах, им полагается обратиться к брату-капеллану Ордена, который окажется поблизости. Если такового не окажется, у них есть свободное право обращаться к миноритам или к доминиканцам. Если и их не окажется — то к представителю белого духовенства диоцеза. Но вообще всем вступающим в Орден предписано соблюдать его добрые обычаи как в настоящем, так и в будущем, придерживаться хорошего поведения и избегать дурного.

Для подтверждения своей правоты брат Бартелеми представил Книгу Устава, которая хранится в Ма-Дье как аргумент, не допускающий возражений.

Один из судей ловко ввернул упоминание об обвинениях против Ордена Храма, о признаниях многих братьев, особенно представителей орденской верхушки и самого Великого магистра Жака де Моле. Ответ на это молодого брата Пьера де Бледа (принят в 1298 г.):

— Они, лицемеры, солгали устами своими!

Чудо Святой пятницы.

Братья Ма-Дье понесли огромные потери людьми и деньгами своего Ордена. Они сообщили, что двадцать тысяч тамплиеров пали с оружием в руках; что они кормят одного бедняка в течение сорока дней после смерти каждого брата и прочитывают ежедневно по сто раз «Отче наш» в течение недели после каждой кончины. Еще они сообщили, что, несмотря на военные расходы, каждое командорство трижды в неделю предоставляет гостеприим-

ство всем беднякам, которые являются к ним. В рвении своем к делу тамплиеров они привели в качестве примера историю рыцарей Сафета, плененных султаном после падения этой крепости. Султан предложил сохранить рыцарям жизнь, если они перейдут в мусульманство. Все отказались и были обезглавлены.

Некоторые из братьев, возмущенные обвинениями в адрес Ордена, ссылались на чудо с терновым венцом, хранящимся в реликварии Ордена, который расцветает в каждую Святую пятницу, вопрошая: «Разве цвел бы терновый венец у еретиков, почитателей идолов и содомитов?»

Из всех доказательств невиновности тамплиеров судьи преднамеренно выбрали показания братии Ма-Дье, чтобы подкрепить положение о том, что к ним проникла ересь катаров под влиянием отлученных от Церкви, которым они давали приют. Вот какое простое, даже смехотворное объяснение! В действительности же какая убежденность, какое благочестие воодушевляли тамплиеров Ма-Дье в области, охваченной движением катаров!

III

О поговорке «пить, как тамплиер»

Выражение «пить, как тамплиер» вошло в поговорку. Однако есть основания полагать, что в командорствах все же царила иная атмосфера, ибо один из пунктов каталонского Устава, являвшегося версией общего Устава Ордена, трактует пьянство как проступок, каравшийся исключением из рядов тамплиеров:

«Если какой-либо брат пристрастится к запойному питию и не пожелает самостоятельно избавиться от своего порока, то следует покарать его за такое прегрешение. Магистр может обратиться к нему на капитуле: «Прекрасный брат, вы пьяница и не желаете избавиться от своего порока. Внимательно послушайте нас и изберите из двух вещей то, что вам более по нраву: либо вы покинете эти стены и отправитесь искать спасения в другом монастыре, либо вы навсегда бросите пить». Если брат предпочтет покинуть обитель, то ему следует выдать его хартию (об увольнении). Если он предпочтет отказаться от вина, то магистр, с согласия братии, оставит его в обители. Но если он и после этого продолжит пить, то ему придется покинуть Орден».

БИБЛИОГРАФИЯ

Alart B. Suppression de l'ordre du Temple en Roussillon. — Perpignan, 1867.

Carrière, Victor. Histoire et cartulaire des Templiers de Provens. — Paris, Librairie Champion, 1919.

Chassaing, Augustin. Cartulaire des Templiers du Puy-en-Velay. — Paris, Librairie Champion, 1882.

Cousin, Don Patrice. Les débuts de l'ordre des Templiers et Saint Bernard. — Dijon, Les Amis de Saint Bernard, 1953.

Courson, Henri de. La règle du Temple, publiée par la Société de l'Histoire de France. — Paris, Librairie Renouard-Laurens, 1886.

Courson, Henri de. La Maison du Temple de Paris. — Paris, Librairie Hachette, 1888.

Dalliez, Laurent. Les templiers dans la péninsule Ibérique, article dans *Archéologia*. Paris, mars-avril, 1969.

Dalliez, Laurent. La France des templiers. — Verviers (Belgique), 1974.

Daras, Charles. Les commanderies des templiers dans la région charentaise, article dans *Archéologia*, Paris, mars-avril, 1969.

Delaville le Roux J. La suppression des templiers. — Paris, *Revue des Questions historiques*, 1890.

Delaville le Roux J. Un nouveau manuscrit de la règle du temple. — Paris, *Bulletin de la Société de l'Histoire de France*, 1890.

Deschamps, Paul. Les châteaux des croisés en Terre sainte (2 tomes et album). — Paris, Librairie orientaliste P. Geuthner, 1939.

Deschamps, Paul. Nerre sainte romane. — Paris, *Zodiaque (La Nuit des Temps)*, 1964.

Deschamps, Paul. Au temps des croisades. — Paris, Hachette-Littérature, 1972.

G... Ph. Mémoires historiques des templiers. — Paris, Librairie Buisson, An XIII (1805).

Gérard, Pierre et Magnou, Elisabeth. Cartulaire des templiers de Douzens. — Paris, Bibliothèque nationale, 1965.

Grousset, René. L'épopée des croisades. — Paris, Plon, 1939.

Grousset, René. Les croisades. — Paris, Presses Universitaires de France, 1960.

Guéry, Abbe C. La commanderie de Saint-Etienne de Renneville (Eure). — Evreux, Imprimerie de l'Eure, 1896.

Guéry, Abbe C. La commanderie de Bourgoult (Eure). — Evreux, Imprimerie de l'Eure, 1903.

Lambert, Elie. L'architecture des templiers. — Paris, Editions Picard, 1955.

Léonard E.-G. Introduction au cartulaire manuscrit du Temple constitué par le marquis d'Albon, suivie d'un Tableau des Maisons françaises et de leurs précepteurs. — Paris, Librairie Champion, 1930.

Leroy, Stéphan. Jacques de Molay et les templiers franc-comtois. — Gray, Imprimerie Roux, 1900.

Lizerand, Georges. Le dossier de l'affaire des templiers. — Paris, Librairie Champion, 1923.

Loisne, Cte de. Cartulaire de la commanderie de Sommereux. — Paris, Librairie Champion, 1924.

Magnou, Elisabeth, voire *Gérard*.

Massé, Henri. Conquête de la Syrie et de la Palestine par Saladin (traduit de Imâd-ad-Dîn Al-Iafahânî, 1125—1201). — Paris, Librairie P. Geuthner, 1972.

Melville, Marion. La vie des templiers. — Paris, Gallimard, 1951.

Melville, Marion. Deux aspects de l'architecture des templiers, article paru dans *Archéologia*, Paris, mars-avril, 1969.

Michelet, Jules. Histoire de France, tome III. — Paris, Hachette, 1837.

Morrisson, Cécile. Les croisades. — Paris, Presses universitaires de France, 1973.

Ollivier, Albert. Les templiers. — Paris, Editions du Seuil, 1958.

Oursel, Raymond. Le procès des templiers. — Paris, Club du Meilleur Livre, 1955.

Oursel, Raymond. Les églises des templiers, article dans *Archéologia*, Paris, mars-avril, 1969.

Pernoud, Régine. Les croisades. — Paris, Hachette, 1959.

Pernoud, Régine. Les croisades. — Paris, Julliard, 1960.

Pernoud, Régine. Les templiers. — Paris, Presses universitaires de France, 1974.

Petel, Abbé Auguste. Comptes de régie de la commanderie de payns (1307—1309). — Troyes, Imprimerie Nouel, 1908.

Petel, Abbé Auguste. Le Temple de Bonlieu et ses dépendances. — Troyes, Imprimerie Nouel, 1910.

Piquet, Jules. Des banquiers au Moyen Age: les templiers. — Paris, Hachette, 1939.

Rey E. Les colonies franques de Syrie aux XII et XIII siècles. — Paris, Picard. 1883.

Vaours, Guy de. Quelques observations sur la toute primitive observance des templiers (Mélanges de Saint Bernard). — Dijon, Les Amis de saint Bernard, 1953.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Бейджендт М., Лей Р., Линкольн Г. Священная загадка. СПб., 1993.

Барбер М. Процесс тамплиеров. М., 1998.

Бейджендт М., Лей Р., Линкольн Г. Святая кровь и Святой Грааль. М., 1997.

Жаринов Е. В. Жак де Моле. М., 1999.

Легман Дж., Ли Г. Ч. История тамплиеров. М., 2002.

Мельвиль М. История ордена Тамплиеров. СПб., 2000.

Отт И. Тайна рыцарей тамплиеров. М., 1994.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Д. Балакин. Предисловие</i>	6
<i>Глава первая. СУДЬБА ОРДЕНА ТАМПЛИЕРОВ</i>	14
<i>Глава вторая. ГУТО ДЕ ПАЙЕН</i>	19
Завоевание Иерусалима	24
Несколько угодных Господу рыцарей... ..	27
Собор в Труа	34
Первоначальный Устав	37
Силой оружия в Граяне	41
Похвальное слово новому рыцарству	43
<i>Глава третья. БУЛЛА ИННОКЕНТИЯ II</i>	49
Робер де Краон	49
Рога Хаттина	52
<i>Глава четвертая. КАК СТАНОВИЛИСЬ ТАМПЛИЕРАМИ</i>	61
Соискатель	63
Посвящение	72
Распорядок жизни	80
<i>Глава пятая. МОНАСТЫРСКАЯ ЖИЗНЬ</i>	85
Гардероб тамплиера	86
Трапезы	90
Лазарет	93
Распорядок дня	95
Капеллан	98
Конец дня	100
<i>Глава шестая. ДИСЦИПЛИНА</i>	102
Еженедельные собрания капитула	104
Наказания	110
Чем заканчивалось заседание капитула	117
Уложения	117
<i>Глава седьмая. КОМАНДОРСТВА ЗАПАДА</i>	124
Сельские командорства	128
Дарения	135
Два хозяйства	137
Городское командорство	142
Париж, банк тамплиеров	145
Карта владений тамплиеров во Франции	152

<i>Глава восьмая. КОМАНДОРСТВА ВОСТОКА</i>	154
Святая Земля	156
Замки тамплиеров	161
Штаб Ордена тамплиеров	169
 <i>Глава девятая. ГНЕВ И БОЛЬ</i>	178
Тамплиеры в походе	180
Выборы Великого магистра	185
Последние магистры Ордена тамплиеров на Западе ...	191
Прощание с братом Жосленом	198
 <i>Глава десятая. МУЧИТЕЛЬНЫЙ КОНЕЦ ОРДЕНА</i>	
ТАМПЛИЕРОВ	202
Истинный муж	202
Жак де Моле	207
Ордер на арест	210
Пятница 13 октября 1307 года	219
Шахматная партия	221
Грабеж и разгон	229
 Приложения	235
Библиография	240

Бордонов Ж.

Б 82 Повседневная жизнь тамплиеров в XIII веке / Пер. с фр., предисл. и науч. ред. В. Д. Балакина. — М.: Мол. гвардия, 2004. — 243[13] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 5-235-02631-4

Книга об одной из самых таинственных страниц средневековой истории — о расцвете и гибели духовно-рыцарского Ордена тамплиеров в трагическом для них и для всех участников Крестовых походов XIII столетия.

О рыцарях Храма существует обширная научная и популярная литература, но тайна Ордена, прошедшего сложный путь от братства Бедных рыцарей, призванного охранять паломников, идущих к Святым местам, до богатейшей организации, на данный момент времени так и не раскрыта.

Известный французский историк Жорж Бордонов пытается отыскать истину, используя в своем научном исследовании оригинальную форму подачи материала.

**УДК 272
ББК 86.375**

Бордонов Жорж

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ТАМПЛИЕРОВ В XIII ВЕКЕ

Главный редактор **А. В. Петров**

Редактор **И. В. Черников**

Художественный редактор **Н. С. Штефан**

Технический редактор **Н. А. Тихонова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Л. В. Радченко, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 24.12.2003. Подписано в печать 01.04.2004. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл.-печ. л. 13,44+1,68 вкл. Тираж 7000 экз. Заказ 34754.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994 Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994 Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02631-4

БИБЛИОТЕКА МЕМУАРОВ

БЛИЗКОЕ ПРОШЛОЕ

*Мемуары и эпистолярное наследие
известных писателей, философов, художников,
музыкантов, театральных деятелей,
представителей творческой богемы*

Готовятся к изданию и уже вышли в свет:

Л. Бердяева
«ПРОФЕССИЯ: ЖЕНА ФИЛОСОФА»

Г. Свиридов
«МУЗЫКА КАК СУДЬБА»

Т. Маврина
**«ЦВЕТ ЛИКУЮЩИЙ.
ДНЕВНИКИ 1930—1990 гг.»**

Н. Серпинская
«ФЛИРТ С ЖИЗНЬЮ»

Н. Кончаловская
«ВОЛШЕБСТВО И ТРУДОЛЮБИЕ»

Д. Лешков
«ПАРТЕР И КАРЦЕР»

О. Высотский
**«НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ
ГЛАЗАМИ СЫНА»**

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:
787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87
<http://mg.gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

Л. Крете

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КАЛИФОРНИИ
В ГОДЫ ЗОЛОТОЙ ЛИХОРАДКИ»**

Э. Драйтова

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
А. ДЮМА И ЕГО ГЕРОЕВ»**

М. Шово

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЕГИПТА ВО ВРЕМЕНА КЛЕОПАТРЫ»**

Е. Суслина

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКИХ ЩЕГОЛЕЙ И МОДНИЦ»**

М. Брион

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВЕНЫ
ВО ВРЕМЕНА МОЦАРТА И ШУБЕРТА»**

Ф. Декрузет

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВЕНЕЦИИ
ВО ВРЕМЕНА К. ГОЛЬДОНИ»**

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:
787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87
<http://mg.gvardiya.ru.dscl@gvardiya.ru>

Повседневная жизнь каждого человека с ее рутиной, однообразным бытом представляется чем-то непреодолимо скучным. Но когда она становится историей, то окутывается романтическим флером, прорастает загадками. И чем дальше от нашего сегодня прошедшая эпоха, тем больше у нее загадок и тем неуждливее в нас стремление разгадывать их.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

В. Шевченко

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КРЕМЛЯ
ПРИ ГЕНЕРАЛЬНЫХ СЕКРЕТАРЯХ
И ПРЕЗИДЕНТАХ»**

А. Шураки

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЛЮДЕЙ БИБЛИИ»**

С. Охлябенин

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОЙ АРМИИ
ВО ВРЕМЕНА СУВОРОВСКИХ ВОЙН»**

Л. Адлер

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ. XIX—XX ВЕКА»**

М. Дефурно

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ИСПАНИИ В ЗОЛОТУЮ ЭПОХУ»**

Е. Лаврентьева

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ДВОРЯНСТВА ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ»**

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:

787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87

<http://mg.gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

в самое ближайшее время
представит на суд читателей следующие издания:

Ю. Лошиц
«ГОНЧАРОВ»

Ф. Важнер
«ГОСПОЖА РЕКАМЬЕ»

Ю. Селезнев
«ДОСТОЕВСКИЙ»

Н. Старосельская
«ТОВСТОНОВ»

О. Лекманов
«ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ»

В. Андриянов
«КОСЫГИН»

М. Синез
«ГЕРМАН ГЕССЕ»

С. Дурылин
«НЕСТЕРОВ»

А. Мусаев
«ШЕЙХ МАНСУР»

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:
787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87
<http://mg.gvardiya.ru> dset@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

в самое ближайшее время
представит на суд читателей следующие издания:

М. Вострышев
«ПАТРИАРХ ТИХОН»

Н. Черкашин
«АДМИРАЛ КОЛЧАК»

Г. Сухина
«ГРИГОРЬЕВ»

К. Жиль
«МАКИАВЕЛЛИ»

С. Федякин
«СКРЯБИН»

В. Бондаренко
«ВЯЗЕМСКИЙ»

Ж.-П. Ру
«ТАМЕРЛАН»

А. Берне
«БРУТ»

И. Клулас
«ИАНА ПУАТЬЕ»

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:

787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87

<http://mg.gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

О. М. Орлова
ГАЗДАНОВ

Это первое подробное жизнеописание Гайто Газданова — одного из самых ярких прозаиков младшей ветви белой русской эмиграции. Осетин по происхождению, рожденный в Петербурге и большую часть жизни проживший во Франции, он считал себя русским писателем. Мало кто знает, что кроме первого романа «Вечер у Клэр», который на исходе XX века принес ему заслуженную известность среди отечественных читателей, он — автор еще восьми романов и более сорока рассказов, составивших ему славу блестящего стилиста и тонкого психолога в русском зарубежье. События, пережитые эмигрантами — Гражданская война, отъезд в Константинополь, нищая жизнь в Париже, литературные баталии на Монпарнасе, трагедия оккупации, — в судьбе и творчестве Газданова оказались высвеченными с непривычной стороны. Благодаря этому, а также новым документальным находкам и исследованиям последнего времени образ Гайто Газданова и судьба его поколения представлены на фоне развернутой картины эпохи.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефоны: 978-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

978-63-75; 978-63-97; 978-64-78; 978-63-81

При издательстве работает

книжный магазин:

972-05-41; 978-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Ю. М. Лощиц
ГОНЧАРОВ

Жизнь И. А. Гончарова — одного из создателей классического русского романа, автора знаменитого романного триптиха — «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв» — охватывает почти восемь десятилетий XIX века. Писателю суждено было стать очевидцем и исследователем процесса капитализации России, пристрастным свидетелем демократических и революционных брожений в стране. Издаваемая биография воссоздает сложный, противоречивый путь социально-нравственных исканий И. А. Гончарова. В ней широко используются эпистолярное наследие писателя, материалы архивов.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81

При издательстве работает

книжный магазин:

972-05-41; 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

М. Брион

МОЦАРТ

(перевод с французского)

Марсель Брион, член Французской академии, написал свою книгу о любви, открыв перед читателем целую вселенную музыки Моцарта, его жизни и творчества. Гениальный австрийский композитор XVIII века, ушедший в бессмертие, не дожив до 36 лет, оставил после себя огромное музыкальное наследие — более 620 законченных произведений и немалое число фрагментов, эскизов, отдельных частей. Каждая новая эпоха открывает своего Моцарта и находит в нем созвучие своим мыслям и чувствам. Под глубоким воздействием моцартовского гения находятся все последующие поколения музыкантов и любителей музыки, узнавая в нем само совершенство.

Как и почти все гении, Моцарт не был понят и оценен своим временем, жил в стесненных материальных условиях, находился в унижительной зависимости от власть имущих. Но его музыка, напоенная светом, солнцем и жизнью, всегда будет восхищать и радовать людей, вдохновлять их на самые светлые и добрые дела.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Суховская ул., 21

Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81

При издательстве работает

книжный магазин:

972-05-41; 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

М. Бувье-Ажан

АТТИЛА

(перевод с французского)

Сотворение мифа о предводителе гуннов, знаменитом вожде Аттиле началось еще в древности, продолжалось в Средние века и, похоже, не завершилось и сейчас. Автор книги — известный специалист по социально-экономической истории, опубликовавший целый ряд исторических книг, в частности, по античности и эпохе Меровингов, предлагает читателю свою трактовку личности Аттилы. Здесь император выглядит не таким уж страшным и не столь плохим, как привыкли о нем думать. Прежде всего, автор ставит перед собой цель увлечь читателя своим рассказом об Аттиле. Пожалуй, книгу М. Бувье-Ажана можно отнести к историко-биографическому роману. Достоверно известные факты также достоверно излагаются в книге, а там, где автор ступает на зыбкую почву гипотез, опровергать его можно разве что, предложив еще одну гипотезу...

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81

При издательстве работает

книжный магазин:

972-05-41; 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

В. И. Андриянов
КОСЫГИН

Алексея Николаевича Косыгина по праву называют лучшим главой правительства в России XX века. О его жизни и деятельности, о загадках политического долгожительства на советском олимпе писатель Виктор Андриянов рассказывает, основываясь на неизвестных архивных документах, воспоминаниях родных и близких, соратников и товарищей А. Н. Косыгина.

В книге использованы фотографии из личных архивов Т. Д. Гвишиани-Косыгиной, а также И. П. Казанца, Е. А. Козловского и автора.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81

При издательстве работает

книжный магазин:

972-05-41; 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

**В. А. Лопатников
ГОРЧАКОВ**

Среди лицейских товарищей Пушкин недаром особенно ценил юного князя Александра Горчакова. Поэт сумел каким-то образом предугадать его блестящее будущее. Министр иностранных дел, а затем канцлер, Горчаков блестящим умом и поразительной работоспособностью выделялся как среди российских министров, так и среди европейских политиков.

Осуществление либеральной реформаторской политики Александра II стало для Горчакова смыслом жизни и целью государственного служения. Задуманное давалось в сложной борьбе: накал общественных страстей, противостояние политических группировок, провокационные выступления печати, нападки радикалов, сделавших ставку на терроризм... У читателя сами собой возникают сопоставления с современной Россией, неожиданные и весьма любопытные, что придает книге особую актуальность.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушчевская ул., 21

Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81

При издательстве работает

книжный магазин:

972-05-41; 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОВОДА

ЖЗЛ

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

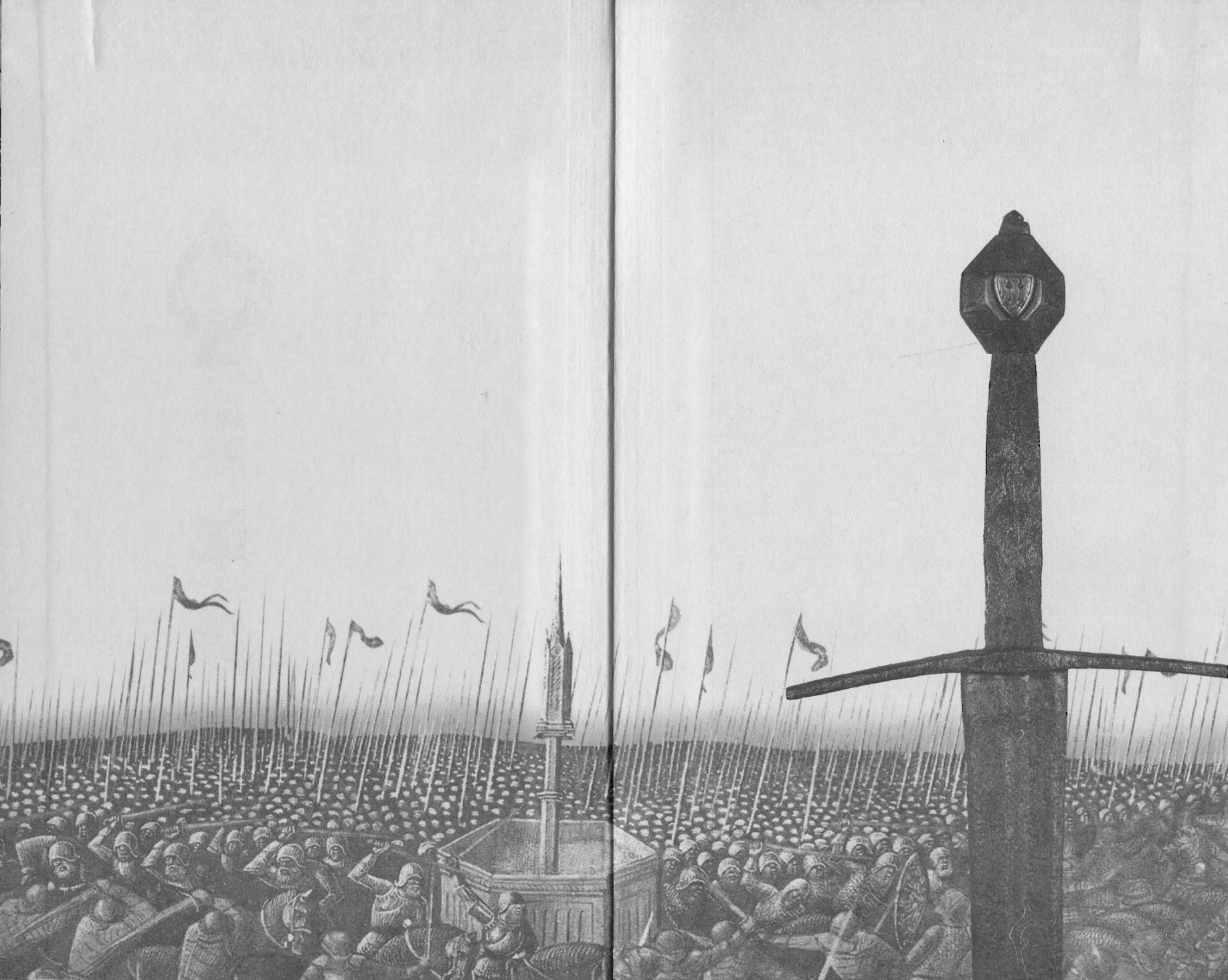
В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

Телефоны: 972-05-41, 787-64-77.

<http://mg.gvardiya.ru> ☎ book@gvardiya.ru

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

М. Брион

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЫ ВО ВРЕМЕНА
МОЦАРТА И ШУБЕРТА

А. Шураки

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЛЮДЕЙ БИБЛИИ

М. Шово

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЕГИПТА
ВО ВРЕМЕНА КЛЕОПАТРЫ

Б. Григорьев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РАЗВЕДЧИКА

Л. Адлер

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЕВРОПЕЙСКИХ
ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ

М. Аникович

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОХОТНИКОВ
НА МАМОНТОВ

ISBN5-235-02631-4

9 785235 026315 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ